

КАЗАНСКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№3 2019

Казань - 2019

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №3 2019г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2019. – 118.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-59615.

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; *В.В. Кондратьев* – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; *А.М. Саяпова* – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Казанский Издательский Дом, 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Р.Р. Хуснулина, Хоу Мэнвэй</i> АНТРОПОНИМЫ КАК АТРИБУТ ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА «КРОТКОЙ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ И КИТАЙСКИЙ ЯЗЫКИ)	7
--	---

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Ж.В. Бурцева</i> СЕВЕРНЫЙ ТЕКСТ ЛИТЕРАТУРЫ ЯКУТИИ: ПРИЗНАКИ СВЕРХТЕКСТА	11
<i>С.Н. Мироненко</i> ПУТЕВОЙ ОЧЕРК В ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: АФАНАСИЙ НИКИТИН - А.С. ПУШКИН - Б.А. ПИЛЬНЯК	14
<i>З.Г. Станкович</i> САМОНОМИНАЦИЯ В ТЕРМИНАХ НЕОДУШЕВЛЁННОСТИ КАК ФОРМА ЛИТЕРАТУРНОЙ САМОРЕФЛЕКСИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ЦОЯ	18
<i>М.В. Сухарева</i> ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОЙ ИРОНИИ В РОМАНЕ А. СНЕГИРЕВА «ВЕРА»: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС	21
<i>О.Ю. Юрьева</i> УЧЕНИЕ ОБ ИДЕЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ЭЙДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СИМВОЛИКИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА ХХ СТОЛЕТИЯ	25

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, А.Т. Хайруллин, Р.Н. Зигитбаев, А.Д. Лифанова, Р.Э. Сафаров, С.А. Батанин, А.Ф. Мухлисов, Л.Р. Сайтумирова</i> ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА В.А. МЫШКИНА (1944—2018 ГОДЫ)	29
---	----

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Н.И. Белунова</i> ПОЛИТЕМАТИЧНОСТЬ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ТЕКСТЕ ДРУЖЕСКОГО ПИСЬМА (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КОНЦА XIX - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ ХХ ВЕКА)	32
<i>М.Е. Бохонная, Е.А. Шерина</i> ЕДИНИЦЫ С «ВЕЩНОЙ» СЕМАНТИКОЙ В СРЕДНЕОБСКОЙ ЗАГАДКЕ	36
<i>М.Е. Бохонная, Е.А. Шерина</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ОБРАЗОВ ПОГОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	39
<i>О.В. Котлярова</i> ЭВОЛЮЦИОНИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ЗНАЧИМЫХ КОНЦЕПТОВ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА <i>ЧИНОВНИК, ОБЩЕСТВО</i>	42
<i>М.Ю. Масалова, С.В. Шелковникова</i> НЕОДНОЗНАЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СИНТАКСИСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ВЫРАЖЕНИЕ АСИММЕТРИИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА	45
<i>Ф. Видерас Санчес</i> ОБРАЗ АВТОРА В РУССКИХ И ИСПАНСКИХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ (ПЕРСОНИФИКАЦИЯ И СТИЛЬ)	48
<i>Ся Линь</i> РИТОРИКА И СЛОВЕСНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКОЕ И СОВРЕМЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРЕДМЕТНОГО СОДЕРЖАНИЯ НАУК	51

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Э.О. Айвазашвили</i> АКТУАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА БИЗНЕС-ДИСКУРСА ЧЕРЕЗ ДЕЙКТИЧЕСКУЮ ФУНКЦИЮ ЛИЧНОГО МЕСТОИМЕНИЯ «WE» (МЫ) (НА ПРИМЕРЕ ЖАНРА «БИЗНЕС-СОВЕЩАНИЕ»)	54
<i>Н.П. Андреева, Г.П. Терентьева, И.И. Чащина</i> СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ НАЗВАНИЙ АНГЛИЙСКИХ И ИРЛАНДСКИХ ПАБОВ	57

<i>Т.М. Белова, К.Э. Вяльях, Е.А. Яшкина</i> ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЕРБАЛЬНОГО И ВИЗУАЛЬНОГО В КИНОТЕКСТЕ	61
<i>Н.В. Сабурова, К.И. Федорова</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКА КАК МЕХАНИЗМА ТЕКСТОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ СМИ	64
<i>Н.Г. Хилалова, П.В. Янькова</i> СЕМИОТИКА КОМИЧЕСКОГО В АМЕРИКАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ ДИСКУРСЕ	68
<i>Л.Г. Юсупова, С.А. Песина</i> КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕКСИКИ КАТЕГОРИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	71
<i>Л.Г. Юсупова, С.А. Песина</i> ФОРМИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА	75

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Г.В. Галавова, А.В. Шаффикова</i> ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	79
<i>З.И. Евлоева, Э.Г. Оздоева, П.М. Алиева</i> КОНВЕРСИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ИНГУШСКОМ ЯЗЫКАХ	82
<i>Н.А. Иванова, А.В. Сахарова</i> К ВОПРОСУ О РОЛИ ЯЗЫКА КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	87
<i>Г.Н. Каримуллина</i> ЯЗЫКОВЫЕ ВОПРОСЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В МАТЕРИАЛАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ	90
<i>Е.Ф. Киров</i> ДИСКУРСЕМА И МЕГАЭПИТЕТ В ДИСКУРСОЛОГИИ	93
<i>А.Х. Малкандуева, А.Л. Гелястанова, К.В. Абазова</i> СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ	96
<i>К.О. Селезнева</i> РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВХОДЯЩИХ В СОСТАВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ <i>ОБЩИЕ НОМИНАЦИИ ПЕДАГОГОВ</i>	99
<i>А.А. Устиновская</i> К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	104
<i>Е.О. Чурюканова</i> К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ СТАНДАРТНОГО БРИТАНСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ ГЛАСНЫХ	107

АННОТАЦИИ	110
------------------	-----

THE RELEASE MAINTENANCE

<i>R.R. Khusnulina, Hou Menvey</i> ANTHROPONYMS AS AN ATTRIBUTE OF THE TRANSFER (THE TRANSLATION "THE GENTLE SPIRIT" BY F. M. DOSTOEVSKY IN ENGLISH AND CHINESE AS AN EXAPLE)	7
---	---

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

<i>Zh.V. Burtseva</i> NORTH TEXT LITERATURE OF YAKUTIA: SIGNS OF SUPERTEXT	11
<i>S.N. Mironenko</i> TRAVEL WRITING AND RUSSIAN LITERARY CANON: AFANASY NIKITIN - ALEXANDER PUSHKIN - BORIS PILNYAK	14
<i>Z.G. Stankovich</i> SELF-NOMINATION IN TERMS OF INANIMATENESS AS A FORM OF LITERARY SELF-REFLECTION IN VICTOR TSOI'S CREATIVITY	18
<i>M.V. Sukhareva</i> THE MAIN WAYS TO IMPLEMENT THE AUTHOR'S IRONY IN A. SNEGIREV'S NOVEL «FAITH»: AN ANTHROPOLOGICAL PROCESS	21
<i>O.Yu. Yureva</i> THE DOCTRINE OF IDEA AND IDEOLOGICHESKIE STATUS SYMBOLS OF F. M. DOSTOEVSKY IN RUSSIAN LITERATURE THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY	25

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, A.T. Khairullin, R.N. Zigitbaev, A.D. Lifanova, R.E. Safarov, S.A. Batanin, A.F. Muhlisov, L.R. Saitumirova</i> LITERARY HERITAGE OF PROFESSOR V.A. MYSHKINA (1944–2018)	29
--	----

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>N.I. Belunova</i> POLYTHEMATICISM AND ITS MAIN FEATURES IN THE TEXT OF A FRIENDLY LETTER (ON THE MATERIAL OF LETTERS FROM THE CREATIVE INTELLIGENTSIA OF THE LATE XIX - THE FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY)	32
<i>M.E. Bokhonnaya, E.A. Sherina</i> LEXICAL UNITS WITH "REAL" SEMANTICS IN THE MIDDLE OB RIDDLE	36
<i>M.E. Bokhonnaya, E.A. Sherina</i> METAPHORICAL MODELS OF ASSOCIATIVE RETHINKING OF WEATHER CATEGORIES IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES: COMPARATIVE ASPECT	39
<i>O.V. Kotlyarova</i> EVOLUTION OF CULTURALLY SIGNIFICANT CONCEPTS OF THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD <i>OFFICIAL, SOCIETY</i>	42
<i>M.Yu. Masalova, S.V. Shelkovnikov</i> AMBIGUOUS NOTIONS IN THE SYNTAX OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS EXPRESSION OF THE LANGUAGE SIGN ASSYMETRY	45
<i>F. Videras Sánchez</i> THE IMAGE OF THE AUTHOR IN RUSSIAN AND SPANISH NEWSPAPER TEXTS (PERSONIFICATION AND STYLE)	48
<i>Xia Lin</i> RHETORIC AND LITERATURE: HISTORICAL AND MODERN UNDERSTANDING OF THE SUBJECT CONTENT OF SCIENCES	51

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>E.O. Aivazashvili</i> THE ACTUALIZATION OF THE COMMUNICATIVE-PRAGMATIC POTENTIAL OF THE BUSINESS DISCOURSE THROUGH THE DEICTIC FUNCTION OF PERSONAL PRONOUN «WE» (ON THE EXAMPLE OF THE GENRE OF «BUSINESS MEETING»)	54
<i>N.P. Andreeva, G.P. Terenteva, I.I. Chatshina</i> SOCIOLINGUISTIC ASPECT OF IRISH AND ENGLISH PUB'S NAMES	57

<i>T.B. Belova, K.E. Vyalyak, E.A. Yashkina</i> PECULIARITIES OF VERBAL AND VISUAL INTERACTION IN FILM TEXT	61
<i>N.V. Saburova, K.I. Fedorova</i> FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF HEADLINE AS A MECHANISM OF TEXT'S REALISATION IN MODERN ENGLISH-SPEAKING ENTERTAINMENT MEDIATEXTS	64
<i>N.G. Hilalova, P.V. Yan'kova</i> SEMIOTIC OF THE COMIC IN AMERICAN UNIVERSITY DISCOURSE	68
<i>L.G. Yusupova, S.A. Pesina</i> COGNITIVE ASPECTS OF THE INTERPRETATION OF LEXICAL CATEGORY OF UNCERTAINLY IN THE ENGLISH LANGUAGE	71
<i>L.G. Yusupova, S.A. Pesina</i> THE FORMATION OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE POLYSEMANTIC WORD	75

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>G.V. Galavova, A.V. Shafikova</i> LANGUAGE AS A MEANS OF TRANSLATION OF CULTURE IN THE PROCESS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION	79
<i>Z.I. Evloeva, E.G. Ozdoeva, P.M. Alieva</i> CONVERSION IN FRENCH AND INGUSH LANGUAGES	82
<i>N.A. Ivanova, A.V. Sakharova</i> TO THE QUESTION ABOUT THE ROLE OF THE LANGUAGE AS A FACTOR IN THE FORMATION OF LANGUAGE PERSONALITY: THEORETICAL ASPECT	87
<i>G.N. Karimullina</i> THE LANGUAGE ISSUES OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN IN MATERIALS OF REGIONAL MASS MEDIA	90
<i>E.F. Kirov</i> DISCOURSEMA AND MEGAEPITETH IN DISCOURSEOLOGY	93
<i>A.Kh. Malkandueva, A.L. Gelistanova, K.V. Abazova</i> SEMANTIC TRANSFORMATION OF PROPER NAMES IN PHRASEOLOGICAL UNITS	96
<i>K.O. Selezneva</i> THE COMPONENT ANALYSIS RESULTS OF THE LEXEMS FROM THE THEMATIC GROUP ОБЩИЕ НОМИНАЦИИ ПЕДАГОГОВ	99
<i>A.A. Ustinovskaya</i> ABOUT THE PROBLEM OF TRANSLATION OF POETIC TEXTS	104
<i>E.O. Churyukanova</i> TO THE QUESTION OF DYNAMICS OF THE STANDARD BRITISH PRONUNCIATION ON THE EXAMPLE OF THE VOWEL SYSTEM	107

ABSTRACTS	110
------------------	-----

10.02.04

¹Р.Р. Хуснулина д-р филол. наук, ²Хоу Мэнвэй

¹Казанский национальный исследовательский технологический университет,
кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации,
Казань, gazilya-kh@yandex.ru

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Высшая школа перевода (факультет),
Москва, hon.nastya@mail.ru

АНТРОПОНИМЫ КАК АТРИБУТ ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА «КРОТКОЙ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ И КИТАЙСКИЙ ЯЗЫКИ)

Перевод антропонимов, то есть имен, фамилий, отчества является важным звеном в понимании текста произведения. Именно они связывают человека с его окружением и обществом в целом. Человек живет не только среди людей, но и среди имен, образующих определенный континуум, особое культурное пространство, единое для культурно-языкового коллектива и, вместе с тем, индивидуальное для его представителя.

Ключевые слова: антропонимы, континуум, имя, перевод, художественное произведение.

В настоящем исследовании мы проанализируем использование форм обращения, принятых в новелле Ф.М. Достоевского «Кроткая», и способы их передачи при переводе с русского на английский, затем с английского на китайский язык. Нас, главным образом, интересует перевод-обращение с русского на китайский язык. Именно при переводе «Кроткой» на китайский язык за основу был взят не русский вариант новеллы, а английский. В 1940-е годы, когда выполнялся перевод «Кроткой» в Китае и пограничных территориях, там еще не было квалифицированных переводчиков с русского языка, поэтому первый интерпретатор этой новеллы Достоевского Ван Вэйгао перевел ее с английской версии новеллы «The Gentle Spirit (переводчица Констанс Гарнетт, 2015 год), на китайский. В таком виде новелла появилась в первом собрании сочинений Ф.М. Достоевского в Шанхае в 1953 году.

В данной статье нас в основном интересует то, как лицо может именоваться. Но не всегда, как это явствует из «Кроткой», герою в произведении прилагается имя как личное название, даваемое при рождении, а также фамилию, семейное название [3, с. 245-246].

Имена собственные важны для общения и взаимопонимания. Антропонимы, то есть имена, фамилии, отчества являются важным звеном, которое связывает человека с его окружением и обществом в целом. Человек живет не только среди людей, но и среди имен, образующих определенный континуум, особое культурное пространство, единое для культурно-языкового коллектива и, вместе с тем, индивидуальное для его представителя. В языковой картине мира антропонимы занимают уникальное положение, поскольку они являются одними из первых слов, которые человек усваивает.

Имена собственные играют важную роль еще и потому, что указывают на время и место действия, общественный статус и национальную принадлежность героя. Антропонимы являются одними из обязательных атрибутов произведения, хотя в исследованиях переводов произведений, что особенно важно в этой статье, им Достоевским отнюдь не уделялось должного внимания. В «Кроткой» они обладают далеко не простой семантикой, уникальны по своей форме и этимологии, что нередко теряется при их передаче в процессе перевода. Это представляется интересным в культурологическом отношении, поскольку далеко не все формы референции, принятые в одной культуре, сохраняются при переводе произведения на английский язык. Дополнительной «нагрузкой» при переводе с русского языка является

отчество. Приблизительным временем его возникновения принято считать XI век; его «использование связано со стремлением выразить уважение к человеку [1, с.335]. Так, рассказчик упоминает офицера Ефимовича, который «принес много зла». Имя обладает критерием мотивированности, однако это не учитывается при переводе. Упоминание только отчества персонажа указывает на несомненную народность обращения, принятую у русских. Перевод же предлагает лишь транскрипцию, так же как и фамилий. Так, повествователь упоминает фамилии лавочников, к которым Кроткая обращалась: Добронравова и Мозера (Dobranravov, Mozer) .

Когда же мы переходим при общении с одного языка на другой, нам приходится использовать имена нарицательные в отношении и знакомых нам предметов и понятий. Некоторые исследователи полагают, что имена собственные относятся к знакам особого рода, это вторичные знаки, созданные на базе первичных знаков. В данном случае – имен нарицательных. По словам классика русского языкознания, «примитивное имя» явилось именем деятеля [4, с. 82], то есть именем, которое сообщество использовало для того, чтобы отличить одного члена этого сообщества от других.

«Представьте себе мужа, - пишет во Введении Достоевский, - у которого лежит на столе жена, самоубийца, несколько часов перед тем выбросившаяся из окошка. Он в смятении и еще не успел собрать своих мыслей. Он ходит по своим комнатам и старается осмыслить случившееся, «собрать свои мысли в точку». Притом это закоренелый ипохондрик, из тех, что говорят сами с собою».

Во введении к новелле Достоевский называет рассказчика личным местоимением «он», затем дает ему более конкретную характеристику, назвав его «ипохондриком» (в переводе Гарнетт – hypochondriac)[6, с. 599]. В толковом словаре английского языка А.С. Хорнби, это - больной человек «state of mental depression either without apparent cause or due to unnecessary anxiety about one's health» [5, с.419]. В русских толковых словарях это – настроенческое состояние человека. Выходит, английское слово передает более точное значение слова. Тому подтверждение – дальнейшее рассуждение Достоевского о рассказчике: «Вот он и говорит сам с собой, рассказывает дело, уясняет себе его. Несмотря на кажущуюся последовательность речи, он несколько раз противоречит себе, и в логике и в чувствах. Он и оправдывает себя, и обвиняет ее, и пускается в посторонние разъяснения: тут и грубость мысли и сердца, тут и глубокое чувство. Мало-помалу он действительно уясняет себе дело и собирает «мысли в точку». Ряд вызванных им воспоминаний неотразимо приводит его, наконец, к правде, правда неотразимо возвышает его ум и сердце. К концу даже тон рассказа изменяется сравнительно с беспорядочным началом его. Истина открывается несчастному довольно ясно и определительно, по крайней мере, для него самого».

Первое упоминание героини в рассказе дано в третьем лице – «она», упоминается оно многократно, иногда рассказчик именуется ее как гувернантка (a governess) [6, с.600]. Любопытно, что в китайском варианте 家庭教师 – гувернантка - может быть женского рода и мужской рода одновременно. Поэтом «гувернантка» лучше было бы перевести как 家庭女教师 (домашнюю учительницу).

Наконец, в главе V части 1 рассказчик называет ее Кроткая (A Gentle Spirit) [6, с. 614]. В китайской переводе 温柔的灵魂 - Кроткая - «温柔的» [2, с. 17] обозначает нежный или кроткий, а корень слова «灵魂» - душа. По рассказу мы знаем, что автор рассказывает о жене. Однако слово 灵魂 (душа) не указывает, что эта история о женщине, а не о мужчине. Более точны такие определения, как «温顺的女性 (кроткая женщина)» или «认命的姑娘 (девушка примирившаяся с судьбой)».

Как-то раз рассказчик видит в ней образ Богородицы (Madonna with a Babe)[6, с. 618]. В китайском переводе 处女的形象 образ Богородицы – переводчик заменил богородицу на девственницу(处女) [2, с.21]. Но слово богородица обозначает «Святая Мария», а не девственница(处女). В китайской художественной литературе люди даже чаще говорят образ Богородицы (圣母形象), а не образ девственницы (处女的形象).

В последних строках новеллы отмечается, что «Ботиночки ее стоят у кровати, точно ждут ее...» - «Her little shoes are standing by the little bed, as though waiting for her...») [6, с. 635]. Любопытно, что в английском языке уменьшительных слов нем, «уменьшение» «придается за счет добавления прилагательных, придающих предмету уменьшительную форму. В китайском переводе 她的鞋子正站在婴儿床旁, 等待着她 [2, с. 37] – «Ботиночки ее стоят у кровати, точно ждут ее», значение слова 站 (стоят) автор перевел дословно, но оно не совпадает с содержанием русского слова. В китайском языке чаще всего слово 站 (стоят) описывает людей или животных (т.е. одушевленные существа), а не 鞋子 (ботиночки).

О себе герой говорит в 1 лице – я, и мы так и не узнаем ни ее, ни его имени. Себя, правда, называет Мефистофелем, Mephistopheles) [6, с. 612], в китайском - 靡菲斯特 [2, с. 14].

Кухарку называет по имени – Лукерья, ее имя передается транслитерацией Lukerya) [6, с. 632]. Так же и в китайском варианте перевода - 露克莉亚 [2, с. 34]. Сама же Лукерья называет Кроткую барыня. Следует обратить внимание на форму обращения, которые не содержит в себе имени собственного, но которые ранее были свойственны русской культуре (барыня). В английском переводе «Lady» [6, с. 613], высокопарное слово, в китайском 女士 [2, с. 14] - госпожа, образованная женщина, что тоже не соответствует объему понятия «барыня» в русском языке.

Нередко значительную помощь в гендерной дифференциации оказывают социальные титулы, которые помогают гендерно идентифицировать персонаж. Так, рассказчик упоминает про теток Кроткой, в частности Юлию Самсоновну, вдову, да еще и полковницу. Кстати форма перевода – вдова, полковница – довольно часто используется переводчиком вместо несколько громоздкой формы: полное христианское имя, отчество, фамилия. Widow – в английском чаще переводится как вдовушка, полковница – colonel'wife, описательно [6, с.629]. В китайском вдова - 寡妇, полковница - 上校 (полковник, только в мужском роде) [2, с.31]. Как видим, состав антропонимической модели и порядок расположения ее компонентов позволяет определить представления носителей разных культур о соотношениях я – ты, мужчина – женщина. Эти соотношения вызывают определенные трудности при переводе, поскольку культуры прошли стадию «игры с именем», которая далеко не совпадает у разных народов. Также как и отсутствие имени собственного и обезличенное обращение «она», «я» не всегда понятно читателю, делает образ неполным, незаконченным. Многократное, настойчивое употребление единиц неопределенности в русской речи привлекает к себе внимание своей необычностью. Ф.М. Достоевский разбрасывает по тексту личные местоимения, сигнализирующие о том, что признаковое слово употреблено в каком-то особом, пока еще неуловимом смысле, и эта специфичность многообразна и многозначительна. Кроме того, неопределенность выполняет более общую роль: неопределенность текста есть отзвук неопределенности в суждениях человека, наличие ее в русском характере, и, в частности, в характере героя. Неопределенность сквозной линии проходит через все произведение, поскольку это качество является одним из наиболее ярких черт личности героя и тому «фантастическому» рассказу, который он повествует. С позиций неопределенности героя также характеризует и его первый внутренний монолог, в котором он дает самооценку, сигнализирующую о неопределенности и раздвоении личности героя, находящегося между рассудком и чувством, борьбе, которую можно назвать матрицей альтернативы «за» и «против». В результате его рассуждений мы понимаем, что в этой матрице регистрируются не только его глубоко раздвоенное непоследовательное сознание, но и очевидность того, что неспособность дать четкое имя своей жены связана с его внутренним саморазрушением.

С переводческой токи зрения в английских высказываниях отмеченных потерей знака определенности, наблюдается прием импликации, при котором признак, присутствующий в высказывании исходного языка, имплицитно присутствует в высказывании переводящего языка.

«Вот пока она здесь — еще всё хорошо», - так начинается новелла Достоевского. В английском переводе Гарнетт: «Oh, WHILE she is still here, it is still all right» [6, с.600]. В данном случае переводчица в переводе имплицитно выделяет слово «пока», выделяя его крупным шрифтом. И этот признак неопределенности имеет принципиальное значение для автора. Перевод видоизменяется, события, переданные в исходном языке, обретают большую выразительность при переводе на английский. Этот эффект, в действительности, переводческая потеря Констанса Гарнетт. Дело в том, что это первое предложение выводится из конца произведения: героиня умерла, но она «пока» еще здесь, и рассказчик, сетующий, что «все на пять минут опоздал», радуется, что «она здесь», а значит, «все хорошо». Такого рода переводческие высказывания нивелируют идею неопределенности, в которой стираются и гаснут реальные краски. В китайском варианте перевод искажает значение всей фразы: 这是直到她在这里-一切都还不错 [2, с.3] - Это было до тех пор, пока она не была здесь.

В то же время нарицательные имена, им данные, в частности, Кроткая, представляет интересный переводческий материал – описательный, но с четким указанием на женское лицо.

Список литературы

1. *Веденина Л.Г.* Человек в лингвоэтнокультурном пространстве. - М: Языки славянской культуры. - 2017. - 664 с.
2. *Достоевский Ф.М.* «Леди» (пер. Ван Вэйгао). - Издательство: Книжный магазин Вэньгуан. - 1947. - 139 с.
3. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. - М.: А ТЕМПЮ - 2010. - 874 с.
4. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. – М.: Просвещение. – 1968. – 536 с.
5. *Hornby A.S.* Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English. Специальное издание для СССР. - М.: Издательство «Русский язык». - 1982. - 544 с.
6. *Garnett C.A* Gentle Spirit // Fyodor Dostoevsky. Notes from underground and other stories. - L.: Wordsworth classics.т- 1987. - С. 599-636.

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Ж.В. Бурцева канд. филол. наук

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера,
Сибирского отделения Российской Академии наук,
Якутск, gvburtseva@mail.ru

СЕВЕРНЫЙ ТЕКСТ ЛИТЕРАТУРЫ ЯКУТИИ: ПРИЗНАКИ СВЕРХТЕКСТА

В статье определены основные критерии выделения Северного текста литературы Якутии: наличие круга текстов, семантически связанных с Крайним Севером (Арктикой), отражающих систему представлений о северном человеке и мире; уникальность географических природных параметров Севера и представлений о нем; общность культурного интерпретирующего кода; осмысление собственной истории и традиционной культуры; законы формирования художественного языка и тенденции его развития.

Ключевые слова: *северный текст, региональный текст, сверхтекст, литература малочисленных народов Севера Якутии, пространство Севера.*

Исследование Северного текста основывается на базовых методах изучения городских текстов, которые опираются на концептуальные семиотико-культурологические принципы анализа, выявляющие культурные коды топосных сверхтекстов. Наиболее продуктивным методом исследования Севера как текста выступает комплексный подход, а именно концептуальный, культурно-исторический, семиотический, культурологический, биографический, интертекстуальный методы, а также геопозитический подход. В этом плане художественная картина мира включает в себя совокупность ландшафтных характеристик, образов природы, пространства, времени, движения.

В литературе малочисленных народов Севера Якутии как целостной знаковой последовательности означающим образом является хронотопический образ Крайнего Севера, имеющий свою пространственную характеристику, формирующийся и во времени, и в процессе истории. Север осмысливается как единый концепт и внетекстовая реалья, генерирующая и порождающая данный региональный текст.

Методология исследования заключается в выявлении общих признаков, проявляющихся в единой модели мира и мифотектонике, т.е. культурном коде, присутствующим в сознании большинства носителей культуры и так или иначе проявляющимся в текстах, несмотря на то, что создана различными авторами.

В русле современных исследований культурным кодом обозначается совокупность знаков и механизмов, сформированная стереотипами мировосприятия, определяющая отношение человека к окружающей миру, природе, социуму, духовной стороне бытия, а также самому себе.

Разработаны критерии выделения Северного текста на материале литературы Якутии, смысловым ядром которого является литература малочисленных народов Севера (эвенков, эвенков, юкагиров), наиболее ярко отражающая национальную картину мира северного человека:

1) Существует определенный круг текстов, наиболее репрезентативный для данного локального текста в целом, определяющий законы формирования его художественного языка и тенденции его развития. Все авторы-северяне, начиная с творчества основоположников и далее, юкагиров Н.И. Спиридонова - Тэки Одулока, С.Н. Курилова, Н.Н. Курилова, Г. Дьячкова, эвенков Н.С. Тарабукина, П. Ламутского, В. Лебедева, А. Кривошапкина, В. Кейметинова-Баргачана, В. Белолобской-Аркук, эвенков Д. Апросимова, Н. Калитина, Г.

Кэптукэ, пытаются осмыслить Север как историческое, ландшафтное, социально-культурное пространство.

2) Арктическая зона Якутии, так называемый Крайний Север, в художественных текстах представлен как образно и тематически обозначенный центр, единый концепт и конкретный локус, который имеет свои географические, историко-культурные характеристики, а также субъективный образ восприятия и интерпретации реального пространства. Север как внетекстовая реалья является генеративным порождающим явлением или фактором данного регионального текста. Образ Крайнего Севера как географический локус имеет свою пространственную характеристику, формируется и во времени, и в процессе истории.

В северной литературе Якутии концепт «Север» выражается абсолютно различными метафорическими представлениями, такими как «Север - это судьба народа», «Север - это земля сородичей», «Север - это человек», «Север - это кочевье», «Север - это дом», «Север - это противоречивый географический образ», «Север - это край земли», «Север - это природа и стихия», «Север - это пограничье, граница, рубеж», «Север - это борьба за выживание и труд», «Север - это боль» и другими, характеризующимися природно-климатическими и исторически сложившимися условиями, особенностями мировоззрения и традиционной жизни людей, проживающих на данной территории.

Анализ пространственной модели показал, что данный региональный текст строится на принципе бинарности и антитезы, доминантой в смысловой организации пограничного пространства является оппозиция свой/чужой, структурирующая другие бинарные оппозиции (север/цивилизация, природа/цивилизация, жизнь/смерть, суровый/хрупкий, свобода/несвобода, добро/зло, горожане/северяне, прошлое/настоящее и других). Выявляется пограничный характер Северного пространства, сочетание в нем противоположных черт, контрастных пространственных характеристик, описание мотивов и образов с семантикой переходности и рубежа, горизонтальное и вертикальное измерение топоса тундры как границы земли и неба, дня и ночи в пору белых ночей. Выявляются признаки, которые характеризуют геопозитический образ Севера как особой географической зоны. Включение топонимов в художественное пространство позволяет писателю образно представить свое мироотношение.

Составляющие северного ландшафта – это образы тундры далекой, вечной тайги, замерзшего Северного Полярного моря, высоких лесистых гор, лесного массива над обрывистым берегом (эвен.-дяпканга), вершин Джугджура, скал (эвен.-кадары), матерчатых пологих (эвен.-элбукэ), горных речек, болот, студёных таежных речек, кочевых тропинок, зарослей тальника (эвен.-хятакаги), тополиных рощ, полянок, кромки земли Анабара, Себяна, снежных скал Албая, реки Нявайнадану (юкагир.-река Белого Волка), реки Колыма, Ясачная, Лабунмэдэну (юкагир. название реки Большая Чукочь), реки Нунгэдэн (юкагир. название реки Нелемное) и многих других. Доминирующие черты этих образов имеют символическое осмысление, заложенных еще в историко-культурной памяти народа.

3) Литература народов Севера Якутии как отдельная художественная система с архаичными формами культуры прошла своеобразный путь своего становления, начиная с 1930-х гг., и синхронность развития в общем историко-литературном процессе XX в. Все этапы формирования этой литературы связаны с желанием авторов осознать собственную историю и традиционную культуру, и это следует характеризовать как черту регионального художественного сознания.

Только в пределах XX столетия коренные малочисленные народы Якутии пережили целый ряд крупных как исторических, так и социально-экономических преобразований, в том числе перевод кочевого населения на «оседлый», что не могло не оставить свой травматический опыт. Все эти события повлекли серьезные перемены в хозяйстве и культуре, в расселении и укладе их жизни.

История культуры и литературы любого этноса связана с особенностями его исторической судьбы, процессом зарождения и формирования у него этнического и национального самосознания и становлением национального литературного языка. Главные этапы развития

северной литературы Якутии происходят в XX веке, начиная с 1930-х гг. и особенно во второй половине XX столетия, при этом она демонстрирует пример ускоренной эволюции, так называемой, «молодой литературы с древними корнями».

4) Литературу народов Севера Якутии можно представить как сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой цельностью в месте встречи текста и внетекстовой реальности.

5) Общность художественного и культурного кода к пониманию данного типа культуры, который определяет набор образов, связанных с каким-либо комплексом стереотипов в сознании.

6) Устойчивость и одновременно подвижность динамичность границ данного локального текста.

7) Образ Севера образует дополнительные смыслы, связанные с его мифологической культурологической метафорой.

Таким образом, под Северным текстом литературы Якутии мы подразумеваем семантически связанную с Крайним Севером (Арктикой) систему представлений о северном человеке и мире, которая отражает уникальность северного пространства, а также общность культурного интерпретирующего кода, отраженного в художественных текстах. Мы пришли к выводу, что данный региональный Северный текст обладает всеми признаками сверхтекста и может быть классифицирован как типологический вариант северного сверхтекста.

Список литературы

1. Галимова Е.Ш. Северный текст в системе локальных (городских и региональных) сверхтекстов русской литературы. URL: http://narfu.ru/ifmk/cen_lab/ntext/files/galimova.pdf (дата обращения 25.04.2018).
2. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. – СПб.: Искусство-СПб, 2003. – 617 с.
3. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. URL: <http://www.gassvet.websib.ru>chapter.htm?no=35> (дата обращения: 05.12.2018).
4. Шурупова О.С. Концептосфера городских сверхтекстов русской литературы (лингвокультурологический аспект): дис. докт. фил. наук. – Елец, 2017. – 511 с.

10.01.01

С.Н. Мироненко

Государственный социально-гуманитарный университет,
кафедра литературы,
Коломна, rock34_92@mail.ru

**ПУТЕВОЙ ОЧЕРК В ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
АФАНАСИЙ НИКИТИН - А.С. ПУШКИН - Б.А. ПИЛЬНЯК**

В данной статье прослеживаются традиции русского путевого очерка на примере трех произведений: «Хожение за три моря» Афанасия Никитина, «Путешествие в Арзрум» Александра Сергеевича Пушкина и «Таджикистан – Седьмая Советская» Бориса Андреевича Пильняка.

Ключевые слова: *Афанасий Никитин, А. С. Пушкин, Б. А. Пильняк, очерк, путевой очерк.*

В современном мире все больше и больше входит в моду тревел-журналистика, тревел-литература – различные описания своего путешествия, начиная от банального рассказа о достопримечательностях посещенного места, до сложных поездок в ограниченные к посещению страны. Чаще такие тревел-произведения пишут популярные блогеры, журналисты-международники, люди свободных и творческих профессий. Яркий пример современника – популярный блогер, общественный деятель и журналист – Илья Варламов.

Но как обстояло дело чуть меньше 100, 200 лет назад? Каким был жанр тревел-литературы в советское время? Что хотели сказать авторы молодой советской республики своим читателям, что они хотели и могли показать? На эти вопросы мы попробуем дать ответ.

Сейчас очень сложно представить, что человек не может получать информацию круглосуточно, из всех возможных источников, от книг, газет до телевидения и Интернета.

Еще сто лет назад большую часть информации человечество получало из устных преданий родственников, учителей, духовных авторитетов. Огромную роль в этом играли рассказы о путешествиях людей – как в нравоучительной части, так и в части познания мира. Далеко не всегда эти рассказы были назидательными – очень часто, особенно в детском устном творчестве, это были сказки страшные, пугающие, чтобы ребенок понял, как опасен мир, что нужно оставаться на своем месте. Все это «рихтовалось» и концентрированной мудростью народа – пословицами и поговорками. Самая обычная «Где родился, там и пригодился», уже показывает отношение наших предков к перемещениям.

Но страсть человека к путешествию всегда была невероятной. Пускались в странствия купцы, люди с авантюрной жилкой, моряки, путешественники. Все они привозили рассказы о «заморских» землях, о чем-то новом и неизведанном.

Для изучения на внеклассном чтении мы можем выделить несколько произведений русской литературы. Чтобы познакомиться с историей жанра русского путевого очерка мы бы предложили прочитать самое первое русское произведение в данном жанре - памятник русской литературы XV века – «Хожение за три моря» купца Афанасия Никитина. Его работа считается первым русским описанием торгового и нерелигиозного путешествия.

Афанасий Никитин старался рассказать об увиденных им землях в рамках своего понимания мира. Поэтому и его повествование является подобием атласа мира: где был, что прошел, чем занимался. Лирических отступлений очень немного, но для своего времени это памятник русской литературы.

Стоит обратить внимание на то, что в это время в мире начинают свершаться великие географические открытия. Колумб плывет в Америку. Васко да Гама открывает первый морской путь из Европы в Индию.

А Афанасий Никитин, наш земляк, пешком, реками и морями проходит от сердца русской земли – Твери до Индийского океана, пересекает всю Индию, путешествует по Персии и даже плавает вдоль берега Эфиопии!

Очерк предельно информативен в плане именно путевого листа – автор с большим тщанием упоминает все города, где он побывал, но упоминает о нравах местных жителей, лишь, если они его поразили или казались ему дикими.

Вспоминает он так поразивших его индийцев, как нагих, носящих лишь фату вместо одежд. При этом, очень интересно, с точки зрения современника понять его – как он мог так долго путешествовать, чем он жил, что для себя вынес. В некоторых местах Афанасий Никитин жил достаточно долго, по несколько месяцев.

Все путешествие заняло целых шесть лет!

Можно попробовать представить борьбу духа Афанасия Никитина с случившимися с ним неприятностями, попробовать представить те расстояния, что он преодолел возвращаясь домой.

В дальнейшем путевые очерки стали более лиричны и информативны: возьмем, к примеру, входящую в школьную программу повесть А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» - путевые заметки Пушкина о своей поездке на русско-турецкую войну 1829 года.

Пушкин написал максимально близкое к нашему времени произведение. По его кальке очень часто пишутся и современные тревел-произведения.

Каждую главу он начинает с образов увиденного: «Степи. Калмыцкая кибитка. Кавказские воды. Военная Грузинская дорога. Владикавказ. Осетинские похороны. Терек. Дариальское ущелье. Переезд через снеговые горы. Первый взгляд на Грузию. Водопроводы. Хозрев-Мирза. Душетский городничий»[3, с. 415].

Его галерея образов, предваряющая каждую главу, была необходима для создания настроения, для дальнейшего изображения главы. Что представляет человек, прочитав или услышав слово «степи»? Высохший до каменного состояния такыр, жалкие клочки желтой, выгоревшей на солнце травы, отсутствие воды.

Уже одно это создает систему визуальных образов, доступных всем поколениям читателей, позволяет ощутить зной степи, шум реки, иссиню высоту переезда через заснеженные перевалы гор.

Стоит выделить отдельно несколько видов путешественников-литераторов, несколько их взглядов:

- первые, самые немногочисленные, стараются просто рассказать о том, что они увидели, без всяких эмоций и нравоучительных выкладок;
- вторая группа путешественников старается показать, как им все нравится, как их хорошо в этом путешествии;
- третья группа включает тех, кому не нравится абсолютно все в путешествии, когда все кажется диким, страшным или плохим.

Пушкин относился к последней группе, не был чужд морализаторству, хоть и страдал от прихода прогресса: «Признаюсь: Кавказские воды представляют ныне более удобностей; но мне было жаль их прежнего дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался[3, с. 418]». Однако он отмечал, что дикость и первобытность, царящая среди народов населяющих земли где он путешествует – ужасна: «Она предложила мне свой ковшик. Я не хотел отказаться и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже[3, с. 417]», «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам. [3, с. 420]»

Пушкин в своих путевых заметках с жалостью отмечает чем должна Россия укрощать местные народы: «Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. ... Кавказ ожидает христианских миссионеров. Но легче для нашей лени в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты» [3, с. 421].

В художественных работах более поздних путешественников молодой советской России прослеживается значительная перемена в менталитете, во взглядах, в настроениях.

В качестве продолжения знакомства в рамках внеклассного чтения мы бы хотели предложить произведение Б.А. Пильняка – «Таджикистан – Седьмая Советская» с подзаголовком «Очерки. Материалы к роману».

Один из самых противоречивых и читаемых писателей первой трети XX века, Борис Пильняк по-прежнему остается в центре внимания. Вошедший в литературу стихотворениями в прозе, утвердившийся романами, быстро ставший классиком, имевший свою школу, занимавший в литературной иерархии один из самых высоких постов – он, тем не менее, до сих пор вызывает споры своими произведениями, неоднозначные оценки которым дают литературоведы разных континентов.

Вся литературная публицистика писателя была направлена на выполнение своего социального назначения – формировать общественное мнение и побуждать к социальному действию. И именно очерковая проза наиболее удобна и убедительна в этих целях, так как очерк – это жанр огромной внутренней энергии, внутренней конфликтности. Он синтезирует социальные и нравственные вопросы, умеет быстро воспринимать новое и главное в жизни общества, отличается конфликтностью, драматизмом действия. Пластичная природа жанра позволяла писателю быстро откликнуться на волнующие вопросы времени. Основанный на глубоком исследовании социальных процессов, очерк выступал как первопроходец проблем, являлся связующей нитью между прошлым и будущим.

Само название «Таджикистан - Седьмая советская» уже устанавливает роману его планку, его самоцель – показать Таджикистан, прежде всего как советскую республику, уже Советский Таджикистан, которому на тот момент было всего несколько лет.

Сами очерки были написаны во время путешествия по Средней Азии. «... и – десять, семь, пять лет назад – Таджикистан пребывал в жесточайшем средневековьи, таком же, как в Европе девятого-одиннадцатого веков, со средневековыми башнями замков, с сюзерено-вассально-баронской системой управления, в полнейшем бесправии крестьян ...»[2, с. 7].

Если ранняя литература о путешествиях была в виде «вояжной», «походной», когда автор либо описывал своё путешествие, либо следовал за войсками, то литература раннего СССР тяготеет к новой модели очерка. Очерк на производственную тему в большинстве своем повторяла композиционные черты очерка традиционного – этнографического[1, с. 25]. Производственные очерки, как правило, были построены в жанре «путешествия» (по фабрике, заводу, стройке).

Рассказывал он и о проблемах с бандитами, причем уже русскими, в стране, где русские поселились лет пять назад. О басмачах, которые просто воруют и убивают – просто – потому что это их родовой уклад. Как у соловья. Соловей поёт не потому что он хочет петь, а потому что его горло так устроено, он поёт сам по себе. Так и эти бандиты: они воруют и грабят, потому что это узаконено столетиями истории, эксплуатации таджикских крестьян (декхан-бедняков), ограбления и поборов местного населения баями и эмирами.

Есть в очерках у Пильняка описательные речевые формы, целиком построенные на воссоздании свойств предметного мира, воспринимаемых чаще всего через слух. Его пейзажные зарисовки схожи с живописью, в которой видишь и чувствуешь величие среднеазиатских просторов, могучих гор «... выше нас вечным седым величием величествовали вершины»[2, с. 58] и перевалов, шумных горных рек «я видел на перевалах, как рождаются реки» [2, с 68] и плодородных долин. Подобные типы описаний в очерках Пильняка имеют задачу сформировать у читателя особое, удивительное, умиротворенное состояние гармонии души с природой.

Пильняк художник, он всё равно начинает писать о красоте природы Таджикистана, его высоких, звонких горах, его джунглях и террасах, чувствуется, как его тяготит агитационная направленность книги, но он упрямо к ней возвращается, пытается писать о советской власти – не раз и не два и даже не три написав, что советская власть несет больницы и школы в дикий и средневековый Таджикистан, она приходит рабочими, агрономами, геологами, пробивает динамитом дороги в горах, но все слова о советской власти Пильняка затёрты, все определения СССР однообразны.

Пильняк видит в Таджикистане действия космического масштаба, его движения, равные лишь движениями планет и небесных светил.

Автор стремится понять народ Таджикистана и не делать поспешных суждений об увиденном, эмоционально отстраняясь от всего происходящего вокруг него. И выразить это через объективность описания.

Образ ветра пыли, образ лессовой пыли в этом ветре, – пыли, которую он сравнивает со всем плохим, что может быть в Таджикистане, начиная от её непосредственного значения – мелкой, всюду проникающей пыли, до контрабандистов и нечистых на руку чиновников даёт Пильняку возможность и надежду, что ветер перемен всё равно – несмотря на то, что Пильняк постоянно чувствует эту пыль, духоту – победит, возобладает над всем. Вместе с тем он чувствует и упоение, восторг от нового, строящегося Таджикистана, его другую сторону – ветра темпов, ветра перемен, ветра будущего.

Таким образом, последовательно рассматривая данные произведения, можно рассказать о традиции и истории русского путевого очерка, проследить его изменение, увидеть, где автор перестал быть просто пассивным наблюдателем, описывающим лишь свой путь, а стал непосредственным участником действия. Пройдя огромный путь от простого маршрута пути Афанасия Никитина до современности, путевой очерк вобрал в себя лучшие стороны литературы такого жанра, в какой-то момент сумев отказаться от непривлекательной стороны своей составляющей.

Многие современные авторы чаще и чаще возвращаются к этому жанру и стараются работать с ним – он дает богатые возможности самовыражения, очень часто возможность циклического действия – значит, можно проследить хронотоп путешествия, автор почти всегда возвращается домой обновленным, изучившим что-то, а иначе зачем было совершать его странствие?..

Список литературы

1. *Абдуразакова Е.Р.* Тема Востока в творчестве Бориса Пильняка: дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2005. – 215 с.
2. *Пильняк Б.* Таджикистан – седьмая советская. Очерки: материалы к роману. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. – 120 с.
3. *Пушкин А.С.* Собр. соч. в 10 т., Т. 5. Путешествие в Арзрум. - М., 1960. – С. 415.

*10.01.01***З.Г. Станкович канд. филол. наук**

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Подготовительный факультет для иностранных учащихся,
кафедра гуманитарных наук,
Казань, uky-opna@yandex.ru.com

САМОНОМИНАЦИЯ В ТЕРМИНАХ НЕОДУШЕВЛЁННОСТИ КАК ФОРМА ЛИТЕРАТУРНОЙ САМОРЕФЛЕКСИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ЦОЯ

Целью исследования является изучение специфики саморефлексии в песенной лирике Виктора Цоя, осуществляющейся путём самономиниции лирического субъекта как неодушевлённого предмета или явления. Ранее эта форма проявления саморефлексии не рассматривалась в литературоведении, что обуславливает новизну предмета исследования. Самономиниция в категориях неодушевлённости раскрывает особенности понимания Цоем проблем одиночества и потребности в собеседнике, тем урбанистической вселенной и человеческого микрокосмоса.

Ключевые слова: *саморефлексия, самономиниция, русская рок-поэзия.*

Одним из неотъемлемых свойств художественного слова является потребность автора в творческой самооценке, в размышлении о собственной личности и творчестве на страницах произведений. По мнению О.Ю. Анцыфёровой, саморефлексия – «необходимый фактор бытования литературы, зародилась вместе с литературой, задолго до того, как проблема литературной саморефлексии была выдвинута на первый план объективными условиями развития научного знания» [1]. Говоря о новейшем времени, М.А. Хатямова полагает, что «XX век актуализировал литературную саморефлексию как один из основных способов сохранения самоидентичности литературы (...)» [6, 5].

Лирика часто предполагает высокий градус субъективности, в результате чего на страницах произведений мы встречаемся с различными видами «я»- субъектов. Вслед за В.Е. Хализевым можно говорить о двух полюсах интерпретации местоимения «я» в лирическом тексте – об автопсихологическом субъекте и о персонаже ролевой лирики. Автопсихологический субъект максимально приближен к биографическому автору по своим мыслям, чувствам и настроениям. Герой же ролевой лирики наиболее дистанцирован, так как принадлежит другой эпохе, социальной группе и т.п. В ролевой лирике автор может говорить от имени животного или неодушевлённого предмета, однако и в этих случаях сохраняется элемент саморефлексии. Автор будто примеряет маску, играя в своего рода игру. Он задаёт себе вопрос, как бы он поступил, приняв на себя чужие обязанности, ограничив себя рамками иного субъекта. Ключевым моментом каждой рефлексии является оценка. Нередко в процессе оценивания человек даёт название тому, что оказалось в сфере его внимания. По этой логике возможно ожидать, что лирический субъект даст название и самому себе, то есть осуществится самономиниция. С этой позиции называние «я»-субъектом самого себя может рассматриваться как вариант саморефлексии автора в художественном тексте.

Предметом исследования в данной статье выступает самономиниция лирического субъекта в категориях неодушевлённости как проявление саморефлексии в песенной лирике Виктора Цоя. Объект исследования был выбран не случайно. Е.И. Ивановой в статье «Система концептов в структуре языковой личности В. Цоя» был высказан следующий тезис: «(...) нельзя не сказать о том, что лирический герой В. Цоя и В. Цой – поэт, музыкант, актёр – это единое целое. Отметим, что в рамках романтической эстетики феномен неразличения человека и созданного им лирического героя – явление типичное, однако в случае с Цоем принцип неразличения приобретает некий тотальный оттенок (...). В данном контексте достаточно вспомнить образ В. Цоя в фильме Р. Нугманова «Игла», где главный герой Моро, которого сыграл В. Цой, полностью дублирует образ, созданный Цоем на

сцене» [4, 135]. Разумеется, данное утверждение не может быть принято как абсолютно верное, ибо даже при максимальной близости автору «я»-субъект в литературе – это лишь одна из граней личности творца. Тем не менее, приведённая выше цитата свидетельствует о том, что лирические субъекты произведений Цоя были в значительной степени близки его биографической личности. Это и позволяет нам взглянуть на самономинацию героев этого рок-поэта как на определённый способ саморефлексии. Данное предположение подтверждает высказывание Цоя в интервью о роли в фильме «Игла»: «Вообще-то я не создавал ничего, просто старался быть естественным... И всё же я позволил себе некоторые эксперименты. Ну, интересно иногда изобразить, скажем, хама. Я в жизни вряд ли повёл бы себя так. Но всё равно это недалеко уходит от реального персонажа (...)» [3, 458].

Творчество В. Цоя демонстрирует не слишком много случаев самономинации, однако они могут представлять немалый интерес для исследователей. Две песни, в которых лирический субъект даёт себе имя неодушевлённого объекта или явления, относятся к раннему периоду творчества рок-поэта, к альбомам «45» и «46», записанным в 1982-83 годы, когда автору было от девятнадцати до двадцати лет. В этом возрасте молодой человек уже перестал быть подростком и активно ищет своё место в жизни. Попытка ответить на вопросы «Кто я? Кем я стал?» может вылиться в желание дать себе имя, сравнить себя с кем-либо или чем-либо.

В песне «Я – асфальт», написанной для альбома «45», но не вошедшей в него, самономинация вынесена непосредственно в заглавие. Важно отметить, что песенная лирика Цоя, преимущественно раннего периода, может быть по праву названа урбанистической. Отсюда частые упоминания в текстах различных видов транспорта, электрического света и других примет городского быта. А.А. Арустамова и С.Ю. Королёва в статье «Урбанистическое сознание и русская рок-поэзия 1980–1990 гг.» замечают: «Автор – носитель урбанистического типа сознания видит мир в координатах цивилизации, что неизбежно обуславливает своеобразие его поэтического языка. Существенное место в поэтике Шевчука, Кинчева, Цоя, Науменко занимают не только многогранное отражение реалий городского бытия, вещного мира мегаполисной цивилизации, но и «технократические» сравнения, метафоры, определения» [2, 92].

Лирический субъект данной песни, как и биографический автор, существует в мире большого современного города, который не мыслим без асфальта. Герой говорит о себе: «Я начинаю день и кончаю ночь. Двадцать четыре круга прочь. Я асфальт» [7, 248]. Таким образом, асфальт видится как нечто вечное, пребывающее в мире города сутками, постоянно. В этой же песне Цой прибегает к столь любимому им приёму парадокса, продолжая давать другие номинации своему лирическому субъекту: «Я свой сын, свой отец, свой друг, свой враг» [7, 248]. С одной стороны, этот смысловой ряд может указывать на самодостаточность героя, который сам для себя представляет все возможные виды отношений, целую маленькую вселенную. Асфальт в современном городе есть почти везде, без него город невозможен, то есть это своего рода абсолют, формирующий урбанистический микрокосм. С другой стороны, перечисление ролей служит указанием на внутреннее одиночество героя. Упоминания об одиночестве весьма частотны в песнях группы «Кино». Этот мотив Цой реализовал и как исполнитель, спев «Арию мистера Икс» из оперетты «Принцесса цирка» И. Кальмана: «Никто не знает, / Как мой путь одинок. (...) Нигде не светит / Мне родное окно (...)» [5].

В песне «Я – асфальт» саморефлексия приводит Цоя к пониманию того, что человек – это в определённой степени самодостаточный абсолют, формирующий пространство своего существования. Другие люди не входят туда или не могут понять специфики его функционирования. Неслучайно лирический субъект сообщает: «Я не знаю, кто из вас мог бы мне помочь (...)» [7, 248]. В данном произведении это единичное упоминание иных персонажей-людей. Они существуют вне основной сферы внимания лирического субъекта, контакт с ними бесполезен.

Однако в творчестве Цоя существуют тексты и другого рода, включающие явное обращение к другому лицу, несущие в себе потенциал диалога. Интерес в рамках данного исследования представляет песня «Дождь для нас» из альбома 1983 года «46». Уже с первых стихов здесь заметно, что лирический субъект подчёркивает некоторую свою ущербность.

Он характеризует себя следующим образом: «Я слеп, но я вижу тебя. / Я глух, но я слышу тебя (...) Я нем, но ты слышишь меня. / И этим мы сильны (...) Я пьян, но я слышу дождь (...)» [7, 15]. Ущербность эта гиперболизирована, с помощью чего чётко вырисовывается однонаправленность чувств героя. Для лирического субъекта нет иного важного объекта в мире, кроме любимой. Мир существует лишь для них двоих, именно поэтому в песне рефреном проходит фраза «дождь для нас». Только любимая наделяется способностью услышать слова лирического субъекта, она верит в него, благодаря чему в конце песни высказывание «Я слеп, я не вижу свет» меняется на «Я слеп, но я вижу свет» [7, 15-16].

Лирический субъект старается охарактеризовать себя и свою любимую: «Я – ночь, а ты утра суть. / Я – сон, я – миф, а ты нет» [7, 16]. Разумеется, первое, что обращает на себя внимание – это контраст, лежащий в основе этой самономинации: ночь и утро, нереальное и реальное. При этом утро соотносится с реальным планом: предметы чётко видны, всё выглядит понятным. Ночью же мир зыбок, реальность и иллюзия могут легко меняться местами. Лирический субъект называет себя сном и мифом, с одной стороны возвышая над собой свою возлюбленную, противопоставляя её настоящую себе как иллюзии. С другой же стороны, пусть миф и не принадлежит реальному миру, но при этом формирует сознание человечества. В результате самономинации констатируется факт: я другой, я не принадлежу обыденному миру, но благодаря любимой, пусть она и человек мира реального, я существую.

Проведённый анализ двух песен из ранней лирики В. Цоя позволяет сделать ряд выводов о специфике самономинации лирического субъекта в терминах неодушевлённости. Во-первых, такого рода самоназвание является неожиданным, оно позволяет герою привлечь к себе внимание и выделить себя из массы. Во-вторых, данный тип самономинации помог В. Цою ответить на вопросы о специфике взаимоотношений человеческого «я» и мира. В песне «Я – асфальт» мы видим тождество души лирического субъекта и урбанистической вселенной. Огромность масштаба проще передать, используя неодушевлённый образ, ибо практически невозможно обнаружить настолько же большой живой организм. В-третьих, в двух текстах представляется возможным проследить изменение отношения автора к понятию одиночества. В «Я – асфальт» перед нами своеобразная гиперболизация возможностей лирического субъекта, но в то же время указание на непонимание окружающих и изоляцию. Песня «Дождь для нас» по контрасту отличается камерностью, пространство в ней сжимается до размеров квартиры («Квартира пуста, но мы здесь» [7, 15]). Парадоксально, но в этом уменьшенном мире находится место для другого лица. В песне демонстрируется необходимость собеседника. Любовь позволяет замкнутому самому на себя микрокосму приоткрыться. Самономинация при этом подчёркивает непохожесть, контрастность двух персонажей, однако в наличии этой противоположности и состоит возможность существования лирического «я».

Список литературы

1. *Анцыфёрова О.Ю.* Творчество Генри Джеймса: проблема литературной саморефлексии // Российская библиотека диссертаций. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissertation.ru/avtoreferats6/ir50.htm> (дата обращения: 18.01.2019).
2. *Арустамова А.А., Королёва С.Ю.* Урбанистическое сознание и русская рок-поэзия 1980-1990 гг.: к специфике воплощения // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. тр. Тверь, 2000. Вып. 3. – С. 84-93.
3. Виктор Цой: дневник интервью // Житинский А. Цой forever. Документальная повесть. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. – С. 428-500.
4. *Иванова Е.И.* Система концептов в структуре языковой личности В. Цоя // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВПО «УрГПУ». Екатеринбург; Тверь, 2014. Вып. 15. – С. 131–136.
5. *Отс Г.* Ария мистера Икс // Lyricsworld [Электронный ресурс] URL: <https://lyricsworld.ru/Georg-Ots/Ariya-Mistera-Iks-242013.html> (дата обращения 11.03.2019)
6. *Хатямова М.А.* Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века: автореф. дис. ... д. филол. н. Томск, 2008. – 42 с.
7. *Цой В.Р.* Группа крови. М.: Эксмо, 2008. – 320 с.

10.01.01

М.В. Сухарева

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Ставропольский государственный педагогический институт»,
кафедра русского языка и литературы,
rusalka.55@mail.ru

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОЙ ИРОНИИ В РОМАНЕ А. СНЕГИРЕВА «ВЕРА»: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В статье представлены основные способы реализации авторской иронии в романе А. Снегирева «Вера». Ирония автора органично составляет роман. В ходе исследования было установлено, что художественное пространство выбранного для анализа произведения включает как примеры «иронии от персонажа», в которых ироническая интенция принадлежит героям-автору реплик, так и случаи «иронии от автора». Биография женщины к концу романа уже не считается вымышленной. Роман можно считать сатирическим, но это грустная сатира. Единственный источник света в романе – это взгляд на историю и правду человека. Это роман, который замыкает время и миф, верование и пороки, представляет новый гибридный жанр. Произведение А. Снегирева – это истинно русский роман. Автор любит проявление человеческой природы, он умиляется глупостям, которые совершают персонажи.

Ключевые слова: *ирония, авторская ирония, ирония от персонажей, когнитивный метод, роман «Вера», приемы иронии, феномен, юмор, сатира, гротеск.*

Принято считать, что ирония – это тонкая, скрытая насмешка, проявляющаяся в употреблении слов и фраз, которые понимаются не в прямом, а в противоположном значении. Однако в настоящем времени интерпретация иронии, ее приемы, виды, способы реализации остаются проблематичными. Актуальность данной работы заключается в том, что несмотря на многообразие трактовок иронии, рассмотрение иронии в разных аспектах, она вызывает всеобщий интерес ученых в разных областях наук. Как художественный прием, ирония рассматривается на основных методах: структурно-семантического, сравнительного, когнитивного, герменевтико-интерпретационного.

По мнению Н.В. Веселовой основным аспектом иронии является «семантическая неоднозначность, возникающая в результате интертекстуальной «игры» с различными кодами и языками («чужой» и «своей» речи)» [3, с. 5]. Поэтому данный феномен рассматривается на приеме совмещения своей и объективно чужой точек зрения.

Б.А. Успенский считает, что самый распространенный способ выражения иронии является прием, который позволяет увидеть расхождение точки зрения автора и героя романа, от которого ведется повествование, то есть подразумевается авторское использование чужой речи или своя личная речь в художественном тексте [8, с. 138]. Представление об иронии как о совмещении точек зрения созвучно когнитивным подходам к изучению этого явления.

В рамках исследования было установлено, что художественное пространство выбранного для анализа произведения включает как примеры «иронии от персонажа», в которых ироническая интенция принадлежит героям-авторам реплик, так и случаи «иронии от автора». При некоторых различиях, для этих типов иронии характерны схожие способы актуализации, поэтому они рассматриваются в работе вместе. Для создания иронического эффекта может использоваться весь спектр языковых средств, что, однако, не исключает возможности выделения наиболее характерных способов создания иронических смыслов.

В свою очередь, авторская ирония понимается как особый прием, где автор высмеивает образ, поведение, характер, мышление, поступки героев в художественном мире. Следовательно, она придает художественному произведению особую окраску, своеобразно раскрывает неудовлетворенность автора окружающим миром. В этом случае ирония уже не просто оборот речи, а художественный принцип, из которого исходит писатель при изображении жизни.

Попробуем разобрать более подробно основные способы реализации авторской иронии в романе А. Снегирева «Вера».

Роман А. Снегирева «Вера» стал известен зимой 2015 года, когда был опубликован в журнале «Дружба народов», а позже попал в список премии «Национальный бестселлер». Еще позднее роман попал в шорт-лист «Русского Букера».

Повествование начинается задолго до рождения главной героини. *«Все началось в декабре одна тысяча девятьсот тридцать седьмого года, ... Катерина, в те дни уже его законная, замуж не хотела. Бегала топиться, но бабка выудила и отконвоировала под венец. Мужик дурковатый, зато с избой. [2, с. 2].* Снегирёв умеет интриговать, строя предпосылки для развития сюжета издалека. Читатель подробно узнает о родителях Веры, особенностях её появления на свет и тяжёлого детства. Далее всё только усугубляется. Тут большая часть зависела уже от желания автора направить её жизнь по пути прозябания в пустоте. Это и жизнью-то не назовёшь – главная героиня лишь существует. В первую очередь, роман является подробной биографией женщины, которая к концу художественного произведения не кажется нам вымышленной.

Снегирев рассказывает о появлении на свет героини, о ее тяжелом детстве, как с насилия начались ее отношения с мужчинами, о ее переезде в Америку и возвращении.

Авторская ирония и частное, семейное отношение к происходящему позволяет беспристрастно и игриво показать огромные пласты русской истории – и Вторую мировую войну, и перестройку, и современность. Автор аккуратно подсмеивается над всеми и всех жалеет. В самом деле, как не пожалеть людей, которые годами живут в разрушающемся мире. Ломается возникающая надежда, подплывают нравственные устои, исчезает материальный достаток или становится неважным и ненужным. В этой шатающейся, похожей на неполную семью реальности невозможно обрести какие-то важные для себя смыслы, невозможно отыскать хоть какую-то соломинку в засасывающем болоте, зыбком и непрочном. Что же остаётся главной героине в такой ситуации? В ней есть то самое содержание, на которое обречён любой мыслящий человек. Она не знает, чего хочет, но ей очень хочется чего-нибудь хотеть. Мужа ли, ребёнка ли, просто какого-нибудь внятного и понятного смысла. Хочется чего-нибудь хотеть – это и есть вера. Это и есть Вера, сама суть героини и вера в буквальном смысле. Вера в возвращение утраченной пассионарности. Вера в изменение хода событий. Вера в катастрофы, которые стирают накипь человечества с земли и дают дорогу новому, робкому, но более справедливому порядку.

Роман включил в свою основу важные моменты русской литературы, к которым относится символ воплощения судьбы страны в судьбе героини, женщины с таким же символическим именем Вера. В основе романа история рода как главный фактор формирования личности героини, отражение идеологии и современных реалий.

Роман не стоит рассматривать вне политического контекста, ведь тогда детали не будут играть никакой роли. Так, например, способ, который выбирает героиня для налаживания личной жизни – это оппозиционный митинг, где она выбирает между двух политических партий. Или замечание ее любовника-мента, который резко говорит ей: *«Дура. Какой ребенок, конец скоро».* [2, с.65].

В романе удивляет, а потом и восхищает взгляд автора и героев на мир. И здесь мы видим, как ирония становится органичной составляющей авторской точки зрения. Он в романе, словно посторонний. Снегирев, например, описывает смерть как механический сбой в работе человеческого тела *«...сердечно-сосудистая система Сулеймана Федоровича тысяча девятьсот тридцать восьмого года рождения не выдержала».* [2, с. 29].

Авторская речь как будто намеренно доведена до полного отсутствия сострадания, его комментарии сводятся к отвратительным деталям. *«И Вера сделалась сама из себя изъятая. Увидела сверху, слуны, обрезок, которой не первую ночь таял на тefлоне неба. «Сорокалетняя женщина, красивая, со свободным английским, лежит побитая, расхристанная на неопрятной койке в тускло освещенном углу» [2, с. 72].*

Автор чередует констатацию фактов, неспешную и размеренную, с чрезмерным обилием деталей. Роман можно считать антидинамичным, ведь он хватает важные моменты, словно из темноты, не делая связей между ними. И этот метод можно назвать эффективным, потому что сюжет ясен, а «вода» уходит, при этом оставляя ощущение оторванности и необходимости приспособливаться к каждому новому сюжетному повороту. Наблюдается противоречие: несмотря на небольшой объем текста повествование не «летит», а измеряет пространство романа «тяжелыми шагами». На это работают и композиция, и авторский стиль: в том количестве описательных деталей.

Вера, уже начиная с самого рождения, нарушила одну из десяти заповедей «Не убий», ведь ей пришлось в утробе матери задушить свою сестру, чтоб сама Вера смогла появиться на свет.

Традиционная мысль о расположении России между Западом и Востоком соединяется в этом романе с не менее традиционным приемом олицетворения пути России в судьбе женщины. Вера, у которой говорящее имя, переходит от познания одной цивилизации — к другой, Америке. Однако при всем ощущаемом пафосе роман остается произведением о метаниях между желанием употребить и желанием жить, о преступности несоответствия имеющимся в обществе стереотипам.

По словам автора, он написал роман «отчасти потому, что с детства слышит известную нам всем фразу, что все мужики — козлы. И вот к тридцати с лишним годам решил проверить, насколько это правда». Отец Веры, Сулейман, по воле Снегирева, сходится с фруктошницей. Это демонстрирует читателю, что он как бы прикасается к запретному плоду и в результате гибнет, а в основу сюжета то ли в шутку, то ли всерьез положена борьба с известным стереотипом об отношениях мужчин и женщин.

Юмор Снегирева присутствует в романе, и это нельзя отрицать. Грустный юмор – это ирония, злая ирония является сатирой, а двойная сатира – это гротеск. Поэтому сам рассказ можно считать гротескно-сатирическим. А положительный герой в гротеске – нонсенс. Не считать же таковой Веру, жертву советского режима, которая и потеряла себя в жизни потому, что «совок» не мог дать ей полной свободы мироощущения и самореализации. А новый режим повел страну по пути власти олигархов, диктата государства и отсутствия гражданского общества. Поэтому у главной героини Веры нет перспектив, как и у России нет перспективы на свободное общество в условиях таковой вертикали власти. Можно считать, что в романе нет ни одного лишнего тропа, каждый эпитет находится на своем месте.

Произведение Александра Снегирева можно назвать романом о поиске любви и поиске себя в непростых условиях реального мира.

Исходя из всего выше сказанного, можно отметить, что Александр Снегирев активно использует в тексте романа средства комического – иронию и ее виды, которые помогают раскрыть общее состояние главного героя. Здесь активно переплелись «авторская ирония», «ирония от персонажей», юмор, сатира и гротеск. Можно предположить, что у автора скрыта боль и тревога за тех людей, которые просты от рождения. В центре романа Александра Снегирева – судьба Веры, типичная для большинства российских женщин, пытающихся найти свое счастье. Вера очень хочет иметь детей и всеми силами пытается найти своего избранника. Но, к сожалению, ей сильно не везет. Избранники Вере попадаются один хуже другого. А желание стать матерью не ослабевает.

Сам Александр Снегирев отметил, что «многие воспринимают эту книжку как роман о безверии, но это не так - она именно о любви и о вере». Ведь пройдя через полное лишение радости и жизни, можно понять, что такое радость и жизнь. А автор провел героиню отчасти тем путем, который в свое время прошел сам».

Список литературы

1. Александр Снегирев. Интервью с лауреатом «Русского Букера»// Интернет-журнал «Стиль». [Электронный ресурс]. URL: <https://style.rbc.ru/impressions/571638559a79472acdb348fb> (дата обращения: 03.12.2015).
2. Александр Снегирев: Проза о любви и боли. Вера / Александр Снегирёв»: Эксмо; Москва; 2015 – 82 с.
3. Веселова. Н.В. Ирония в политическом дискурсе. Автореф. дис. канд. филол. наук. – СПб, 2003. – 16 с.
4. Успенский Б.А. Поэтика композиции. – М.: Искусство, 1970. – 256 с.

10.01.01

О.Ю. Юрьева д-р филол. наук

Иркутский государственный университет,
кафедра филологии и методики,
Иркутск, uoilyu@yandex.ru

УЧЕНИЕ ОБ ИДЕЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ЭЙДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СИМВОЛИКИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Статья 1

Влияние Достоевского на русскую литературу XX столетия глубоко и многоаспектно. Гипотеза предлагаемой статьи состоит в том, что одним из факторов влияния стало созданное писателем учение об идее, ее «таинственных законов» ее существования, о ее влиянии на человеческое сознание, поведение, поступки, а также созданная Достоевским система эйдологических символов, репрезентирующих ту или иную идею. Сущность и смысл эйдологии Достоевского — в представлении синтетической природы субстанциональной идеи, проявляющейся не только в характерах и поступках людей, но и в различных материальных эманациях, репрезентируемых в его романах, а также в произведениях художников Серебряного века эйдологическими символами, которые анализируются в статье.

Ключевые слова: *Достоевский, русская литература начала XX века, идея, символ, эйдос, эйдология, эйдологический символ.*

Феномен мощного воздействия Ф.М. Достоевского на культуру, философию, литературу XX столетия давно является предметом пристального внимания исследователей. Рассматриваются различные аспекты этого воздействия, и, думается, что главным из них является то, что Достоевский создал учение об идее, ее прототипах [12], о ее природе, сущности, «таинственных законах» существования и воздействия на человека.

В эйдологии Достоевского представлен полный «реестр идей», определивших не только художественные, но и социальные искания русской и мировой интеллигенции XX века: «русская идея» [7, т. 23; 151], «славянская идея» [7, т. 23; 103], «высшая идея» [7, т. 16; 76], «святая идея» [7, т. 23; 70], «общечеловеческая идея» [7, т. 23; 31], «идея православия» [7, т. 25; 68], «идея всемирного человеческого обновления» [7, т. 23; 41], «идея единства народа и царя» [7, т. 27; 21], «две великие идеи бунта и смирения» [7, т. 23; 41], идея «русского социализма» [7, т. 27; 19], «идея почвы» [7, т. 20; 179], «идея о бессмертии души человеческой» [7, т. 24; 49], идея-«парадокс» [7, т. 7; 150], «идея мистическая» [7, т. 22; 101], «фальшивая идея» [7, т. 21; 136], «честная идея» [7, т. 22; 101], «беспутная идея» [7, т. 22; 100], «несоответственная идея» [7, т. 23; 24], идея раздора [7, т. 22; 34], идея «цель оправдывает средства» [7, т. 25; 46], «идеи экономические» [7, т. 25; 68], «нравственная идея» [7, т. 26; 164], «идея личного абсолютного самосовершенствования» [7, т. 26; 164], «закон отражения идей» [7, т. 21; 93] и другие. Таким образом, влияние Достоевского на культуру XX столетия не исчерпывается наследованием его художественных открытий. Мимесис по отношению к наследию великого писателя и мыслителя происходил в основном на уровне его философских, религиозных, культурологических, историософских идей. Как заметил в свое время М.М. Бахтин, идея в творчестве Достоевского становится «предметом художественного изображения, а сам Достоевский стал великим художником идеи» [2, с. 291]. Для того, чтобы семантически точно определить сущность «образа идеи», мы обратились к понятию «эйдоса», в контексте исследования рассматриваемого нами как наивысшая мыслительная абстракция, явленная в ее материальной эманации, то есть как синтез материальной и нематериальной субстанции, когда, по замечанию А.Ф. Лосева, «инобытийность дана как эйдос» [9, с. 277]. Стремясь показать «живой образ» идеи,

Достоевский создает особый художественный метод, который называет «реализмом в высшем смысле» [10], и особое жанровое образование, названное впоследствии «полифоническим романом» (М.М. Бахтин), ставшее своеобразным художественным и религиозно-философским трактатом об идее.

Известно, что слово «идея» (как и синонимичные ей «мысль», «мечта», «греза», «дума») — одно из самых употребительных в словаре Достоевского. Идея в творчестве Достоевского предстает не только как некая идеальная сущность, но и как некая субстанция, явленная в материальной эманации: «Идеи летают в воздухе, но непременно по законам; идеи живут и распространяются по законам, слишком трудно для нас уловимым; идеи заразительны» [7, т. 24, с. 51], — утверждал Достоевский. Писатель был убежден: «Торжествуют не миллионы людей и не материальные силы, по-видимому столь страшные и незыблемые, не деньги, не меч, не могущество, а незаметная вначале мысль, и часто какого-нибудь, по-видимому, ничтожнейшего из людей» [7, т. 24, с. 47]. Таким образом, метафилософия истории писателя опирается на тезисы: идея независима от «породившего» ее субъекта и носителя, идея материальна и именно она правит миром. Идея имманентно синкретична, то есть принадлежит двум мирам: реальному и идеальному, и потому является главным средством миромоделирования. В мире ноуменальном, или в «высшей реальности», идея существует по своим «таинственным законам», в мире феноменальном она обретает материальную эманацию и силу, внедряясь в сознание людей (зачастую против их воли, падая на них, «как камень») и подчиняя их мысли, действия и поступки.

«Идея», «мечта», «мысль», «греза» как синонимичные понятия в творчестве Достоевского предстают не только как персонифицированные, но и как самостоятельные, материально закрепленные в образах субстанции с качественными и пространственными характеристиками. Отчужденная от своего носителя идея, мысль персонифицирована, часто выступает как овеществленная эманация, действенная и антропоморфная: «Какая-то безобразная мысль стала все более и более мучить его. Все сильнее и сильнее преследовала она его и с каждым днем воплощалась перед ним в вероятность, в действительность» [7, т. 1, с. 319], — говорит Достоевский об Ордынове. Мысль может ощущаться физически: Мозгляков «набрел наконец на мысль, которая уже давно неприметно скребла ему сердце» [7, т. 2, с. 363]. Наиболее сильные мучения причиняет идея главному герою-идеологу Достоевского — Раскольникову. Идея ощущается им как «чье-то близкое и тревожное присутствие, не то чтоб страшное, а как-то уж очень досаждающее [7, т. 6, с. 337]; «он отгонял мысль; мысль терзала его» [7, т. 6, с. 121].

Писателями начала XX века были унаследованы принципы изображения идеи, свойственные для творчества Достоевского. Герой рассказа и пьесы Л. Андреева «Мысль» Керженцев убежден: «Мысль может всё! ... мысль может буравить камень, жечь дома...» [1, т. 5, с. 114]. Изображение «мозговой игры» в романе А. Белого «Петербург» строится по тем же принципам: «думы думались сами; и открывали картину»; «невинная мозговая игра вновь вдвинулась в мозг» [4, с. 24, 25, 26]. Коррелирует с миром Достоевского описание мыслительного процесса Л. Андреевым: «Размышлять он не умел. Мыслей к нему приходило много, и иногда очень живых и интересных, но не сплетались они в одну крепкую нить, а бродили в голове, словно коровы без пастуха». [1, т. 2, с. 116]. В рассказе «Тьма» Л. Андреев описывает мыслительный процесс своего героя как отторженный, неуправляемый, сравнивая, как и Достоевский, мысль с камнем, который «давит людей, если они попадут под него — равнодушно, медленно и неотвратимо» [1, т. 2, с. 284].

Наиболее адекватной формой для воплощения эйдологической природы идеи в мире Достоевского является символ с его «сверхиндивидуальной» природой (Вяч. Иванов) [8, с. 40]. Активизируя в сознании читателя цепь архетипических, мифологических ассоциаций, связанных с определенным знаком, образ-символ образует «метакод», по которому читатель «узнает» ту или иную идею. Таким образом, выявляя метасемантику символических пространственных локусов, вещных, цветовых, ольфакторных образов, ономастики, бестиария, мы неизбежно выходим на «имя идеи».

Вещные эманации абстрактного понятия «идея» весьма распространены в мировой культуре и исследовались [11, с. 236, 241]. Но в творчестве Достоевского складывается определенная система эйдологических символов, которые, в силу своей емкости и значимости для национального художественного сознания, вошли в русскую литературу XX века, маркируя определенные идеи и служа их «опознавательными знаками».

Символическим смыслом в мире Достоевского обладают не только определенные вещи (топор, крест, икона, узелок, камень, порог и др.), пространственные локусы (подвал, комната, лестница, угол, кухня, улица, площадь, двор, дом), но и цвета (желтый, серый, черный), звуки (визг, скрип, свист, грохот, звон и т.д.), бестиарий (лошадь, собака, мышь), насекомые (паук, муха, вошь и др.), имена и фамилии героев (Раскольников, Мышкин, Карамазов, Барашкова, Рогожин и многие др.). Раскрывая весь комплекс понятий, связанных с «именем идеи», зачастую являясь эмблемами идей, эти символы обретают «эйдологические» черты.

Эйдологический символ «лестница» довольно часто встречается в художественном мире Достоевского. Лестница маркирует идею сущности и содержания человеческой жизни, в которой постоянно чередуются восхождения и нисхождения. Такова метасемантика лестницы в романе «Преступление и наказание». Л. Донер указывает, что в ходе повествования Раскольников взбирается и спускается по лестнице не менее сорока восьми раз и справедливо замечает, что с образом лестницы связан ряд символических ассоциаций: внутренняя борьба, усилие, архетипический смысл духовного восхождения и нисхождения, связанный с жадой самоопределения Раскольникова [6, с. 255]. Заметим, что эйдологический потенциал символа усиливается тем, что лестницы, по которым вверх-вниз двигается Раскольников — это «черные» лестницы: «Лестница была темная и узкая, "черная"» [7, т. 6, с. 7]; «черная лестница, совсем темная, вся залитая помоями и засыпанная яичными скорлупами» [6, 210]. «Черная лестница» становится символическим локусом существования мрачной, «безобразной» мечты Раскольникова, является составной частью замкнутого, «узкого» пространства, по которому мечется одержимый идеей убийства герой (комната, двор, мрачные, «вонючие» переулки и улицы). Именно в таком «безобразном» пространстве может существовать его страшная идея, его «мечта», и потому «в последнее время его даже тянуло шляться по всем этим местам, когда тошно становилось, "чтоб еще тошней было"» [7, т. 6, с. 112].

Пространственный локус лестницы символизирует «безобразную мечту», идею Раскольникова, с которой герой ведет внутреннюю борьбу и перед которой испытывает ужас. Интуитивно осознает страшный, разрушительный смысл этого локуса и мать Раскольникова: «Ах, Дмитрий Прокофьич, как тяжело быть матерью! Но вот и эта лестница... Какая ужасная лестница!» [7, т. 6, с. 170]

Внутри метасемантики символа лестницы, свойственной Достоевскому, осмысливает путь современного ему искусства А. Блок. В письме к З.Н. Гиппиус он пишет: «Приблизительно такова «Ваша» лестница к синтезу; она таким образом, сама будучи мистической, избавляет от «крайностей» мистицизма, от его «декадентства» Ибо, еще не поднявшись на высшую ступень, мы увидим только одну пропасть, отразим в себе только *ее* правду, затоскуем, «размечаемся» под ветхозаветным «кедром ливанским», забыв прекрасное древо «Нового Завета» [5, т. 8, с. 38].

К эйдологии Достоевского восходит символика уходящей в таинственную тьму лестницы в стихотворениях А. Блока:

Там — в улице стоял какой-то дом,
И лестница крутая в тьму водила.
Там открывалась дверь, звеня стеклом,
Свет выбегал, — и снова тьма бродила.

В стихотворении В. Брюсова «Свиваются бледные тени...» эйдологический символ лестницы с его амбивалентностью «верха/низа» коррелирует с образом «сумрачной бездны», который тоже семантически связан с миром Достоевского:

Свиваются бледные тени,
Видения ночи беззвездной,
И молча над сумрачной бездной
Качаются наши ступени.

<...>

Качается лестница тише,
Мерцает звезда на мгновенье,
Послышится ль голос спасенья:
Откуда — из бездны иль свыше?

В статье «Символизм» А. Белый в виде лестницы представляет «возможные преобразования человеческого духа» [3, с. 259].

Список литературы

1. *Андреев Л.* Собрание сочинений: В 6 тт. – М., 1990.
2. *Бахтин М.М.* Идея у Достоевского // Бахтин М.М. Поэтика Достоевского. М., 1994.
3. *Белый А.* Символизм // Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ.ст. и прим. Л.А. Сугай. – М., 1994.
4. *Белый А.* Петербург // Белый А. Сочинения: В 2 тт. Т. 2. Проза. – М., 1990.
5. *Блок А.А.* Собрание сочинений: В 8 тт. – М.; Л., 1963.
6. *Донер Л.* Раскольников в поисках души // Достоевский и мировая культура: Альманах № 12. – М., 1999.
7. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 тт. – Л.: Наука, 1972-1990.
8. *Иванов Вяч.* Предчувствия и предвестия // Иванов Вяч. Родное и вселенское. – М., 1994.
9. *Лосев А.Ф.* Категория выражения эйдоса // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М., 1993.
10. *Степанян К.А.* «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского. – М.: Раритет, 2005. – 512 с.; Юрьева О.Ю. «Реализм в высшем смысле» Ф.М. Достоевского как основа синтеза в эстетике начала XX столетия // Вестник Бурятского университета. Серия 6. Филология.– Улан-Удэ, 2004. – Вып. 8. – С.83-95.
11. *Телия В.Н.* Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М., 1981.
12. *Тихомиров Б.Н.* К вопросу о «прототипах образа идеи» в романах Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. – СПб., 1992. Т. 10. С.42-55.

10.01.10– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов канд. мед. наук, ²С.Г. Аксенов д-р экон. наук, ¹А.Т. Хайруллин,
¹Р.Н. Зигитбаев, ¹А.Д. Лифанова, ¹Р.Э. Сафаров канд. мед. наук, ¹С.А. Батанин,
¹А.Ф. Мухлисов, ¹Л.Р. Сайтумирова

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru,

²Уфимский государственный авиационный технический университет

**ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА В.А. МЫШКИНА
(1944—2018 ГОДЫ)**

Республика Башкортостан в 2019 году отмечает 100-летие своего образования и организации республиканской системы здравоохранения. Министерство здравоохранения Республики Башкортостан совместно с Башкирским государственным медицинским университетом готовит к изданию монографию «Медицинские работники Республики Башкортостан», в которой будут представлены республиканские врачи-труэнты, среди которых профессор В.А. Мышкин, как поэт-лирик.

Ключевые слова: *врачи-труэнты, лирика, профессор, творчество.*

В 2019 году научная, медицинская и культурная общественность Республики Башкортостан будет отмечать 100-летие образования системы здравоохранения. В рамках организационных мероприятий Министерство здравоохранения Республики Башкортостан, Башкирский государственный медицинский университет и Союз журналистов Республики Башкортостан готовят к изданию биографический энциклопедический справочник «Медицинские работники Республики Башкортостан», в котором будут представлены около 7 тысяч персоналий, среди них будут врачи-труэнты. Творческое начало всегда присутствует в настоящей работе любого врача, но написание лирических стихов — это особое внутреннее состояние души и желание изложить чувства на бумаге. Полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор Владимир Александрович Мышкин всегда ассоциировался у всех преподавателей и студентов Башкирского государственного медицинского университета, как двухметровый высококлассный спортсмен-баскетболист, имеющий спортивный разряд. Владимир Александрович имел отличный голос (баритон), с большой любовью исполнял песни из репертуара М.Магомаева, Г.Отса и др., декламировал стихи известных поэтов, при этом свои стихи редко представлял на публике. Профессор Владимир Александрович Мышкин на протяжении многих лет писал лирические стихи. Многие из них были, связаны с его биографией. Он окончил среднюю школу №3 г.Уфы (в народе её называют «Мариинка»), который посвятил очень нежные и трогательные строчки. В 1967 году окончив Башкирский государственный медицинский институт имени 15-летия ВЛКСМ он начал работать там же (в 1987—1997 годы был начальником учебной части — заместителем начальника кафедры военной и экстремальной медицины). С 1998 года работал в Уфимском НИИ медицины труда и экологии человека, являлся руководителем отдела токсикологии, с 2008 года ведущий научный сотрудник института. Научная деятельность посвящена изучению механизмов токсического действия химических веществ, разработке методов и средств профилактики и лечения интоксикаций. При участии профессора В.А. Мышкина разработаны методы моделирования цирроза печени и токсической гепатопатии, комплексное соединение с антигипоксической активностью, способ его получения и др. Профессор В.А.Мышкин автор около 300 науч. трудов и свыше 20 изобретений [1, 2, 5]. В 2012 году в Уфе в издательстве Башкирского государственного

медицинского университета вышел его сборник «Моим друзьям» объемом 2,75 печ. листа, который сразу же нашел отклик у читателей библиотеки университета. В библиотеке Башкирского государственного медицинского университета работает литературный клуб и творческая гостиная, в котором проходят презентации книг, подготовленных врачами-труэнтами. Такая презентация была книги «Моим друзьям» В.А.Мышкина. Много стихов, посвященных жене Ирине «Мы с тобой два начала...Единых тайн двугласные уста...», в другом стихотворении он продолжает диалог с ней «...Женой наверное трудно быть вообще...Еще труднее быть женой великана...». В большинстве своих строк Владимир Александрович с большой нежностью и чувством обращается к жене «Давно тревожил мысль мою...Твоё мне имя сладкое звучало...Во дни блаженства мне в Раю...Одной тебя не доставало». В стихотворении к другу Косте он с благодарностью вспоминает годы обучения в институте и его преподавателей: «...Лукманов, Асфаган, Шиманов и Петровский...Блестящий Жухин, Загидуллин и Вехновский...Пусть в памяти твоей как в фокусе мелькают ...Порой ясней, порою пропадают!». С большой любовью проникнуты его стихи детям (Игорю и Юлие), профессору В.М.Виноградову, руководителю докторской диссертационной работе профессору Д.А. Еникееву: «...Есть в нем тайный ритм, лгонь и вольность...И перст судьбы и мысли доблесть...». В последние годы профессор В.А. Мышкин «вышел из творческого подполья» и стал декламировать свои стихи на литературных вечерах и встречах [3, 4].

С 2011 года ректор Башкирского государственного медицинского университета, член-корреспондент РАН, доктор медицинских наук, профессор Валентин Николаевич Павлов помог организовать литературный клуб и гостиную в научной библиотеке, где проходят творческие встречи и обсуждение последних новинок преподавателей, студентов и сотрудников университета. Первая помощь в подготовке издания, ее бесплатность и поощрение авторов от имени ректора стало доброй традицией Ученого Совета университета, который в этом году также отмечает свой 80-летний юбилей. Растет число членов творческих союзов — Союза писателей и Союза журналистов Республики Башкортостан. Иногда сборники проходят обсуждение и на секциях творческих союзов, где подвергаются разбору литературных критиков и коллег, но это только прибавляет энтузиазма в работе врачей-труэнтов. К большому сожалению из-за болезни профессор В.А.Мышкин умер в 2019 году, но его литературное наследие в виде трех книг, которые вышли в период 2012—2019 годы (почти 300 стихотворений), находятся научной библиотеке Башкирского государственного медицинского института и служат научным и историческим материалом (воспоминаний, оценок) о родном вузе, коллегам, близких родственниках.

Ассоциация историков медицины и Союз журналистов Республики Башкортостан в рамках организационных мероприятий, посвященных 100-летию образования Республики Башкортостан и 100-летию системы республиканского здравоохранения, планирует провести Всероссийскую научно-практическую конференцию, посвященную врачам-труэнтам, где самое достойное место будет отведено доктору медицинских наук, профессору, известному токсикологу, поэту-любителю лирического направления Владимиру Александровичу Мышкину. Министерство здравоохранения Республики Башкортостан запланировало издать документальный фильм о профессоре, поэте лирического направления Владимире Александровиче Мышкине.

Выводы: 1) В Башкирском государственном медицинском университете работают свыше 20 врачей-труэнтов, которые представляют свое творчество в литературном клубе и гостиной научной библиотеки.

2) Ректор Башкирского государственного медицинского университета член-корреспондент В.Н. Павлов с 2011 года поддерживает творческое начало врачей-труэнтов, помогая издать сборники стихов, повестей и сочинений.

3) Активную поддержку в пропаганде творчества доктора медицинских наук, профессора, известного токсиколога В.А.Мышкина оказывает Союз журналистов Республики Башкортостан и Ассоциация историков медицины Республики Башкортостан.

Список литературы

1. Образование БГМИ — важная веха в истории медицины республики Башкортостан и Российской Федерации / А.У. Киньябулатов, Н.Х. Шарафутдинова, М.Ю. Павлова, Э.Ф. Киреева, З.М. Султанаева, Л.Р. Назмиева // Вестник Башкирского государственного медицинского университета. Уфа, 2012, №2. - С.159-166.
2. Медицина / А.У. Киньябулатов, В.М. Тимербулатов // Башкирская энциклопедия. Т.4. Уфа, 2008. - С.150-151.
3. Вклад Врачей-членов Союза журналистов СССР, России и Республики Башкортостан в историю медицины / А.У. Киньябулатов, Р.З. Зиятдинов, Н.Х. Шарафутдинова, А.З. Фаюршин, Г.Р. Ахмадиева, И.И. Салемгареев // Казанская Наука. Казань, 2014, №7. – С.22-24.
4. Отображение истории медицины Башкортостана в работах членов Союзов художников СССР и России / А.У. Киньябулатов, Р.З. Зиятдинов, Н.Х. Шарафутдинова, А.М. Ярмухаметова, А.З. Фаюршин, Г.Р. Ахмадиева, И.И. Салемгареев // Казанская Наука. Казань, 2014, №7. – С.25-27.
5. *Киньябулатов А.У.* Медики Республики Башкортостан. Уфа, 2009. – С.208.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

Н.И. Белунова д-р филол. наук

Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского,
кафедра русского языка,
Санкт- Петербург, belunova.n@mail.ru

**ПОЛИТЕМАТИЧНОСТЬ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
В ТЕКСТЕ ДРУЖЕСКОГО ПИСЬМА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
КОНЦА XIX - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА)**

В статье рассматривается специфика проявления политематичности как жанровой особенности дружеского письма в его композиции, представленной такими единицами текста, как абзац и текстовый фрагмент; выявляются тематические границы в данных единицах текста; политематичность рассматривается в качестве одного из средств, реализующих категорию диалогизации текста дружеского письма.

Ключевые слова: *дружеское письмо, политематичность, текстовый фрагмент, абзац, композиция, категория диалогизации.*

В современной лингвистике исследование текста и жанра по-прежнему остается актуальным. Теория стилей и жанров еще не исчерпала описания всех потенциальных вариантов текстов, которые далеко не всегда укладываются в четкие, идеальные схемы существующих классификаций. При этом письмо как неофициальное средство общения, как жанр и тип текста, документ эпохи в современной науке о языке изучено недостаточно.

Отметим, что при рассмотрении особенностей дружеского письма как неофициального, лично ориентированного средства общения необходимо учитывать социально-культурный статус автора и адресата, важность которого подчеркивал Ш.Балли [1], а также о хронологические границы письма. Именно социально-культурный статус автора и адресата определяет как собственно языковые, так и экстралингвистические особенности письма.

Дружеская переписка творческой интеллигенции конца XIX- первой четверти XX века (выдающихся писателей, поэтов, ученых, музыкантов, театральных деятелей) была не только средством личного общения, но и своеобразной формой ознакомления с культурной, научной, общественной жизнью соответствующей эпохи. Авторы данных писем представляли собой микросреду, уникальную по своей духовности, многогранности интересов, энциклопедичности знаний и, конечно, являлись носителями высокой, элитарной речевой культуры, которая в настоящее время, к сожалению, утрачивается, но которая должна быть предметом изучения и без учета которой, как отмечают современные исследователи [5], невозможно создание концепции современной культуры речи.

Одной из характерных особенностей жанра дружеского письма является политематичность [2]. Тема понимается нами как «предмет повествования, изображения, исследования» [6, с.350], предмет речи, формирующий содержание текста. При этом политематичность рассматриваемых нами писем проявляется в их композиции (построении текста), представленной такими единицами текста, как **абзац и текстовый фрагмент**.

Приведем пример, когда политематичность письма представлена абзацами: [А.Н. Толстой – М.А. Волошину]

12 марта 1910, Петербург.

«Милый Макс, спасибо за книгу, она настоящая даже с внешнего вида; ее приятно возить с собой повсюду и, открыв, прочитать, как маленький прием опиума. Теперь я так отрешен от поэзии, что стал понимать настоящую ее красоту, таинственную грусть, которой так мало в современной поэзии подбрюсовского толка.

Недавно вышла книга С.Соловьева “Апрель” изд. Мусажет. Очень недурные стихи, но все-таки не цветы, а стихи; сделано, спето, а не колдовски сказано. Правда, что поэзия – колдовские слова.

Здесь у нас еще пуце все мыкаются высуня язык по гостям и вечерам. В Академии читал Андрей Белый, но я его не слушал – очень хитро и, кажется мне, он касается заповедных вещей, поэтам которых слушать не следует.

Вяч. Ив. три недели разговаривал подряд, не спавши ни минутки, и теперь уехал в Москву. Сологуб провалился в Москве с “Победой смерти” и завязил ногу здесь с “Мелким бесом”. А мы путаемся с Судейкиными. *Вот и все новости.*

Я очень много пишу. Недавно кончил последнюю повесть – “Аггей Коровин”, и книга рассказов закончена; теперь принимаюсь за вторую часть романа.

Но в голове окурки, а на душе кошки. Уеду.

Соня тебя целует, я тоже, и очень, очень кланяюсь всем феодосийцам и благодарю их за милые ответы на мою книгу.

Твой Алехан.

P.S. Соне очень хотелось иметь твою книгу с надписью ей».

Известно, что в лингвистической литературе сущность абзаца определяется неоднозначно. В данном случае абзац рассматривается нами в качестве стилистико-композиционной делимитационно-интегрирующей единицы текста» [3, с.101], поскольку абзац как письменная единица текста выполняет одновременно две противоположные функции: с одной стороны, делимитационную (функцию членения текста); с другой- интегрирующую: функцию объединения как входящих в абзац компонентов, так и различных абзацев в единое целое, в заверченный текст.

Абзац как композиционно-стилистическая единица текста отличается монотематичностью. Так, в приведенном письме А.Н. Толстого –М.А. Волошину политематичность этого письма представлена несколькими (девятью) монотематичными абзацами: 1) выражение автором письма благодарности адресату за его книгу и высокая оценка книги адресата, 2) сообщение о том, что вышла книга С. Соловьева «Апрель» и выражение отношения к ней адресанта, 3) о культурной жизни Петербурга и, в частности, об А. Белом. Далее сообщение о культурной жизни Петербурга конкретизировано и представлено несколькими отдельными абзацами (при этом некоторые из них – 4 и 5 – являются парцелированными, состоящими из одного предложения – высказывания); 4) о Вячеславе Иванове, 5) о Сологубе, 6) о себе и Судейкиных, 7) сообщение адресанта о своих творческих планах, 8) своем внутреннем состоянии, 9) прощание с адресатом и повторное выражение благодарности.

«Дозирование» информации, переключение внимания адресата с одной темы на другую передает динамику, движение текста. Каждый новый абзац- это новая тема или микротема. При этом политематичность текста не нарушает его связности, а также завершенности и коммуникативной целостности и, следовательно, не лишает дружеское письмо статуса текста. Так, межабзацные связи в тексте письма в ряде случаев эксплицитно выражены сочинительными союзами «А» («А мы путаемся с Судейкиными...»), «Но» («Но в голове окурки...»), а также высказыванием типа «Вот и все новости», которое «цементирует» предшествующие четыре абзаца (их можно объединить в более крупную единицу- тематический блок: «Новости о культурной жизни Петербурга»). Таким образом, приведенное письмо, несмотря на его политематичность, по своей текстовой организации представляет собой образец письменной книжной речи, для которой в отличие от разговорной устной речи не характерны спонтанность, неподготовленность, ассоциативные связи, «перебивы» и «самоперебивы».

Однако далеко не всегда выделенные графические абзацы представляют собой композиционно-стилистическое строение и характеризуются монотематичностью. Чаше всего в тексте дружеского письма отдельная тема не совпадает с абзацем как композиционно-стилистической единицей текста и представлена **тематическим**

фрагментом, который определяется нами как отрезок текста, на протяжении которого сохраняется единство темы и который обладает относительной автономностью. При этом в одном графическом абзаце может быть представлено несколько тематических фрагментов или наоборот: несколько графических абзацев могут составлять один тематический фрагмент.

Например: *«Сегодня праздник, завтра тоже. Что я буду делать? Уж разреши мне переговорить с Васняцким и мечтать и составлять разные проекты... Все равно они не осуществляются. Я сознаюсь, что это слабость, но, ей-богу, делать нечего. Читать невозможно. Прежде в доме было слишком уныло и пусто – теперь, с приездом детей, шум и гам. Дома усидеть невозможно. С фабрики поехал к Михайловой. Она раза три заезжала ко мне, вероятно, нужны деньги за флаги. Я рассчитался с ней и пообедал у нее, оттуда поехал смотреть “принцессу Грезу”. Много видел на свете, но такой мерзости видеть не приходилось. Яворской, вероятно, для своих рекламных целей надо было заманить меня в уборную, поэтому она напустила на меня своих приживалок, которые после каждого акта пренахально тащили меня за кулисы, но я вспомнил твой совет и тоже пренахально увернулся. После спектакля на лестнице встретил Суворина. Он потащил меня в буфет, и там проговорили – о театре, конечно. Театр уже потушили, заперли, а мы все разговаривали. Услыхав, что Суворин в театре, Яворская и прочая компания с огарками прибежали в фойе и стали тащить к себе на квартиру (она живет при театре). И тут я устоял, с несвойственной мне хладнокровностью отказался, а старика утащили. Похвали же меня за успехи! Вернулся домой около 12 часов...»* (К.С. Станиславский – М.П. Лилиной. № 44, с. 100).

В приведенном отрывке из письма К.С. Станиславского в одном достаточно протяженном по объему графическом политематическом абзаце можно выделить, как нам представляется, следующие тематические фрагменты: 1) просьба адресанта к адресату о разрешении встретиться с Васняцким и мотивировка этой просьбы (*«Сегодня праздник... Дома усидеть невозможно»*). Далее следует «рассказ» адресанта о своих визитах, встречах с различными лицами; в этом «рассказе» можно выделить несколько микротем, представленных несколькими тематическими фрагментами: 2) сообщение о визите к Михайловой и о поездке от нее в театр, 3) оценка спектакля, 4) о встрече с Яворской, 5) о встрече с Сувориным, 6) о приходе Яворской и «компании», 7) *«Похвали же меня за успехи!»*, 8) о возвращении домой.

При этом границами тематических фрагментов являются предложения – высказывания, которые «задают» новую тему или микротему и находятся в начале тематических фрагментов. Данные инициальные предложения – высказывания обозначают переход от одной темы к другой.

Так, в рассматриваемом письме К.С. Станиславского границами тематических фрагментов являются следующие предложения – высказывания: *«С фабрики поехал к Михайловой»*, *«Много видел на свете, но такой мерзости видеть не приходилось»*, *«Яворской, вероятно, для своих рекламных целей...»*, *«После спектакля встретил на лестнице Суворина»*, *«Услыхав, что Суворин в театре, Яворская и прочая компания...»*, *«Похвали же меня за успехи!»*, *«Вернулся домой около 12 часов»*.

Необходимо подчеркнуть, что в ряде случаев тематические границы в абзацах и в тематических фрагментах четко выражены. Так, в начале абзаца или тематического фрагмента имеется предложение – высказывание, представляющее собой своеобразное «заглавие» новой темы; или – высказывания, подводющие итог предшествующей теме и обозначающие новую тему. Например: *«А вот философские размышления. Надо в жизни избегать форм сравнения с союзом «как». «Будьте, как боги» – это символ ложной подражательности. Тут – соблазн слабых. Если уничтожить «как», то останутся реальные превращения человека на ступенях восхождения. Свой путь, не омраченный никакими сравнениями, крутой и новый, – путь человека, не оглядывающегося по сторонам и вниз. <...>*

Из философии довольно. Из жизни. Аркадий Сем<енович> собирается Вам писать письмо. Он пишет интересную книгу: «Достоевский и социализм». Есть новые мысли. Бор<ис> Мих<айлович> Энгельгардт после инфлюэнцы переживает мозговую спячку. Зато острит с удачей и ведет общественный образ жизни. Дядя Шурочка переводит французские романы и выбивает из своей головы пыль Мейерхольда. Они все Вам кланяются.

А у меня в голове – растет цветная капуста и всходят семена пессимизма. Но они расцветут работой. <...>» (В.В. Виноградов – Н.М. Малышевой. 9 апреля 1926 г., Ленинград).

Политематичность дружеского письма сближает его с естественным устным диалогом. В дружеском письме, как и в устном диалоге, смена тем выражает движение, динамику текста, передает направленность текста определенному адресату и предполагает его реагирование в виде вербального ответа, то есть политематичность реализует доминантную категорию текста дружеского письма - **катеорию диалогизации**, которая определяется нами как «маркированность диалогичности в письменной речи, отражающая ее двуначалие (адресант-адресат), представленное системой синтаксических адресантных средств («Я- сфера») и системой синтаксических адресатных средств («Ты- сфера»), репрезентирующих факт личносно ориентированного характера общения»[4, с.22].

Таким образом, политематичность как характерная особенность жанра дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века получает проявление в композиции письма, представленной такими единицами текста, как абзац и текстовый фрагмент. При этом в качестве тематических границ в абзацах и текстовых фрагментах, как правило, выступают предложения- высказывания, которые «задают» новую тему или микротему и обозначают переход от одной темы к другой. Политематичность дружеского письма сближает его с естественным устным диалогом и является одним из средств, реализующих категорию диалогизации текста дружеского письма. Однако политематичность дружеского письма не нарушает его связность, коммуникативную и смысловую целостность и не лишает дружеское письмо статуса письменного текста.

Политематичность дружеского письма, обусловленная его жанром, позволяет квалифицировать дружеское письмо творческой интеллигенции в качестве текста, имеющего нежесткую семантическую организацию; в качестве текста, отличающегося содержательной свободой, что мотивировано его неофициальным, личносно ориентированным характером общения.

Список литературы

1. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
2. Белунова Н.И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца IX – начала XX в. Жанр и текст писем: Монография.- СПб. , 2000.- 149 с.
3. Белунова Н.И. Бессоюзные сложные и соположенные самостоятельные предложения с лексико-синтаксическим повтором в текстовом аспекте: Дис ... канд. филол. наук. 1987.-212с.
4. Белунова Н.И. Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века как объект лингвистического исследования (коммуникативный аспект): Автореф.дис... д-ра филол.наук.- СПб., 2000.-46 с.
5. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- Саратов, 1999.-45с.
6. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой.- Т.1.- М., 1985.

Список источников

1. Виноградов В.В. «Сумею преодолеть все препятствия». Письма // Новый мир, 1995. № 1. С. 173–213.
2. Переписка А.Н. Толстого в 2-х т. Т. 1. / Ред. колл. В.Э. Вацуро, Г.Г. Елизаветина, С.А. Макашин, В.Н. Николаев, К.И. Тюнькин. М.: Худож. лит-ра, 1989. 352 с.
3. Станиславский К.С. Собр. соч. в 8 т. Т. 8. Письма. / Гл. ред. М.Н. Кедров. М.: Искусство, 1961. 614 с.

10.02.01

М.Е. Бохонная канд. филол. наук, Е.А. Шерина канд. филол. наук

Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Школа базовой инженерной подготовки,
Отделение русского языка,
Томск, bokhonnayame@tpu.ru, sherinaea@tpu.ru

ЕДИНИЦЫ С «ВЕЩНОЙ» СЕМАНТИКОЙ В СРЕДНЕОБСКОЙ ЗАГАДКЕ

В статье рассматривается специфика реализации единиц «веник», «сапоги», «самовар» в среднеобской загадке. Отмечается, что они употребляются только в отгадке и называют загаданный объект. Выявлено, что данные единицы представляют загаданную реалью преимущественно через такие ее неотчуждаемые свойства, как качественная характеристика и функциональная значимость.

Ключевые слова: *загадка, единицы с «вещной» семантикой, среднеобский фольклор.*

Специфика загадки, одного из древнейших «малых» жанров русского фольклора, широко представлена в изысканиях таких ученых, как В.П. Аникин, В.В. Митрофанова, Э.В. Померанцева, Ю.М. Соколов, В.И. Чичеров и др. Собственно лингвистический аспект исследования данного жанра актуализируется в трудах З.М. Волоцкой, Ю.И. Левина, В.Н. Топорова, В.В. Чернышева и др.

Под загадкой традиционно принято понимать «иносказательное поэтическое воспроизведение какого-либо предмета или явления, испытывающее сообразительность отгадывающего» [2].

Загадка как один из архаичных жанров устного народного творчества, порожденный условиями жизни первобытного общества, является особым способом вербального отражения коллективных наивных представлений о мироустройстве, культурного и жизненного опыта народа. Вместе с тем в основе загадки лежит обращение к внешнему, преимущественно материальному миру, представленному, прежде всего, бытовой сферой деятельности человека (О.Н. Говоркова, Н.Ф. Остолопов, Д.Н. Садовников, В.Г. Сибирцева и др.). Загадка отражает окружающий мир как ориентированное пространство, организованное при помощи образов, наиболее близких человеку. При этом роль загадок в общей системе фольклора – описание устройства мира через соотношение «природное–одушевленное–материальное».

Вслед за Г.Л. Пермяковым отметим, что обязательным условием существования загадок, первостепенным жанроопределяющим признаком является ее ориентированность на собеседника. Загадка обладает особой диалогической формой: композиционно четко делится на две структурно-семантически связанные части. Первая из них (образная, кодирующая часть) является, как правило, метафорическим эквивалентом загаданного понятия, которое названо во второй части – отгадке. Причем каждая часть загадки обязательно должна быть воспроизведена разными людьми.

Загадывается обычно не конкретный объект с его индивидуальной характеристикой, а типичный представитель вида, описанный через совокупность его неотчуждаемых признаков, свойственных всем представителям данного класса объекта. Отсюда загаданное понятие может быть рассмотрено как стереотип, который в содержательном плане объединяет в себе ряд видовых объектов, включенных в один родовой класс, с их специфическими, уникальными признаками. Неслучайно главная роль в построении большинства загадок отводится метафоре, так как метафора, опираясь на общеязыковые, архетипические модели, фиксирует значимые элементы национальной культуры. В метафорической системе загадки отражаются мифологические основы фольклорного

сознания. «Народ оказывал предпочтение к метафоре именно потому, что живую природу и ее явления он не мог понять и представить иначе, как в живых формах известной ему жизни, как совокупность живых действующих существ» [1].

Отгадывание загадки – это «прочтение» фольклорного кода, предполагающее выявление связи, соотносимости между компонентами двух ее частей. Для этого жанра одним из типичных способов изображения объектов является их ассоциирование, прежде всего, с человеком, а также с образами природного, животного и материального миров.

Ориентированность загадки на отражение постигаемых человеком элементов окружающей действительности обуславливает функционирование в языке этого жанра большого количества единиц с «вещной» семантикой. В загадке реализация данных единиц может быть связана как с обозначением загаданного понятия, в этом случае они будут употребляться в отгадке, так и с маркировкой неотчуждаемых свойств загаданного понятия, через идентификацию которых лежит путь к отгадке, и в этом случае они будут употребляться в первой части загадки.

В данной статье рассмотрим особенности реализации таких единиц с «вещной» семантикой, как ВЕНИК, САПОГИ, САМОВАР, представленных во второй части загадки (в отгадке) и называющих загаданный объект. Материалом исследования послужили фольклорные тексты, собранные на территории Среднего Приобья.

Научная новизна связана с экспликацией семантических особенностей единиц, называющих бытовые реалии, в загадке. Кроме того, в работе используется материал среднеобского фольклора, представленный в научных изысканиях фрагментарно.

Поскольку загадка по своему содержанию касается большей частью конкретного, видимого, материального мира, объектом загадывания чаще всего она выбирает предметы бытового обихода. Материал показывает, что единицы с «вещной» семантикой употребляются преимущественно в отгадке, в кодируемой части загадки они представлены в значительно меньшем количестве.

Загаданный объект, представляя собой определенный элемент организации действительности, отображается через ассоциативно-образное восприятие этой действительности. Такое кодирование элементов внешнего мира «базируется на выявлении сходства или включении в общие категории на основе системы иерархически построенных отвлеченных связей, на абстрагировании взятых за основу систематизации признаков от их конкретных носителей» [3]. В кодируемой части загаданный объект описывается через присущий ему набор неотчуждаемых свойств. Таким образом, отгадка соотносится с образом, охватывающим всю метафорическую часть загадки.

Кодирующая часть загадок может быть построена на изображении видимых характеристик объекта, соотносимых с признаками загаданного объекта (*Черна чурочка ни в избе, ни на улочке (вьюшка в печи) // Сверху дыра, снизу дыра, а в середине огонь да вода (самовар) // Два брюшка, четыре ушка (подушка)*). Это соотносится с тем, что основной прием познания мира – зрительное восприятие, фиксирующее цвет, размер, форму предмета и его положение в пространстве.

Однако мир, запечатленный в загадке, преимущественно представлен как динамичный, поэтому изображаемые предметы могут в нем фиксироваться не только по их качественным характеристикам, но и по функциональной значимости. Этим определяется обилие акциональных характеристик, описывающих функциональную значимость. Анализ материала показал, что таких загадок в среднеобском фольклоре подавляющее большинство. Обратимся к материалу.

Единица ВЕНИК, называющая загаданный объект (*Маленький Дорофейка подпоясался коротенько, по полу елозит, брюхо не занозит // Маленький шарик под лавками шарит // Маленький, пузатенький, лыком опоясан // Скручен, связан, по комнате скачет*), соотносится с метафорическим эквивалентом, во-первых, через репрезентацию качественных характеристик изображаемых объектов, выраженных посредством экспликации слов «маленький», «шарик», «пузатенький», «скручен», «связан», «подпоясался», «опоясан»; во-

вторых, через репрезентацию сферы функционирования этих объектов, что отмечается единицами, обозначающими пространственные координаты «по полу», «по комнате», «под лавками»; в-третьих, через указание на их перемещение в пространстве, что актуализируется употреблением глаголов движения «елозит», «шарит», «скачет».

Единица САПОГИ, называющая загаданный объект, соотносится с кодирующей частью загадки на основе общего для изображаемых объектов неотчуждаемого свойства: форма, которая должна быть заполнена содержанием (*Как ни морщись, а все равно воткну*). Указание на специфичную форму загаданной реалии здесь представлено употреблением слова «морщись». Синтаксическая конструкция «как ни..., а все равно» и единица «воткну» определяют то, что эта форма обязательно должна быть наполнена содержанием. Однако в зависимости от каких-либо ограничений, например, временных, она может его и не иметь (*Два бочонка. Днем полны, а к вечеру пусты*). Загадка построена по следующей схеме: сначала отгадывающему дается установка, вводится условный объект, наделенный необходимыми свойствами, элементами, которые на метафорическом уровне соотносятся с признаками загаданной реалии («два бочонка» — два предмета цилиндрической формы). Затем через антонимические пары единиц «днем», «вечером» очерчиваются рамки функционирования предмета, и через пары «полны», «пусты» обозначается такой его признак, как емкость.

Единица САМОВАР, выступающая во второй части загадки, может представлять обозначаемый объект через его параметрические координаты, выраженные посредством употребления единиц «сверху», «снизу», «дыра», «середина», «середка», «конец» (*Сверху дыра, снизу дыра, а в середине огонь да вода // У девицы, у красотики загорелось в середке; у молодца, у молодца закапало из конца // Стоит поп на яру, кричит: «Всех оболью!»*), а также через акциональные характеристики этого объекта, актуализированные за счет использования глаголов «загорелось», «закапало», «оболью». Кроме того, можно говорить о включении в систему неотчуждаемых свойств загаданной реалии такого признака, как объединяющее начало, на что указывают слова «на яру» (в центре), «всех», «огонь да вода».

Таким образом, единицы с «вещной» семантикой, выступающие в отгадке, представляют загаданную реалию преимущественно через такие ее неотчуждаемые свойства, как качественная характеристика и функциональная значимость.

Список литературы

1. *Котляревский А.А.* Сочинения. – СПб, 1890. – т.2. – С. 272-273.
2. *Литературный энциклопедический словарь* / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С. 109.
3. *Раевский Д.С.* О генезисе повествовательной мифологии как средстве моделирования мира / Д.С. Раевский / *Этимологические исследования по русскому языку*. – М. – 1976. С. 65.

10.02.01

М.Е. Бохонная канд. филол. наук, Е.А. Шерина канд. филол. наук

Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Школа базовой инженерной подготовки,
Отделение русского языка,
Томск, bokhonnayame@tpu.ru, sherinaea@tpu.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ОБРАЗОВ ПОГОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются метафоры русского и английского языков, образно характеризующие явления и предметы действительности и ассоциативно связанные с погодными явлениями. Описаны группы оснований метафорического переноса в двух языках. Использование сопоставительного метода позволило сделать выводы об универсальности и национально-культурной специфике исследуемых единиц.

Ключевые слова: *метафора, сема, национально-культурная специфика, языковая картина мира.*

Современные лингвистические исследования, выполненные в аспекте описания метафорической системы языка, направлены, как правило, на описание национально-культурного своеобразия языков, их универсальности и специфики. Изучение лексического значения метафор, источников метафорического переноса способно раскрыть особенности миромоделирования и мировосприятия определенной нации, продемонстрировать наиболее важные аспекты жизнедеятельности человека, отраженные в семантике метафоры.

В ходе любого исследования, направленного на изучение роли метафоры в формировании языковой картины мира, представляется важным вычленив и описать семантический элемент, являющийся основанием метафоризации, промежуточным понятием, общим для исходного и метафорического значений слова. Именно данный семантический элемент участвует в преобразовании смысловой структуры слова при метафоризации, связывает исходное значение с метафорическим. В терминах Г.Н. Скляревской, компонент, который связывает исходное значение с метафорическим, является «символом» метафоры. «Под символом метафоры мы понимаем элемент семантики, состоящий из одной семы, либо из совокупности сем, который в исходном номинативном значении относится к сфере коннотации, а в метафорическом значении входит в денотативное значение в качестве ядерных сем и служит основанием смысловых преобразований в процессе метафоризации» [2].

Процесс метафоризации проявляется в выборе определенного признака или комплекса признаков как символа переноса. Выбор основания для создания метафоры, символа связан со способностью человека сопоставить новое по аналогии с другим объектом, о котором человек уже имеет представление. Выбор источника метафоризации, символа метафоры непредсказуем, поскольку мир ассоциаций, формирующих переосмысление значения слова, огромен. В то же время следует отметить, что процесс метафоризации ограничен устойчивыми нормами и закономерностями коллективного языкового сознания, стереотипными образами, которые принадлежат данной языковой картине мира.

В связи с тем, что особое значение в формировании национальной языковой картины мира играют не только мироощущение и миропонимание носителей языка и культуры, но и те конкретные условия, в которых складывается взгляд человека на мир через язык (климат, природа, географическое месторасположение), представляется интересным и актуальным проанализировать метафорические единицы, в семантике которых отразились погодные явления.

Погода и климат – это те условия, которые постоянно определяют жизнь и деятельность людей. Погода имеет важное значение в каждой стране, что отразилось и закрепилось в языках различных народов. При этом в целях наиболее объективного лингвокультурологического анализа представляется важным провести сопоставительный анализ метафор разных языков, в данном исследовании – русского и английского языков.

На основе анализа русских и английских метафор, прямое значение которых связано с погодными явлениями, можно обозначить сходства и различия в механизмах ассоциативного мышления каждой нации, выявив семантический компонент и определив некие правила создания метафор. Проведенный анализ метафор в русском и английском языках, характеризующих различные сферы действительности через образы погодных явлений, позволил выделить следующие основания метафорического переноса в двух языках:

1) сема интенсивности – это количественно-качественная характеристика слова, отражающая меру явления. Данная сема превалирует при создании метафор с использованием образов погодных явлений как в русском (246 единиц), так и в английском языке (238 единиц): буря аплодисментов, ураганный огонь; the gust of laughter (взрыв смеха), whirl of life (вихрь жизни), storm of applause (буря аплодисментов) и другие. В границах данной семы можно выделить несколько подгрупп:

а) интенсивность, связанная с температурными колебаниями (рус. – 93, англ. – 89): жаркий поклонник, мысль леденит, холодные отношения, горячая пора; cool reception (прохладный – холодное приветствие), heated discussion (жаркий – разгоряченная дискуссия), to warm (теплеть – оттаять о человеке), frosty look (морозный – холодный взгляд) и другие;

б) интенсивность, связанная со световыми переходами (рус. – 81, англ. – 58): яркий талант, лучистые глаза, слава померкла; bright man (яркий – умный человек), dark future (темное – неопределенное будущее) и другие;

в) интенсивность, связанная с неуправляемостью, внезапностью, стихийностью погодных явлений (рус. – 72, англ. – 91): горе обрушилось, гнев бушует, глаза сверкают гневом; flash of inspiration (вспышка вдохновения), to thunder (гремять о громе – резко осуждать, грозить) и другие;

2) сема качественной характеристики (рус. – 70, англ. – 94): порывистый человек, туманное будущее, пасмурный вид; misty idea (туманный – непонятная идея), fusty person (душный – устаревший, старомодный человек), unclouded happiness (безоблачный – безмятежное счастье) и другие;

3) сема количества, множественности, характеризующая объект только с количественной стороны (рус. – 18, англ. – 13): ураган пуль, туча всадников, град слов; a rain of tears (дождь слез), hail of blows (град ударов), cloud of arrows (облако стрел) и другие;

Большое количество метафорических единиц включают образ погодных явлений не в денотативном значении, а в переносном – сами погодные явления характеризуются метафорически. В этих случаях погодные явления ассоциативно связываются с человеком, другими природными явлениями, чувствами и эмоциями. Для подобных метафор характерны следующие основания переноса:

1) сема интенсивности также является главенствующей при создании метафор с использованием объектов реальной действительности для описания погодных явлений (рус. – 148, англ. – 131): жгучий мороз, буря свирепствует, злой ветер; the storm is raging (сердиться – буря ревет, бушует), nasty weather (скверный – ненастная погода), brisk wind (подвижный – свежий ветер) и другие;

В границах данной семы можно выделить несколько подгрупп:

а) интенсивность, связанная с неуправляемостью, внезапностью, стихийностью погодных явлений (рус. – 85, англ. – 87): мороз лютует, дождь барабанит, палящее солнце, ударил гром; rain is beating (быть – дождь стучит в окно), frost bites (кусать – мороз покалывает), bitter wind (горький – резкий ветер) и другие;

б) интенсивность, связанная с различными стадиями действия погодных явлений – начало, продолжение и завершение (рус. – 63, англ. – 44): ветер поднялся, туман стелется,

буря утихла; clouds are lifting (подниматься – облака рассеялись), rain is spotting (марать – дождь моросит) и другие;

2) сема качественной характеристики (рус. – 58, англ. – 41): ласковое солнце, хмурое небо, купол неба; prosperous wind (процветающий – попутный ветер), cobweb weather (паутина – туманная погода), crust of snow (корка – наст снега) и другие.

При «обратном» процессе метафоризации погодных явлений также используются зрительные образы (рус. – 96, англ. – 63) и тактильные образы (рус. – 41, англ. – 44). Отдельно от тактильных ощущений были выделены болевые образы (рус. – 28, англ. – 11), участвующие в создании ярких метафор: дождь бил по стеклам, мороз щипал кожу, колючий снег; the rain is bickering against the window (спорить, драться – дождь бьет по стеклам), piercing cold (острый – пронизывающий холод), nipping wind (щиплющий, кусающий – пронизывающий ветер). Обонятельные образы стали основой образного переосмысления в 3-х метафорах русского языка, в английском – 21 (в английском языке используется больше образов пищи для описания погодных явлений): солнце жарит, ядреный воздух; to sweeten the air (подсластить воздух – проветрить), balmy wind (ароматный – приятный, нежный ветер), stale air (несвежий – застоявшийся воздух). Акустические образы стали основой метафоризации в 10 единицах русского языка и 7 в английском, например, ветер шумит, метель поет, дождь барабанит; the howl of wind (рев – шум бури), the wind is chiding (ворчать – ветер шумит). Также были выделены синкретические образы – в русском языке 28 единиц и в английском – 26, к примеру, буря свирепствует, мороз ударил, beastly weather (дикий – скверная погода), fierce wind (свирепый – сильный ветер).

Проведенное исследование основ метафорического переосмысления и метафорической номинации погодных явлений демонстрирует как универсальность образного миромоделирования действительности в русском и английском языках, так и своеобразие рассматриваемых языковых картин мира. Анализ выявил большое сходство оснований метафорического ассоциирования в исследуемых языках. Наличие универсальности в ассоциативных связях в русской и английской языковых картинах мира может быть объяснено с позиции универсальности самой категории «погодные явления». Восприятие хорошей и плохой погоды идентично для представителей разных культур, и, следовательно, прослеживаются одинаковые образные ассоциации.

Список литературы

1. Розина Р.И. Человек и личность в языке // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995 / Редколлегия: Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Спиридонова. – М.: Индрик, 2003. – С. 369-375.
2. Складневская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993. – 150 с.
3. Юрина Е.А. Комплексное исследование образной лексики русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. – Томск, 2005б. – 436 с.
4. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: Воронежский межрегиональный институт общественных наук, 2002. – 314 с.

10.02.01

О.В. Котлярова канд. филол. наук

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
факультет высшая школа государственного управления,
кафедра социально-гуманитарных дисциплин,
Владимир, olya-apriori@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИОНИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ЗНАЧИМЫХ КОНЦЕПТОВ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА *ЧИНОВНИК, ОБЩЕСТВО*

Основной целью представленной статьи является демонстрация динамичности русской языковой картины мира на примере культурно-значимых концептов чиновник и общество. Автор осуществил лексико-фразеологический анализ обсуждаемых концептов, а также провел ассоциативный эксперимент в рамках дополнительных профессиональных программ повышения квалификации для органов власти. Основным выводом представленной статьи становится подтверждение гипотезы о деформации концептов чиновник и общество в сознании носителей русского языка.

Ключевые слова: *культурно-значимые концепты, русская языковая картина мира, эволюционирование концептов, динамичность языковой картины мира.*

Основной спектр исследовательских работ, изучающих формирование и динамику концепта *чиновник и общество*, представлен в таблице 1.

Чиновник		Общество	
Исследовательское направление	Работы	Исследовательское направление	Работы
Исследования, направленные на изучение социально-политической составляющей концепта <i>чиновник</i>	Интересны работы О.Ф. Короля [Король 2014], О.В. Котляровой [Котлярова 2018] и др.	Работы, посвященные изучению ядерных характеристик концепта, в том числе, характеристике «общество потребления»	С данной точки зрения интересны работы Л.Ю. Бронзино [Бронзино, 2011]; О.В. Котляровой [Котлярова 2018], А.Л. и др.
Работы, посвященные компетентностному потенциалу представителей органов власти.	См. работы И.С. Некрасова [Некрасов, 2014]; Л.Е. Петровой [Петрова, 2014] и др.	Исследования концепта <i>общество</i> с точки зрения взаимообусловленности с концептом <i>гражданское общество</i>	См., например, работы А.В. Тихомирова [Тихомиров, 2009]; М.П. Требина [Требин, 2012] и др.
Исследования, раскрывающие значимость непрерывности образования и самообразования служащего.	См., например, исследования И.Л. Беляевой [Беляева, 2000] и др.	Концепт <i>общество</i> в философско-правовом дискурсе	Интересны исследования Г. Дурновой [Дурнова, 2015]; Г.П. Ковалева [Ковалев, 2013].

Большой толковый словарь фиксирует следующее определение существительного *чиновник* – 1. Государственный служащий. 2. Должностное лицо, выполняющее свою работу формально, следуя предписаниям, без живого участия в деле; формалист, бюрократ [БТС].

Важно отметить, что второе значение лексемы *чиновник* имеет пейоративную оценку. Концепт *общество* вербализуется в русском языке соответствующей лексемой и определяется как 1. Совокупность людей, объединённых общими для них конкретно-историческими условиями жизни. 2. Круг людей, объединённых общностью происхождения, положения, интересов и т.п. 3. Группа людей, проводящих вместе время; компания. 4. чего, какое. Среда, окружение. 5. Объединение людей, ставящих себе какие-либо общие задачи; организация [БТС].

Концепт *чиновник* формируют дефиниции *чиновник* (*чинуша, чинуха, чиновничушка*), *государственный служащий, государственный гражданский служащий, муниципальный служащий, должностное лицо, административный работник, работник аппарата* и мн. др. При содержательном анализе направлений, изучающих составляющие концепта общество, легко прослеживаются основные компоненты, составляющие ядро концепта. Можно обнаружить *современное, гражданское (гражданско-правовое), демократическое общество, технологичное общество, индустриальное общество*, а также *общество потребления*.

В сознании русского человека исторически сложился отрицательный образ представителя органов власти, чиновника. Такая ситуация негативно отражается на имидже власти и государства, затрудняет эффективное взаимодействие между гражданами и правительством, подрывает ценностную систему представителей Российского общества. Так, например, интересны результаты анализа текста произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города», отражающих пейоративные характеристики, определяющие образ русского чиновника того времени.

Одним из стереотипов русского сознания является стереотип о глупости чиновников: *Бородавкин ощутил припадок благоразумия и издал приказ: всю ночь не спать и дрожать [Салтыков-Щедрин]*. Другим стереотипом русского сознания является мысль о том, что чиновники буквально бездействуют или имитируют активную деятельность: *Новый градоначальник заперся в своем кабинете, не ел, не пил и все что-то скреб пером. По временам он выбегал в зал, кидал письмоводителю кипу исписанных листков, произносил «Не потерплю!» - и вновь скрывался в кабинете [Салтыков-Щедрин]*. Еще одной негативной характеристикой является стереотип о склонности чиновников к использованию своего служебного положения, а также стремление к взяточничеству и воровству: *Так, например, известно было, что, находясь при действующей армии провиантмейстером, он довольно непринужденно распоряжался казенною собственностью и облегчал себя от нареканий собственной совести только тем, что, взирая на солдат, евших затхлый хлеб, проливал обильные слезы [Салтыков-Щедрин]*.

Контекстуальные примеры из произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» формирует образ патриархального общества, основу которого составляет непросвещенный народ: *Но как вы таким манером жить можете? — спросил у обывателей изумленный Микаладзе. — Так и живем, что настоящей жизни не имеем, — отвечали глуповцы, и при этом не то засмеялись, не то заплакали [Салтыков-Щедрин]*.

Однако, несмотря на пейоративные стереотипы, результаты свободного ассоциативного эксперимента демонстрируют изменения ключевых характеристик концептов *чиновник* и *общество*. К определяющим аспектам образа современного чиновника правомерно отнести следующие прилагательные: *компетентный* (назвали 52% респондентов), *профессиональный* (47%), *ответственный* (40%), *добросовестный* (39%), *значимый* (37%), *грамотный* (35%), *авторитетный* (35%), *ленивый* (30%), *несправедливый* (27%), *жадный* (25%), *равнодушный* (21%).

Результаты ассоциативного эксперимента демонстрируют следующие атрибуты к слову-стимулу *общество*: *технологичное* 13%, *современное* 45%, *российское* 57%, *демократическое* 61%, *гражданское* 78% *общество*. Такие результаты свидетельствуют о *просвещенности и образованности* представителей современного общества, что необходимо назвать положительной тенденцией в изменении русской языковой картины мира.

По нашему мнению, концепты, определяющиеся в русском языке лексемами *чиновник*, *общество*, подвержены положительным тенденциям. Ядерные характеристики концептов изменяются от пейоративных к нейтральным и от нейтральных к положительным. Такие изменения прослеживаются на лексико-фразеологическом уровне и подтверждены данными ассоциативного эксперимента.

Транзитивное состояние власти имеет практическое значение, заключающееся в формировании долгосрочных и краткосрочных стратегий по преодолению кризиса в обществе и государстве, налаживании отношений между гражданами и представителями власти и эффективного взаимодействия между обществом и властью. По нашему мнению, изменение общественного отношения и динамичность концептов *чиновник*, *общество* правомерно назвать положительной тенденцией изменения русской языковой картины мира.

Список литературы

1. *Беляева И.Л.* Личностно-ориентированный подход в непрерывном образовании государственных служащих / дисс. ... канд. псих. наук / И. Л. Беляев. Москва. 2000.
2. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С. А. Кузнецова. Первое издание. СПб.: Норинт. 1998.
3. *Бронзино Л.Ю.* Герберт Маркузе и Жан Бодрийяр: теоретико-методологический анализ концепта общества потребления / Л.Ю. Бронзино // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 4. С. 8-14.
4. *Дурнова Г.* Темпоральная семантика слова общество (XI – первая треть XIX века) / Г. Дурнова // Социологическое обозрение. 2015. № 14. С. 68-104.
5. *Ковалева Г.П.* Правовое общество как объект философско-правового дискурса / Г.П. Ковалева // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2013. № 2 (16). С. 159-166.
6. *Король В.Ф.* Социально-психологический анализ дефиниции понятий «Государственная служба» и «Государственная должность» в контексте социальной компетентности государственных служащих / В.Ф. Король // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2014. № 14. С. 87-93.
7. *Котлярова О.В.* Русская языковая картина мира. Культурно значимые концепты. Учебное пособие. Владимир, 2018. – 120с.
8. *Котлярова О.В.* Теория языковой личности государственного служащего в отечественной лингвистике: анализ подходов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. – С. 34-45.
9. *Некрасов И.С.* Организационная культура государственных служащих: понятие, типология, носители и критерии оценки / И.С. Некрасов // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 20. С. 200-206.
10. *Петрова Л.Е.* О содержании понятий, используемых для описания профессионального становления студентов – будущих государственных служащих / Л.Е. Петрова // Вестник Екатеринбургского института. 2014. № 2 (26). С. 76-79.
11. *Тихомиров А.В.* Понятия «Концепт» и «Дискурс» и проблема гражданского общества: к методологии исследования / А.В. Тихомиров // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. № 7. С. 222-232.
12. *Требин М.Н.* Гражданское общество как социальный феномен: зарождение концепта / М.Н. Требин // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2012. № 1 (11). С. 216-225.

10.02.01

М.Ю. Масалова канд. филол. наук, С.В. Шелковникова

Донской государственной технической университет,
кафедра Научно-технического перевода и профессиональной коммуникации,
Ростов-на-Дону, marisana2@yandex.ru, vss162@rambler.ru

НЕОДНОЗНАЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СИНТАКСИСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ВЫРАЖЕНИЕ АСИММЕТРИИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

В статье рассматриваются синонимия, омонимия, полисемия и синкретизм как явления в синтаксисе русского языка, обусловленные асимметрией языкового знака, выявлены их общие и специфические признаки, а также способы дифференциации. Смешение данных понятий может приводить к двусмысленности в тексте, поэтому необходимо четко представлять границы данных неоднозначных явлений.

Ключевые слова: *неоднозначность, двусмысленность, асимметрия языкового знака, полисемия, омонимия, синонимия, синтаксический синкретизм.*

Цель нашего исследования - определить общие и различные черты неоднозначных явлений синтаксиса русского языка - омонимии, полисемии, синонимии и синкретизма. Тема представляется актуальной в связи с необходимостью четко представлять границы данных явлений, поскольку часто происходит смешение понятий, приводящее к двусмысленности и недопониманию.

Неоднозначность можно считать одним из наиболее очевидных свойств языкового знака. Очень многие языковые единицы имеют "не одно" значение. В основе неоднозначности предложения лежит явление асимметрии языкового знака, поскольку форма и значение или формальная и смысловая основа знака не всегда симметричны. Асимметрия языкового знака проявляется на уровне слова и грамматических категорий частей речи, но на уровне словосочетания и, особенно, на уровне предложения она значительно возрастает.

Наличие асимметрии у высказывания как языкового знака обусловлено следующими причинами. Во-первых, коммуникативные ситуации бесконечно разнообразны, и наряду с типовыми существует множество ситуаций, которые можно квалифицировать по-разному. Во-вторых, речевое поведение слушающего определяется его субъективным представлением о речевой ситуации, поэтому сходные ситуации разными субъектами могут быть расценены по-разному. В-третьих, нормы речевого поведения, задаваемые различными типовыми ситуациями, оставляют говорящему возможность выбора коммуникативных средств. Кроме этого, отдельные ситуации не только допускают, но и способствуют проявлению индивидуального творчества, вплоть до частичного нарушения общепринятых правил.

Более правильной является интерпретация языкового знака как единства двух сторон, детерминированного мыслительным содержанием. Уже по самой своей структуре языковой знак совмещает различные степени обобщения в зависимости от семиологического плана, которому он принадлежит. Каждый внеязыковой факт противостоит соответствующему языковому знаку как означаемое, причём сам факт становится означаемым лишь в результате соотнесения с ним языкового знака. Языковым противопоставлением означаемого является не весь знак в целом, а только величина, образующая его сущность, которая называется означающим. Означающее образует только одну, субстанциальную сторону знака. Другой стороной знака является значение. Оно представляет собой отношение языкового означающего к внеязыковому означаемому. Означаемое остаётся за пределами знака и языка. Значение же, напротив, образует одну из сторон знака и имеет языковой статус. **Омонимичные конструкции** необходимо отличать от **синонимичных**. Предложение или словосочетание является синтаксически омонимичным, если ему можно приписать не

менее двух синтаксических структур [4]. Как и синтаксические синонимы, омонимичные конструкции обозначают одни и те же явления, ситуации реальной действительности. Однако от синонимов их отличает отсутствие способности выражать одинаковые отношения между данными ситуациями. В отличие от синтаксических синонимов, у омонимичных конструкций отсутствует общность семантико-синтаксических отношений: они всегда состоят в разных отношениях с главным предложением или основной частью осложнённого предложения. Синтаксическим омонимам не свойственна общность сложного сигнификата и они не имеют общего инвариантного значения. Трудность разграничения синонимичных и омонимичных конструкций на синтаксическом уровне возникает прежде всего в тех случаях, когда отсутствует союз как показатель выражаемых ими синтаксических отношений [3]

Синкретизм и омонимия - два качественно различных явления. "Синтаксический синкретизм - синтаксическая двусмысленность, возникающая вследствие формального неразличения разных синтаксических категорий" [1]. Синкретичные конструкции объединяют план выражения одних структур, а план содержания - других. Совмещение наименований отношений в синкретичных словосочетаниях связано с особенностями традиционной классификации членов предложения, предопределено лексико-семантическими и морфологическими свойствами главного и зависимого слов. Так, например, в словосочетании "ночи в Роданте" (название худ.фильма) синкретичные отношения вызваны субстантивностью главного слова и локальной семантикой зависимого.

Разнообразие синтаксических механизмов синкретизма говорит о широкой вариативности языка, двойственности языкового знака и возможности использовать синкретичные образования для передачи широко спектра оттенков речи [2]. **Синтаксическую омонимию** необходимо отличать от **синтаксической многозначности**. В основе явления полисемии лежит положение о том, что, несмотря на единство означаемого и означающего как двух сторон языкового знака, между ними нет прямолинейного соотношения. Отсюда полисемия, как и омонимия, является одним из проявлений асимметрии языкового знака.

Поскольку симметрия между формой и содержанием языковых единиц отсутствует, существует возможность вторичных употреблений предложения, для которых практически нет логических ограничений. Достигнуть своей цели можно, преднамеренно употребив предложение необычным образом или даже специально употребляя его в смысле, противоположном обычному, стремясь достигнуть иронического эффекта. Предложение *Почему Петр слышит собака всегда лает?* может иметь два возможных значения: а) [Петр слышит почему] [собака всегда лает]?? б) [Петр слышит] [собака всегда лает почему]?

Это явление называется структурной синтаксической многозначностью. В данном случае вопросительное слово *почему* имеет два возможных места в глубинной структуре - одно в главном предложении после глагола *слышит*, другое в придаточном предложении после глагола *лает*. Другими словами, данное предложение является поверхностным представлением, которое может быть получено в результате применения трансформации к двум разным глубинным структурам: а) Петр слышит по причине X, что собака всегда лает; б) Петр слышит, что собака всегда лает по причине X. Существует точка зрения, что полисемия - следствие слабости человеческой памяти. Дополнительная загрузка языковых средств большим или меньшим количеством значений является значительным облегчением для памяти. То же самое мнение можно отнести и к явлению омонимии. **Синтаксическая омонимия** - явление потенциальной соотнесенности на уровне языка нормы различных по значению синтаксических моделей на основе совпадения их формы. **Синтаксическая многозначность** - одноплановое с омонимией явление, она тоже представлена на уровне языка нормы. Их различие в том, что многозначность - явление смысловой структуры одной единицы.

Синтаксическая многозначность - явление потенциальной соотнесенности на уровне языка нормы с одной синтаксической моделью двух или нескольких синтаксических значений. Омонимия и многозначность представлены в синтаксисе моделями незавершенных словосочетаний, выступающих в предложении как целое, - инфинитивными оборотами,

союзными, бессоюзными и придаточными предложениями. Между типичными случаями конструкций с омонимичными и полисемичными отношениями существует определенная промежуточная зона. Единицы, обладающие взаимно не связанными, не предполагающими друг друга значениями, могут в определенном контексте восприниматься одновременно в двух значениях, не нарушая однозначности высказывания. Например: словосочетание *обман Марии*, близкое по модели к таким как *фотографии Х (Марии)*, *помощь милиции* или *вызов врача* в предложении *Обман Марии был очевиден* актуализируют одновременно оба значения ("Мария обманывает" и "Мария обманута"), что связано с конкретной семантикой слов, входящих в словосочетание.

Таким образом, необходимо отличать синтаксическую омонимию от синтаксического синкретизма, полисемии и синонимии. При этом наибольшие трудности возникают при попытках отмежевания от синтаксической полисемии. При синтаксической омонимии происходит совпадение не связанных между собой синтаксических конструкций, хотя отдельные их компоненты могут быть не только генетически связанными, но и на современном срезе языка представлять одну и ту же единицу.

Список литературы

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. - М.: Сов.энц.,1966. - С. 410
2. *Баймусаева А.А.* Случаи проявления синкретизма на синтаксическом уровне. - Материали за 10-а международна научна практична конференция, «Найновите постижения на европейската наука», - 2014. Том 14 Филологични науки София. «Бял ГРАД–БГ» ООД-С. 72.
3. *Власова Ю.Н.* Проблемы синтаксической омонимии в современном английском языке. - Автореф. дис. ...д.фил.н. - Л.,1982. - С.28.
4. *Кривонос Е.А.* Синтаксическая омонимия и некоторые подходы к ее разрешению при автоматическом анализе текста. - Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы) : материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 апр. 2006 г. : в 2 ч. / редкол. : И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2006. – Ч. 2. – С. 142–145. – С.142.

10.02.01

Ф. Видерас Санчес

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Филологический факультет,
кафедра русского языка
Москва, fvideras@gmail.com

ОБРАЗ АВТОРА В РУССКИХ И ИСПАНСКИХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ (ПЕРСОНИФИКАЦИЯ И СТИЛЬ)

В статье рассматривается образ автора как ключевая текстообразующая категория в текстах российских и испанских газет. Анализируется степень присутствия автора в тексте и стилистическая тональность текста с целью выявить его воздействующий потенциал и выяснить, каким образом происходит воздействие автора на адресата. Отмечается, что репрезентация образа автора в газетных текстах может быть связана с национальной спецификой прессы двух стран, а также с тематикой публикаций. Актуальность работы определена ролью журналиста как языковой личности в информационной войне, свободой слова и творческим началом газетных текстов. Анализ производится на материале аналитических статей по важным общественно-политическим вопросам, опубликованных в последние годы: присоединение Крыма к России, каталонский процесс независимости, выбор Папы Франциска и победа Дональда Трампа на выборах США 2016 года.

Ключевые слова: публицистика, аналитическая статья, образ автора, стилистика, речевое воздействие.

Общепризнано, что тексты СМИ играют значимую общественную роль в силу не только выполнения ими информационной функции, но и их воздействующего потенциала. В газетной публицистике организующим началом является автор как языковая личность, которая воплощается в тексте. Образ автора, или речевую маску, многие ученые считают основной текстообразующей категорией. Под образом автора понимается «центр, фокус, в котором скрещиваются и объединяются, синтезируются все стилистические приемы произведений словесного искусства» [2: 154]. Образ автора изучался такими учеными, как В.В. Виноградов, Н.С. Валгина, Г.Я. Солганик, причём последний уделял особое внимание образу автора в газетных текстах. Данная тема не теряет своей актуальности в связи с распространением свободы слова, позволяющей автору открыто выражать свое мнение, а также в связи с ведущейся сейчас информационной войной, в которой журналист играет ключевую роль. Именно автор посредством выбора тех или иных языковых средств моделирует адресата и воздействует на него.

Образ автора – явление сложное и многогранное. В него включается использование определенных идеологем, оценок, речевых стратегий и тактик и стилистических приемов. Нам представляются особенно важным оценить степень присутствия автора в тексте, отражение в тексте отношения автора к транслируемой информации и стилистическую тональность, которая позволяет моделировать взаимодействие с адресатом. Именно эти аспекты остаются относительно инвариантными в газетных текстах, независимо от их содержания. Цель данной статьи – рассмотреть образ автора в аналитических статьях из российской и испанской прессы с тем, чтобы выявить сходства и отличия в репрезентации автора и оценить связанную с этим специфику СМИ каждой страны.

В статьях российской прессы можно регулярно наблюдать присутствие индивидуального (персонифицированного) образа автора, который чаще всего выражен с помощью местоимений первого лица в единственном числе и соответствующих притяжательных

местоимений: «*Дождь – это к счастью*», – говорит *моя* мудрая старенькая мама [Известия, 16.03.14], *Я* – за дискуссию, за обмен мнениями [Известия 17.03.2014], *Очень радуется меня* имя, которое избрал папа [Коммерсант, 14.03.13]. Образ автора формируется также употреблением глаголов в форме первого лица: *Думаю*, Москва готова к более конструктивному разговору [Известия 9.11.2016], а также глаголов, косвенно указывающих на субъекта речи: *Так и хочется* думать, что не всё еще потеряно [Известия, 14.03.13]. Кроме того, образ автора создается посредством прямого обращения к читателю: *А знаете*, чего больше всего боятся мои друзья? [Известия 16.03.2014], *Помните*, как в детстве и юности: «*Наших бьют!*» [Известия 17.03.2014], *Эта история немного длинновата, но потерпите* [Новая Газета, 14.03.13]. Данные тексты, в которых автор открыто выражает свою позицию и придает высказыванию личный характер, транслируют субъективную модальность. С помощью данных языковых средств в газетном тексте формируется ощущение настоящего разговора. Таким образом автор сокращает дистанцию между собой и читателем и упрощает передачу ему своей точки зрения.

Авторы газетного текста также часто реализуют тактику интеграции с читателем, например, с помощью местоимения первого лица множественного числа: ...*Нас* упрекают в нарушении международного права [Новая Газета, 18.03.14], *Мы присутствуем* при завершении целого периода развития человечества [Новая газета 9.11.2016], *Но что будет на практике – мы, самой собой, посмотрим* [Известия 27.10.17]. Данная тактика имеет высокий воздействующий потенциал, поскольку помогает автору включить читателя в процесс обдумывания информации, заставляя его согласиться с собой. Журналист старается донести до адресата мысль о том, что событие «касается всех нас». Противоположные примеры формирования обобщенного образа автора, в которых журналист выступает как член коллектива или говорит от имени газеты, встречаются гораздо реже. В проанализированных статьях был найден только следующий пример: «*Ъ* неоднократно писал о том... [Коммерсант, 9.11.16]. В данном случае автор выступает от имени газеты.

В статьях испанской прессы ситуация иная: в газетных публикациях индивидуальный (персонифицированный) автор присутствует крайне редко. Единственный пример был обнаружен нами в одной из статей о каталонском процессе независимости: *Sé que a los pusilánimes tales afirmaciones pueden escandalizarles. Pero me gustaría que respondieran a una cuestión muy simple* (Я знаю, что у малодушных такие утверждения могут вызывать возмущение. Но мне хотелось бы, чтобы они ответили на очень простой вопрос) [El País, 5.10.2017]. В статьях этой тематики можно также наблюдать единичные примеры, в которых автор пишет от имени редакции газеты: *Nos atrevemos a proponer la creación de una comisión independiente* (Мы осмелимся предложить создание независимой комиссии) [La Vanguardia, 2.10.2017] или обращается напрямую к читателю: *No nos dejemos sepultar por el resentimiento* (Не дадим обиде нас похоронить) [La Vanguardia, 2.10.2017]. В статьях о каталонской проблеме журналисты были вынуждены играть роль не только наблюдателей, но и посредников и участников конфликта, что объясняет прямое присутствие их образов в статьях. В текстах другой тематики автор испанского газетного текста преимущественно отстранен, придерживаясь, таким образом, объективной модальности и устанавливая официальные отношения с адресатом. Его целью является вызвать доверие читателя и убедить его в правоте тезисов текста. Сходство со статьями российской прессы можем найти в реализации тактики интеграции с читателем с помощью личных местоимений и глаголов: *El próximo lunes asistiremos al enésimo acto de rebeldía del fanático Puigdemont* (В следующий понедельник будем присутствовать при очередном акте восстания фанатичного Пучдемона) [El Mundo, 6.10.2017], *Hasta ahora estábamos acostumbrados a ver al Papa recién elegido presentarse a los fieles con la esclavina roja* (До этого мы привыкли видеть новоизбранного Папу предстающим перед верующими в красной накидке), *Con el paso de los días podremos analizar con más calma los motivos de la sorpresiva victoria de Donald Trump* (Позже мы сможем более подробно проанализировать причины удивительной победы Дональда Трампа) [La Vanguardia, 9.11.2016]. Эта же тактика реализуется через название страны и

общества: *Y por lo que respecta en concreto a España, el apoyo de nuestra ciudadanía a los posibles cambios que cabría desear es generalizadamente masivo* (И в том, что касается конкретно **Испании**, поддержка **нашими согражданами** возможных и желательных изменений в целом огромна) [El País, 20.4.2013].

К стилистическим особенностям российской прессы, помимо использования штампов и характерной газетной лексики, связанной с политическим дискурсом, относятся разговорные частицы, обороты и просторечные слова: **Что же**, нам обещали короткий конклав [Известия, 14.03.13], **Элитные машины – это, видите ли**, служебная необходимость [Новая Газета, 14.03.13], **В общем**, радоваться нечему, но катастрофы не будет [Новая газета, 09.11.2016], **И все-таки** они сделали это, те самые миллионы очень тихих, затаившихся американцев [Коммерсант, 09.11.2016], **Там то и дело** появляются кровавые фото [Известия, 16.3.2014]. В российском газетном тексте регулярно встречаются также фразеологические обороты, которые преимущественно употребляются в повседневной речи: *Социологи, многочисленные «говорящие головы», еще менее суток назад сулившие победу демократическому кандидату Хиллари Клинтон* [Коммерсант, 09.11.2016], *И я гроша год назад не ставил на Трампа* [Известия, 09.11.2016], *Многие аккредитованные при ЕС журналисты, которые знают его кухню* [Новая Газета, 4.10.17], *Среди которых первую скрипку играет Германия* [Известия, 26.10.17]. Элементы разговорного стиля, наряду с присутствием индивидуального автора и прямыми обращениями к читателю, также служат созданию иллюзии непринуждённой беседы с читателем.

В испанских статьях подобные слова и фразеологизмы практически отсутствуют, что соответствует литературной норме испанской журналистики: «Evitar palabras eruditas y vulgares. Muletillas prohibidas» (Избегать узкоспециальных терминов и разговорных слов. Слова-паразиты запрещены) [1: 12]. Тем не менее, творческая свобода журналиста чаще всего воплощается в словах, употребляемых в переносном значении и заключенных в кавычки: *La CNN, la CBS o la NBC han incurrido en la paradoja de «financiarle» la campaña electoral con la ambigüedad de la “publicidad gratuita”* (Телеканалы CNN, CBS и NBC парадоксальным образом «финансировали» его предвыборную кампанию при двусмысленности «**бесплатной рекламы**») [El País, 13.11.16], *Se erigió engarante de la paz, al anunciar que tomará medidas para «rehabilitar» y proteger a las minorías tártara y ucraniana en Crimea* (Он выступил гарантом мира, когда заявил, что примет меры для «**восстановления**» и защиты татарских и украинских меньшинств в Крыму) [El Mundo, 18.4.14], *Entonces se trató de un golpe de Estado «clásico»* (Тогда это был «**классический**» путч) [El País, 5.10.17]. Используются также окказионализмы, образованные с помощью активных словообразовательных моделей: *Su representante más notable, el cardenal Angelo Scola, figuraba en casi todas las quinielas de «papables»* (Его самый главный представитель, кардинал Анджело Скола, фигурировал во всех пари о «папирующих») [El Mundo, 14.03.2013], *La Casa Blanca aprobó la congelación de visados y el bloqueo decuentas a protegidos del putinato* (Белый дом одобрил замораживание виз и блокирование счетов подопечных путината) [El Mundo, 18.03.2014], *Bergoglio es una especie de «Antiratzinger»* (Бергольо – некий «**Антирацингер**») [El Mundo, 14.03.2013].

Таким образом, можно утверждать, что в статьях российской и испанской прессы авторы преследуют общую цель – вызвать доверие у читателя, воздействовать на него и убедить его в своей правоте, но добиваются этого различными способами. В российской прессе автор присутствует активно, придерживается субъективной модальности и использует элементы разговорного стиля. В испанских статьях автор отстраняется, реализует объективную модальность и следует книжной норме, позволяя себе при этом творческую свободу.

Список литературы

1. AA.VV. Manual de estilo del diario “El País” de España. Madrid: El País, 1994. 429 с.
2. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 240 с.

10.02.01

Ся Линь

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Кафедра русской словесности и межкультурной коммуникации,
Москва, xialin520@mail.ru

РИТОРИКА И СЛОВЕСНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКОЕ И СОВРЕМЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРЕДМЕТНОГО СОДЕРЖАНИЯ НАУК

В статье представлен взгляд на эволюцию предмета двух схожих филологических дисциплин, занимающихся речью и исследованием текстов словесных произведений: риторики и словесности. Для анализа избраны основные труды и наиболее авторитетные классические авторы, а заканчивается исследование современными оценками предметного содержания риторики и словесности в России.

Ключевые слова: *риторика, словесность, красноречие, история, наука.*

Риторика и словесность как классические науки и учебные дисциплины начали восстанавливаться в России с 70-80-х годов прошлого века. Тем не менее, очевидно, что обе дисциплины имеют богатое историческое прошлое, которое необходимо ясно понимать для того, чтобы развивать это классическое наследие. Риторика и словесность рассматриваются сегодня как два отдельных предмета, но когда мы изучаем историю и развитие предмета *риторики*, то неизбежно затрагиваем и *словесность*, так как «теория словесности – подход к самому центру достижений в риторике, основной курс, включающий не столько красноречие на любителя, сколько обязательную норму для образованного человека» [9]. История риторики и словесности тесно связана с историей как европейского, так и российского образования, и если риторика вышла из «античной колыбели» и приобрела в России яркие национальные особенности, то словесность, как будет показано ниже, – это чисто русское достижение, т.е. порождение русской научной мысли. Конечно, и риторика, и словесность претерпели значительные изменения в своей истории – попробуем последовательно описать основные вехи эволюции русской риторики и словесности.

Первый учебник риторики появился на Руси лишь в начале XVII в., а до XVII в. существовали только слова *риторика*, *риториа*, *ветийство* и множество их синонимов, также обозначавших искусство речи: *доброязычие*, *краснословие* и т.д.. Форма *ритор* (от греч. *rheto*) впервые встречается в «Житии Феодора Студийского» XII в. и только в 1620 г. в первой русской «Риторике» латинское слово *rhethorica* переведено на русский как *риторика*. Таким образом, форма *ритори́ка* (кстати, с ударением на второй слог от конца, как и полагается в латинском языке) утверждается в XVII в. Именно в это время в России закладывалась основа для создания научной терминологии риторики и последующих речеведческих дисциплин: словесности и стилистики. Практическая же риторика как искусство написания и составления речей основывалась в Древней Руси на образцовых культурных текстах, прежде всего, Священном Писании.

Возникновение научной риторики в России связано с сочинениями М. В. Ломоносова «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» (1743) и «Краткое руководство к красноречию» (1748). Вторая редакция 1748 года известна под названием «Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоюдо красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки». Обратим внимание на то, что М.В. Ломоносов выбрал из ряда старинных синонимов *благоречие*, *доброе слово*, *красноглаголение* именно термин *красноречие* для обозначения искусства хорошо говорить и писать. Таким образом, термин *красноречие* утвердился в значении искусство, способность и умение красноречиво говорить,

риторика же рассматривалась как наука, правила, «теория красноречия». Обратим внимание на то, что у М.В. Ломоносова имеется лишь термин *словесные науки*, а термин *словесность* в это время еще не появился.

В последнюю треть XVIII в. происходит крутой поворот в русском просвещении в связи со сменой общественно-политической и идеологической ситуации в обществе. В 1783 г. по инициативе императрицы Екатерины II была создана Российская академия, которую возглавила княгиня Е.Р. Дашкова. Основной целью Академии было написание Словаря «для чистоты языка», к работе над которым был привлечен весь цвет русской науки, причем, не только гуманитарной. В это время в России были сильны патриотические настроения, поэтому многие терминологические названия наук приняли русифицированный облик. Так, риторика комментировалась не только как «*риторика*», но и как «*витийство (ветийство)*», а наука *поэтика (пиитика)* вообще была заменена на *стихотворение* в значении «творение стихов». Однако самым значительным, на наш взгляд, был факт появления в Словаре Академии Российской нового слова *словесность*, которому суждено было в первой половине XIX века стать основным термином русской филологической науки.

Термин *словесность* имеется в Словаре Академии Российской 1789-1794 гг. в двух значениях: «1) знание, касающееся до словесных наук; 2) способность говорить, выражать» [7]. Конечно, слово «словесность» могло встречаться и ранее. Так, Сл.РЯ XI-XVII вв. отмечает это слово в XVI веке: «словесность - εϋλοττία. Влх. Словарь. С. 372. XVI в.». В XVIII веке это слово встречается в переписке с Берлинской королевской академией наук и словесности (1786 г.) и Прусской академией наук и словесности (1792 г.). Но активное употребление термина *словесность*, скорее всего, началось в первое десятилетие XIX века, когда стали появляться научные и литературные общества с этим названием, многочисленные учебники словесности и журнальные статьи (см. об истории слова *словесность*: [1]).

В первой половине XIX века вышло немало учебных руководств как по риторике, так и по словесности, поэтому именно этот период можно назвать золотым веком расцвета русской риторики и словесности. Наиболее значительными из них следует считать труды двух авторов: Н.Ф. Кошанского, написавшего выдержавшие неоднократные переиздания «Общую реторику» (1829) и «Частную реторику» (1832) (см. переиздание [6]), и профессора Одесского Ришельевского лицея К.П. Зеленецкого, создавшего «Исследование о риторике» (1846), четырех-томник «Общей риторики», «Частной риторики», «Поэтики» и «Истории русской литературы» (1849) [4; 5]. Именно эти четыре книги К.П. Зеленецкого вместе с главами «Общей риторики» Н.Ф. Кошанского в 50-е годы объединил в общую для всех гимназий России «Теорию словесности» И.И. Давыдов (см. исследование истории создания этой книги [2]). Таким образом, словесность вместила в себя и все части риторики, и поэтику, и историю литературы.

В 50-е годы XIX в. ряд литературных критиков (В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский) и передовых филологов (Г.Г. Фойгт) выступили против риторики. Они считали, что именно художественная литература и литературная критика являлись главным видом словесного творчества. В 60-е годы XIX в. была проведена реформа образования и в результате предмет *риторика* был исключен из системы образования, а остался предмет *словесность*, в который вошло «обязательное изучение художественных сочинений и мнений литературных критиков по различным вопросам общественной жизни» [9].

В 1870-е годы ситуация изменилась следующим образом: расширилось преподавание классических языков, а в гимназиях и университетах начали преподавать не только теорию, но и историю словесности, включавшую огромный массив текстов, по преимуществу, художественной словесности. Теория словесности была поставлена в центр учебной филологии. В конце 70-х г. соответственно сложился новый тип учебника по теории словесности, который сохранился без изменений до 90-х г. XIX в. В конце XIX в. начался последний этап развития словесности с сокращением теории прозы и развитием теории художественной речи. Последние учебники по теории словесности предлагали, в основном,

анализ художественно-стилистических проблем, например, последний учебник по теории словесности Д.Н. Овсяннико-Куликовского, вышедший переизданием в 1923 году, носил название «Теория слога, прозы и поэзии». После Октябрьской революции термин *словесность*, в сущности, рассматривался как устаревший, хотя учителями словесности и сегодня продолжают называть учителей русского языка и литературы.

В настоящее время в России ситуация в филологическом образовании изменилась кардинально: изменения в идеологии и общественно-политическом стиле вызвали огромный интерес к риторике и словесности, Современное общество и новый стиль жизни требуют новой риторики. Современная риторика развивается не просто для того, чтобы обучать человека строить правильные высказывания, но и для того, чтобы обучать человеку уметь использовать уместную речь с учетом современного научного знания для организации всех сторон речевой жизни общества.

Словесность также переживает период восстановления, утверждения и обогащения – см. прежде всего труды Ю.В. Рождественского, описавшего роды, виды и жанры словесности как в историко-классическом, так и в современном обозрении [10]. Для русской школы предложен ряд учебников, авторы которых (например, А.И. Горшков) не только утверждают «непосредственную преемственность традиций былого преподавания словесности», но и справедливо требуют предлагают переосмыслить этот предмет как по содержанию, так и по «особенностям его преподавания» [3].

Как видим, русская научная мысль интенсивно развивается и обогащается новыми идеями и положениями, основание для которых сформировалось в богатейшей историко-теоретической традиции, вызывающей большой исследовательский интерес.

Список литературы

1. *Аннушкин В.И.* История слова «словесность» в русском языке // Язык как материал словесности. Сборник научных статей к 90-летию А.И. Горшкова. М., Изд-во Лит. института им. А.М. Горького. 2013. С 16-27.
2. *Аннушкин В.И.* Классик русской филологии, профессор Одесского Ришельевского лицея Константин Петрович Зеленецкий (1812-1858) и проблемы современного филологического знания // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. Одеса, Астропринт, 2014, № 21. С.8-14.
3. *Горшков А.И.* Русская словесность: 10-11 кл.: метод. рекомендации к учеб. и сб. задач и упражнений. М.: Просвещение, 2006. С. 3.
4. *Зеленецкий К.П.* Исследование о риторике. – Одесса, 1846.
5. *Зеленецкий К.П.* Курс русской словесности для учащихся. – Одесса, 1849. – I. Общая риторика; II. Частная риторика; III. Поэтика; IV. История русской литературы.
6. *Кошанский Н.Ф.* Риторика. Издание подготовили Аннушкин В.И., А.А. Волков, Л.Е. Макарова. М., Русская панорама; Кафедра, 2013. 320 с.
7. Словарь Академии Российской. Т. I-VI. Спб., 1789-1794. Т. V. С. 536.
8. *Волков А.А.* Курс русской риторики. М., Издательство храма св. муч. Татианы, 2001. С. 8.
9. *Пешков И.В.* Из истории отечественной риторики//Теория словесности: Биобиография и комментарий. М., 1990. С. 3.
10. *Рождественский Ю.В.* Общая филология. – М., 1996.

10.02.04 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

Э.О. Айвазашвили

Пятигорский государственный университет,
Институт иностранных языков и международного туризма,
кафедра теоретической лингвистики и практики межкультурного общения,
Пятигорск, evelina.aivazashvili@yandex.ru

**АКТУАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
БИЗНЕС-ДИСКУРСА ЧЕРЕЗ ДЕЙКТИЧЕСКУЮ ФУНКЦИЮ
ЛИЧНОГО МЕСТОИМЕНИЯ «WE» (МЫ)
(НА ПРИМЕРЕ ЖАНРА «БИЗНЕС-СОВЕЩАНИЕ»)**

В статье рассматриваются особенности употребления личного местоимения «we» (мы) в качестве одного из лексико-прагматических операторов коммуникативно-прагматического потенциала жанра бизнес-совещания в современном английском языке. Автор предпринимает попытку изучить прагматический диапазон данного феномена через его дейктическую функцию. В результате проведенного исследования было выявлено существование пяти основных типов бытования личного местоимения «мы» в англоязычных бизнес-совещаниях: «we» - присутствующие на совещании члены коллектива; «we» - целостная организационная единица; «we» - два участника совещания; «we» - участники проектной группы; «we» - весь персонал компании.

Ключевые слова: *личные местоимения, дейктическая функция, коммуникативно-прагматический потенциал, бизнес-совещание, бизнес-дискурс.*

Важную роль в актуализации коммуникативно-прагматических компонентов бизнес-совещания как жанра современного англоязычного бизнес-дискурса играет дейктическая функция используемых его участниками личных местоимений, которая зависит не только от языковых параметров, но и от общекультурных факторов.

По мнению В.Б. Касевич, особенности функционирования личных местоимений в том или ином языке могут зависеть от его отнесенности к так называемым «я-культурам» (или персоналистским культурам) либо к коллективистским «мы-культурам» (с менее выраженным акцентом на я) [6].

Н.Н. Волков разграничивает личные местоимения, существующие в современном английском языке, на три «противопоставленные микросистемы»: указатели на говорящего и слушающего *I, you, we*, «выполняющие дейктические функции указания на коммуникативные лица»; субституты одушевленных «предметов» *she, he, they*, применяемые «к некоммуникативным лицам, отсутствующим в реальных актах речи»; и субститут предметов *it*, обладающий, в основном, предметным значением [5, с.149-150].

Проведенный нами анализ прономинального выбора был сосредоточен на использовании форм личного местоимения первого лица *we*, поскольку именно они наиболее тесно связаны с понятиями социальной идентичности и коллективного сознания, играющими важную роль в формировании коммуникативно-прагматических особенностей и выборе лексико-грамматических средств «внутри» жанра «business-meeting».

В профессиональной деловой обстановке бизнес-совещания выбор между «я» как индивидуумом и «мы» как той или иной формой коллективной идентичности продиктован необходимостью следовать определенной речевой тактике. Например, в современном англоязычном бизнес-дискурсе на уровне представителей менеджмента среднего звена нередки случаи «перехода» из одной категории *we* в другую: «мы» как «целевая группа», «мы» как «отдел», «мы» как «служба», обще-корпоративное «мы» и т.д. [7, с.175].

Подобного рода сдвиги - один из характерных признаков жанра бизнес-совещания. Хотя, нужно заметить, что в каждом из рассмотренных нами совещаний выбор местоимений зависел от целого комплекса факторов: состава и уровня формальности взаимоотношений между участниками, их статуса, поставленных задач, обсуждаемой темы и др.

О.А. Артемова отмечает, что семантика местоимения *we* охватывает «два и более лица, включая и говорящего» [4, с.25]. Она выделяет существование «мы – инклюзивного», включающего слушающего в дейктическую сферу говорящего, и «мы – эксклюзивного», не включающего адресата речи в дейктическую сферу говорящего (т.е. «мы» - это «я без тебя / без вас»). Ей удалось выявить существование 8 прагматических функций местоимения *we* в современном английском языке: фатическую (установление контакта, реализация эмпатии и стратегии позитивной вежливости), королевскую (указание на высокое социальное положение субъекта речи), редакторскую (формирования у адресата точки зрения, совпадающей с мнением субъекта речи), авторскую или научную (подразумевающую существование общих фоновых знаний у субъекта речи и адресата), покровительственную (подчеркивающую, что адресат не одинок), императивную (указывание адресату на определенный способ выполнения действия), умоляющую (как правило, в молитвах) и манипулятивную (включающую инклюзивный, эксклюзивный и мультииндексальные типы) [4, с.27-29].

Принимая во внимание неотделимость собственной семантики местоимения *we* от прагматических аспектов его употребления, нам удалось выявить существование пяти основных типов в текстах англоязычных бизнес-совещаний:

1) *we* сопоставляется с действительно присутствующими на совещании членами коллектива (председателем совещания и инклюзивной аудиторией):

Max: Well I'm not happy about it. I don't think we should have a vote about it now. I mean, I think we need a report or an extra survey done about this [8, с. 159] (рус. Макс: Ну, я не доволен этим. Я не думаю, что мы должны проголосовать за это сейчас. Я имею в виду, я думаю, что нам нужен отчет или дополнительное исследование этого вопроса).

2) *we* сопоставляется с целостной организационной единицей, объединяющей председателя совещания, инклюзивную аудиторию и указанных «других» членов коллектива:

Chris: Last year we had complaints about the busy road you have to cross to get to the beach. I think we should mention that, especially as it's a family hotel ... [10, с.132] (рус. Крис: В прошлом году у нас были жалобы на оживленную дорогу, которую нужно перейти, чтобы добраться до пляжа. Я думаю, что мы должны упомянуть об этом, раз это семейный отель ...).

3) *we* сопоставляется с двумя участниками совещания (спикером и указанным другим членом коллектива, без учета остальных присутствующих):

Marcus: We can talk about this in a minute. Do you agree in principle, though, that we need to understand the cause of the problem? - Anna: Yes, I suppose so [9] (рус. Маркус: Мы можем поговорить об этом через минуту. Согласны ли вы в принципе, что нам нужно понять причину проблемы? - Анна: Да, я так полагаю).

4) *we* сопоставляется с участниками проектной группы (спикер и эксклюзивная аудитория, состоящая из членов группы):

S: well the first day we crammed a lot of information into it and although in one sense I thought ... we're really sort of storming through this...[7, с.176] (рус. Ну, в первый день мы нагромодили много информации, и, в каком-то смысле, я подумал ... мы действительно, вроде как, штурмуем события ...).

5) *we* сопоставляется со всем персоналом коллектива, включая выступающего, членов коллектива, присутствующих на совещании и всех остальных работников фирмы:

Nancy: I'm pretty sure hot-desking won't work unless we have an open-plan office [8, с. 159] (рус. Нэнси: Я абсолютно уверена, что система незакрепленных рабочих мест не сработает, пока у нас не будет офиса открытого типа).

В некоторых случаях, можно проследить некоторую закономерность в переходе от одного типа «мы» к другому. Например, если тема обсуждения касается вопросов, связанных с общей политикой организации, значение *we*, в большинстве случаев, можно трактовать как целостную организационную единицу. В ходе обсуждения текущих вопросов, требующих принятия немедленных решений, *we*, с большей вероятностью, будет охватывать только присутствующих на совещании членов коллектива. Иными словами, в рамках жанра «бизнес-совещание» местоимение *we* не только указывает на субъект речи, но и уточняет прагматические границы коллективной идентичности его участников.

В целом, мы можем сделать вывод, что для жанра бизнес-совещания как части современного англоязычного бизнес-дискурса преобладающее употребление личного местоимения *we* - это инструмент, активно используемый участниками с целью повышения статуса своих реплик либо для придания им большей «гибкости» в сглаживании конфликтных ситуаций, а также для смещения зоны личной ответственности в область коллективной.

Список литературы

1. *Акопянц А.М.* К вопросу о коммуникативно-прагматической валидности лексических новообразований в дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2016. № 5-1 (59). С. 30-33.
2. *Акопянц А.М., Бабитова Л.А.* Лингвистический ландшафт глобализации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2016. № 12-4 (66). С. 64-66.
3. *Акопянц А.М., Бабитова Л.А.* Развитие языка в системе глобальной коммуникации // Университетские чтения – 2017. Материалы научно-методических чтений ПГУ. Пятигорск. 2017. С. 92-96.
4. *Артемова О.А.* Семантика и прагматика личного местоимения *We* // Мир языков: ракурс и перспектива: материалы VII Международной научно-практической конференции, Минск, 22 апреля 2016 г. В 3 т. / БГУ, Филологический фак., Каф. английского языкознания; редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2016. – Т. 1. С. 25-31.
5. *Волков Н.Н.* Семантика и дейктические функции личных местоимений в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 175 с.
6. *Касевич В.Б.* Язык и культура // Проект «Звуковая энциклопедия». URL: <http://www.sonoteka.spb.ru> (дата обращения: 25.02.2019).
7. *Bargiela-Chiappini F., Harris S.J.* Managing Language. The discourse of corporate meetings. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 1997. 295 p.
8. *Cotton D., Falvey D., Kent S.* Market Leader. Intermediate. New Edition. Coursebook. Financial Times. Harlow: Longman Group UK Limited, Pearson Education, Limited, 2008. 176 p.
9. *Hughes J., Naunton J.* Business result. Pre-Intermediate. Classroom DVD Worksheets. Unit 6. Participating in a meeting (1). URL: https://youtu.be/PZ0T_0AHWec (дата обращения: 24.01.2019).
10. *Strutt P.* English for International Tourism. Intermediate. Student's book. Harlow: Longman Group UK Limited, Pearson Education, Limited, 2007. 152 p.

10.02.04

Н.П. Андреева канд. филол. наук, Г.П. Терентьева, И.И. Чащина канд. филол. наук

Омский Государственный Технический Университет,
факультет гуманитарного образования,
кафедра иностранные языки,
Омск, r-t@bk.ru

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ НАЗВАНИЙ АНГЛИЙСКИХ И ИРЛАНДСКИХ ПАБОВ

Данная статья посвящена соотнесению языковых явлений с социальными, возникающими в процессе развития общества. Авторы утверждают, что паб - это не только питьевое заведение. Это еще и английские и ирландские традиции, а их названия могут о многом нам рассказать об истории Англии и Ирландии.

Ключевые слова: *социолингвистика, паб, корреляция, языковые явления, названия, тематические группы.*

Социолингвистический аспект требует учета комплекса проблем, таких как "язык и общество", взаимоотношение слов и понятий. Слова создаются одновременно с понятиями в силу самого принципа неразрывной связи языка и мышления при определении сущности содержания языкового знака, основным является выяснение связи, существующей между знаком и обозначаемой им вещью [9].

Одним из важнейших методов социолингвистики является метод корреляции языковых и социальных явлений.

Социолингвистика возникла на стыке языкознания и других смежных дисциплин - социологии, социолингвистики, психологии, этнографии [10]. Социолингвистика как наука сложилась в 50-е годы XX века. Термин "sociolinguistics" был введен американским лингвистом Х. Карри в 1952 г. А рассмотрение языка как явления социального можно отнести к более ранним работам таких исследователей как В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, В.И. Жирмунского [10].

Известному лингвисту Е.Д. Поливанову принадлежит заслуга в разработке проблем "Социолингвистической лингвистике": определение языка как социально-исторического факта и изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями [8].

Зарождение социолингвистики зарубежом связывают с именем А. Мейе, представителя социолингвистической школы в языкознании, которая берет свое начало от Ф. де Соссюра, определявшего язык как "социальный продукт речевой способности" [6].

По мнению Аврорина Т.Н. социолингвистика - это узкая дисциплина, объектом изучения которой является функционирование языков и характерные для этнических коллективов языковые ситуации [1].

Б.Н. Головин определяет социолингвистику как социологию языка, которая должна объяснить всю систему вариантов языка, так как это варьирование вызвано не внутрискруктурными причинами, а воздействием социального коллектива [3].

Ю.Д. Деширяев, определяя предмет и задачи современной социолингвистики утверждает, что данное направление в лингвистике исследует, во-первых, язык как социально обусловленную специфическую, относительно самостоятельную систему и его общественные функции, во-вторых, роль социальных факторов в возникновении, функционировании и развитии этой системы и ее структурных элементов, в-третьих, особенности и результаты стихийного и сознательного воздействия общества социальных факторов на функционирование, развитие и взаимодействие языков. Итак, по мнению

Деширяева Ю.Д. двуединая задача социолингвистики состоит в изучении влияния общества, социальных факторов на функционирование, развитие и взаимодействие языков с одной стороны, роли языков в развитии общества с другой [4].

Следовательно, социолингвистика - это наука, исследующая проблемы взаимоотношений и взаимообусловленности языка и общества [9].

О.С. Ахманова и А.Н. Марченко определяют социолингвистику как раздел языкознания, изучающий причинные связи между языками и фактами общественной жизни и предлагают установить последовательные корреляции между микролингвистическими явлениями и фактами общественной жизни определенного коллектива [2].

Руководствуясь постулатами вышеупомянутых ученых социолингвистов о коррелиции языковых и общественных явлений, мы решили проанализировать названия английских и ирландских пабов.

Лингвострановедческий словарь "Великобритания" дает следующее определение: паб - пивная, трактир, таверна (торгует преимущественно пивом, а также другими алкогольными и безалкогольными напитками, и закусками; является местом встречи жителей данного района).

Знарок английских нравов и обычаев В.Осипов в своей книге "Британия: 60-е годы" писал: "Пабы - тоже достопримечательности британских островов."

Паб - это уникальное английское явление, присущее только Великобритании, это такая же традиция английской нации, как быстро французской.

"The Pubs know a lot almost as much as the churches. They've got a tradition", Joyce Carry.

Возникновение пабов в Великобритании, и, соответственно, их названий историки относят к XV-XVII вв. О названиях можно говорить условно, так как в прямом смысле их еще не существовало. Надпись на вывесках заменяла определенный символ, указывающий на характер заведения. Например, владелец паба привязывал пучок вечно зеленого растения к шесту, что являлось символом бога виноделия Бахуса (в греческой мифологии он всегда изображался с виноградными листьями). Позднее эта вывеска трансформировалась в название "The Bush" т.е. произошел процесс перехода из нарицательного имени в собственное. Это название выросло из нарицательного существительного "bush" - "куст".

Иногда паб называли (и называют) по имени пивоваренной компании. Это делалось в рекламных целях и указывало на то, что данный паб - собственность той или иной компаний. Пабам давались и даются оригинальные названия, которые привлекают внимание посетителей, короткие и легко запоминающиеся, вместе с тем связанные с вещами понятными, знакомыми и дорогими каждому жителю Великобритании и Ирландии. В XVII веке Т. Хейвуд писал: "The gentry would go to "The King's Head", the bankrupt would go to "The World's End", the gardener to the Roses" [11].

В Великобритании и Ирландии насчитывается 39 тысяч пабов. Названия пабов преимущественно состоят из слов, прямо или косвенно указывающих на Англию и Ирландию. Это могут быть те или иные английские слова, названия городов, известных объектов, типичные имена и фамилии, имена исторических личностей и литературных персонажей.

Путем сплошного просмотра лингво-страноведческого словаря нам удалось выделить несколько тематические группы, которые легли в основу номинации пабов.

Самую большую группу составляют названия, связанные с геральдикой членов королевской семьи. Великобритания на протяжении многих веков была (и остается) монархией и владельцы пабов выражали свои верноподданические чувства престолу, давая названия своим заведениям по эмблемам королей. Поэтому появились такие названия: "The Bull's Head" - герб Генриха VIII, "The White Lion" - герб Эдуарда IV, "The White Swan" - герб Генриха IV (вместе с названием на вывеске изображался и сам герб). Слово "Coat of Arms" - герб, часто стало употребляться как синоним слову "Pub" - гостиница. Поэтому среди современных названий пабов мы встречаем: "Junction Arms", "Bricklayers Arms". Название пабов также может быть связано с гербом, обозначающим профессию: "The Green Man" -

герб лесников. Такие пабы были профессиональными клубами, местом встреч людей однородных занятий.

Представляет интерес и другая тематическая группа - литературные аллюзии, где пабы названы именами широко известных литературных героев: "The Falstaff", "The Oliver Twist", "The Sherlock Holmes"; или именами персонажей детских сказок: "Humpty-Dumpty", "The Cheshire Cat", "The Red Fox", "The Wolf", "The Black Bull", "The Blue Mountains", "The Barn Elves".

Следующая тематическая группа посвящена историческим событиям и известным личностям: "The Saracen's Head" и "The Turk's Head" названы в память о воинах крестоносцах; название "The Cromwell's Head" напоминает о времени английской буржуазной революции. Названия, связанные с мореплаванием напоминают нам о том, что Англия долгое время была известна как "владычица морей". Таковы, например, пабы "The Anchor", который находится в лондонском порту, "The Captain Flint". Названия некоторых пабов напоминают о великих победах Англии на море "The Trafalgar".

Отражение исторических событий, которые происходили в Англии и Ирландии воплотилось в таких названиях как: "The Red Rose" и "The White Rose" - по гербам ланкастеров и йорков в войне, известной как война Алой и Белой розы (1455-1485).

Из религиозных названий существуют названия, в которых отражены английские религиозные традиции, например: "The Saint George and the Dragon" (это название связано со святым покровителем Англии времен крестоносцев - Святым Георгием). Владельцы пабов были набожными людьми и, давая своему заведению название такого рода, рассчитывали на помощь и покровительство почитаемого ими святого. В настоящее время религиозные названия пабов встречаются довольно редко.

Любопытны названия, связанные с месторасположением пабов. Так, несколько пабов имеют название "The Gate", что говорит о том, что по соседству с ними находились ворота какого-либо здания, церкви, тюрьмы, частного дома, которых уже в большинстве случаев не существует, но факт этой близости закрепился в названии паба. Другое название "The Hole-in-the-Wall" говорит о том, что к пабу вел узкий проход в стене стоящего перед ним дома. "Ches Tussard" - паб, расположенный возле всемирно известного музея восковых фигур мадам Тюссо.

Еще одна группа объединяет названия описательного типа, характеризующие сам паб, его вид, устройство, кухню, напитки: "The White House", "The Red House", "The Blue House", "The Green Lattice", "Round the Beef".

Среди названий, связанных со спортом, очень часто встречаются названия, относящиеся к скачкам - одному из любимых видов спорта англичан. Это могут быть клички известных лошадей: "The Flying Dutchman", "The Bell", которая говорит о следующей традиции: во времена Чарльза II серебряный колокольчик был призом на скачках.

Итак, проанализировав названия английских и ирландских пабов путем метода корреляции языковых и социальных явлений мы можем отметить насколько сам паб - традиция, настолько и его название - отражение исторических, культурных и других традиций Великобритании и Ирландии.

Список литературы

1. *Аврорин, Т.В.* Проблемы изучения функциональной стороны языка // Л. Наука. - 1975. С. 98.
2. *Ахманова О.С.* К вопросу о дефинитивном слове и дефинитивности словосочетания: Автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. филол. наук. - М., 1971. - 19 с.
3. *Головин, Б.Н.* Введение в языкознание: учебное пособие для филологических специальностей пед. вузов / Б. Н. Головин. - 3-е изд., испр. - М.: Высшая школа, 1977. - С. 124.
4. *Деширяев, Ю.Д.* Социальная лингвистика // Н. Наука. - 1977. - С. 167.
5. *Леонovich О.А.* В мире английских имен. Учебное пособие по лексикологии. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: АСТ: Астрель, 2002. - С. 47.
6. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков - М., Л.: 1938. - С.132.
7. *Осипов В.* Британия. 60-е годы. - М.: Изд-во политической лит-ры, 1967. - С.53.
8. *Поливанов Е.Д., Быковец Н.Н., Гарковец Н.Н., Дерканбаева И.Т. и др.* Языковые ситуации и взаимодействие языков, Институт языкознания имени А.А. Потебни. - Киев: наукова думка, 1989. - С.87.
9. *Ткачева Л.Б.,* Основные закономерности английской терминологии. - Томск: Изд. Том. ун-та, 1987. - С.37.
10. *Швейцер, А.Д.* Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. - Л.: Наука, 1971. - С.5.
11. *Thomas Heywood*, The English Traveller, 1633. - P.286.
12. *New Encyclopaedia Britannica*, The. 15th ed. Chicago: Encyclopaedia Britannica, Inc., 1994.

10.02.04

**Т.М. Белова канд. филол. наук, К.Э. Вяльях канд. филол. наук,
Е.А. Яшкина канд. филол. наук**

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения,
факультет экранных искусств,
кафедра иностранных языков
Санкт-Петербург, kafiny@gukit.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЕРБАЛЬНОГО И ВИЗУАЛЬНОГО В КИНОТЕКСТЕ

В статье рассматривается кинотекст как особый вид креолизованного текста. Объектом исследования послужил британский детективный драматический телесериал "Sherlock" компании Hartswood Films, снятый для BBC Wales. Исследуется взаимодействие лингвистической и нелингвистической составляющей в кинотексте, влияние специфики киножанра на данное взаимодействие.

Ключевые слова: кинотекст, креолизованный текст, внутрикадровая надпись, вербально-визуальные единицы, экспрессивная функция.

В настоящее время в связи с ростом визуальной информации в современной коммуникативной среде происходит изменение парадигмы научной мысли в сторону креолизованного текста. Интерес к креолизованным текстам, находящимся на стыке лингвистики и других семиотических систем усиливается и углубляется, поскольку их интерпретация представляет значительный интерес для адресата с точки зрения познания.

Под креолизованными текстами в данной работе понимаются тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (звуковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) [4].

В данной работе предпринимается попытка рассмотреть кинотекст как особый вид креолизованного текста, в котором взаимодействие вербального компонента, видеоряда и музыкальной темы оказывает воздействие на адресата, которое по своей эффективности намного сильнее воздействия обычного вербального текста.

Проблеме понятия кинотекста, его состава, структуре, особенностям, взаимодействия с другими видами креолизованного текста посвящены труды как зарубежных ученых (Ч. Пирс, У. Эко), так и отечественных (Ю.М. Лотман, Ю.Г. Цивьян, Ю.Н. Усов, А.В. Федоров, Е.Е. Анисимова, Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова и др.). Следует отметить, что отличительной особенностью кинотекста является его комплексный состав, состоящий из двух систем: лингвистической и нелингвистической.

Предметом настоящего исследования являются способы реализации и взаимодействия лингвистической и нелингвистической составляющей в кинотексте.

Объектом исследования послужил британский детективный драматический телесериал «Sherlock» компании Hartswood Films, снятый для BBC Wales.

Стоит отметить, что письменная речь, как часть лингвистической системы кинотекста представлена внутрикадровыми и межкадровыми надписями и имеет достаточно долгую историю, берущую свое начало с появлением немого кино. В немой период надписи полностью заменяли звучащую речь и были связаны с визуальным образом. С появлением звука необходимость в надписях в кинематографе, казалось бы, исчезла. Однако «надпись в звуковом фильме не только не отказалась от большей части наследия своего немого прошлого, но и стала развиваться» [1].

Если межкадровая надпись строго зафиксирована в структуре фильма и является его важным формообразующим элементом, то внутрикадровая надпись может быть реализована любым способом, т.е. где угодно и чем угодно. Кроме того, внутрикадровые надписи могут подразделяться на прямые, косвенные и субтитры. Исследуемый материал показал, что практически каждая серия изобилует наличием косвенных внутрикадровых надписей (т.е. тех надписей, на которые персонаж не реагирует). Несмотря на то, что внутрикадровая надпись является более архаичной формой, чем межкадровая, режиссер прибегает именно к первой, что объясняется, во-первых, ее тесным взаимодействием с персонажем и, во-вторых, жанром сериала.

Сериал создавался в век высоких технологий и огромных скоростей и рассчитан на современного зрителя, привыкшего получать информацию быстро, «в один клик», поэтому и главный герой Шерлок перемещен в реальность XXI века. Применяя такое обилие внутрикадровых косвенных надписей, режиссер, таким образом, подчеркивает скорость дедуктивных выкладок главного героя, темп его мышления и принятия решений.

Одновременно с использованием внутрикадровых косвенных надписей используются и невербальные средства, что обусловлено стремлением конкретизировать информацию, сделать ее более выразительной и значимой с тем, чтобы воздействовать на собеседника (в данном случае зрителя) [3, 291]. При этом, появление визуального образа существенно увеличивает усвоение информации и позволяет реципиенту погрузиться в мир главного героя.

Так, в серии «A Study in Pink» (1 серия, 1 сезон, 24:35-25:52) крупный план украшений жертвы, которую осматривает Шерлок, сопровождается антонимичными надписями «*clean*» («чисто») / «*dirty*» («грязно»), что позволяет главному герою сделать выводы о семейном положении жертвы и дает возможность зрителю следовать за цепочкой умозаключений, сделанных детективом:

- крупный план обручального кольца жертвы: внешняя сторона кольца «*dirty*» («грязно») - «*unhappily married 10+ years*» («несчастливый брак 10+ лет»); внутренняя сторона кольца - «*clean*» («чисто») - «*regularly removed*» («постоянно снимала»), а значит - «*serial adulter*» («постоянно изменяла»).

Визуализация проведения процедуры химического анализа масла на следах похитителя и крупный план оборудования в серии «The Reichenbach Fall» (3 серия, 2 сезон, 37:26) сопровождаются надписями 5 элементов вещества: «*chalk*» / «известь», «*asphalt*» / «асфальт», «*brick dust*» / «кирпичная пыль», «*vegetation*» / «растительность», «*PGPR*» / «полиглицерин полирицинолеат». Формула молекулы глицерина сначала вводит детектива в затруднение, однако визуализация фотографии с изображением почтовой печати, конверт с хлебными крошками и книга сказок братьев Гримм помогает связать все элементы воедино и обнаружить место нахождения похищенных детей. Вербальный код играет здесь не второстепенную, а такую же главную роль, как и визуальный образ и создает дополнительный экспрессивный эффект [2].

Подобные примеры находим и в других сериях.

Образ Шерлока представлен зрителю как не просто детектив с необычными интеллектуальными способностями, а, скорее, как супергерой способный молниеносно находить, обрабатывать и систематизировать информацию и находить правильные пути решения. Одним из способов создания такого образа является использование визуализации экранов телефонов, компьютеров. Зритель получает полное ощущение идентичности работы всемирной сети Интернет и мозга главного героя (серия «A Study in Pink», сцена 37:10; серия «The Reichenbach Fall», сцена 40:52)

При расследовании очередного преступления Шерлок отправляется в "чертоги разума", использует своего рода ментальную карту, что синонимично поиску в сети Интернет (2 сезон 2 серия «The Hounds of Baskerville», сцена 1:10:31- 1:11:36). Надписи, появляющиеся на экране "Liberty"- "Свобода", "Bell" - "Колокол", "Fraternite" - "Братство", "Pattern" - "Сходство", постепенно группируются, отбрасывая все лишнее и оставляя главное.

Одновременно аудиовизуальный ряд (звук колокола, марш "Liberty Bell", портрет Джона Филипа Суза, породы собак) усиливают эмоциональное напряжение и помогают зрителю понять, насколько главный герой близок к правильному решению. Логическая цепочка умозаключений, представленная на экране словами "*Liberty-Indiana-H.O.U.N.D.*" / "*Свобода-Индиана-Г.О.Н.Ч.А.Я.*" помогает понять детективу причины убийств, происходящих в городе. Речь идет о секретном проекте ЦРУ под названием Г.О.Н.Ч.А.Я., который занимался разработкой наркотика, подавляющего волю, вызывающего страх и дезориентирующего врага, чем и продолжал заниматься один из его последователей.

В ходе выполненного исследования можно утверждать, что отношение взаимозависимости между лингвистической и нелингвистической системами, каждая из которых выполняет свою определенную функцию, делает кинотекст креолизованным текстом. Только при одновременном восприятии изображения и внутрикадровой надписи, зритель получает полную информацию, которую режиссер стремится донести до зрителя. Использование внутрикадровой надписи в кадре демонстрирует корреляцию между различными видами креолизованного текста, в частности с комиксом. Стоит предположить, что кинотекст представляет собой более сложное и многогранное явление по сравнению с комиксом.

Многочисленное использование в данном детективном сериале разнообразных видов внутрикадровой надписи обусловлено, на наш взгляд, именно спецификой детектива как киножанра. Внутрикадровые надписи, как лингвистическая составляющая кинотекста, выполняют экспрессивную функцию. Экспрессивность главного героя сериала происходит из практической невозможности отобразить только через изображение весь спектр чувств, эмоций и внутренних монологов героев так, чтобы это было понятно зрителю.

В перспективе представляется перспективным рассмотреть сходства и различия между различными видами креолизованных текстов.

Список литературы

1. *Аносова А.* Опыт оживления мертвой буквы. К проблеме надписи в звуковом фильме // Киноведческие записки. Москва. – 2000. - № 48. – С. 54-81.
2. *Вяльях К.Э.* Выражение коммуникативной организации высказывания лексико-синтаксическими средствами (на материале испанского языка) : автореф. дис. канд. филол.н. СПб, 2011. 26 с.
3. *Крейдли Г.Е.* Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге I: Жестовые ударения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции "Диалог 2006". М.: Наука, 2006. С. 290–296.
4. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. М. Дрофа, 1990. С. 180.

10.02.04

Н.В. Сабурова канд. филол. наук, К.И. Федорова канд. филол. наук

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
Якутск, natalya_saburova@inbox.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКА КАК МЕХАНИЗМА ТЕКСТОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ СМИ

Статья посвящена анализу основных функций заголовка современного текста СМИ в контексте современного онлайн-формата. На примере анализа текста британского развлекательного издания демонстрируется, каким образом функциональный характер заголовка реализуется на нескольких уровнях самого заголовочного комплекса и всего текста. Выявляется усложненная семантическая структура заголовочного комплекса, которая затем последовательно реализуется на текстовом уровне посредством ряда лексико-семантических средств.

Ключевые слова: заголовок, заголовочный комплекс, рекламно-экспрессивная функция, функция привлечения внимания.

Заголовок выполняет весьма важную функцию в схеме реализации смысловой структуры любого текста СМИ, так как именно с него начинается знакомство с текстом. От него во многом зависит и дальнейшее восприятие статьи аудиторией.

Говоря о функциях новостных заголовков, стоит отметить, что наблюдаемое в последние годы смещение традиционных жанров, а также появление новых, во многих случаях приводит к тому, что строгое разделение заголовочных функций становится затруднительным, так как заголовочные функции напрямую зависят от жанровых особенностей текста. Так, Е. А. Смирнова выделяет три наиболее универсальные функции газетных заголовков:

1) Номинативно-информативная функция, функция сообщения о факте (наиболее полно реализуется в новостных текстах);

2) Рекламно-экспрессивная (прагматическая) функция заголовка, тесно связанная с функцией номинативно-информативной. Главной целью данной функции является привлечение внимания читателя, побуждение его к прочтению материала (в той или иной степени свойственна всем видам текстов СМИ);

3) Графически-выделительная функция. Эта функция реализуется практически во всех заголовках. Графически выделенный заголовок очень часто выделяется зрительно по отношению к окружающему тексту. Главное отличие данной функции - это то, что она реализуется неязыковыми (графическими) средствами: использование шрифтовых выделений, разных цветов и оттенков, размеров шрифта, графических линеек [1, 33].

Наибольшие изменения и нововведения в сфере СМИ последних десятилетий связаны с появлением и развитием онлайн-формата, а также социальных сетей. Этот фактор повлиял и продолжает влиять на схему построения и реализации заголовочного комплекса и текста, а также на характер взаимодействия между этими элементами.

В качестве иллюстрации того, как функции заголовочного комплекса реализуются в тексте развлекательного издания, рассмотрим статью, опубликованную в британском онлайн-издании *Mirror* 27 мая 2018г.

Данная функция начинает реализовываться уже на тематическом уровне. Свадьба принца Гарри, младшего внука королевы Великобритании Елизаветы II, и американской актрисы Меган Маркл 18 мая этого года привлекла внимание всего мира. В развлекательных изданиях страны это событие доминировало в сводках новостей на протяжении всего года,

представляя собой тему, которая практически безошибочно гарантирует внимание массовой аудитории. Даже спустя несколько месяцев после завершения свадебных торжеств, мельчайшие детали события подробно обсуждались как на страницах и сайтах «серьезных» изданий (The Guardian, The Observer), так и в таблоидах (The Sun, Mirror, Daily Mail).

Заголовок на индексной странице онлайн-издания представляет собой заголовочный комплекс, состоящий из основного заголовка и подзаголовка. Основной заголовок выглядит следующим образом: “Designer's Twitter account suspended after claiming Meghan Markle's wedding dress was 'identical' to one of hers” [3] / *Твиттер-аккаунт дизайнера был закрыт после заявлений о том, что свадебное платье Меган Маркл «идентично» платью из ее коллекции.*

Подзаголовок гласит: “New Zealander Emilia Wickstead had said the stunning gown, rumoured to have cost anything from £200,000 to £387,000, was exactly the same as one of her £7,000 designs” [3] // *Эмилия Уикстед из Новой Зеландии заявила, что роскошное платье, которое по слухам стоило от 200 до 387 000 фунтов, абсолютно идентично платью из ее коллекции, которое стоило 7 000 фунтов.*

В рамках основного заголовка (ОЗ) функция привлечения внимания реализуется на семантическом уровне. Он формирует «скандальную» импликацию, напрямую связывая приостановку работы Твиттер-аккаунта с заявлениями новозеландского дизайнера и намекая на причастность к этому королевской семьи. На лексическом уровне привлекает внимание, во-первых, глагол *claimed/ заявила, утверждала* (о новозеландском дизайнере) и прилагательное *'identical' / идентичное*. С одной стороны, наличие элемента цитирования сообщает заголовку определенную достоверность – автор ссылается на источник информации. С другой стороны, в данном контексте заголовок в имплицитной форме формирует недоверие к заявлениям г-жи Уикстед. Кавычки в заголовке также способствуют реализации графически-выделительной функции заголовка. Далее, в основном заголовке сообщается, что Твиттер-страница Эмилии Уикстед была закрыта из-за ее заявлений об идентичности свадебного платья королевской невесты Меган Маркл платью из ее коллекции. Это также усиливает сему недоверия к заявлениям субъекта статьи.

В подзаголовке происходит детализация события. Уточняется имя новозеландского дизайнера – Эмилия Уикстед. Следует отметить, что в данном контексте информированные читатели (на которых рассчитан данный текст), осведомленные о том, что Эмилия Уикстед – один из любимых дизайнеров Меган Маркл, могут прийти к выводу о том, что заявления дизайнера – результат профессиональной ревности с ее стороны.

Автор частично перефразирует содержание заголовка, используя синонимичную лексику. Вместо слова “claim” (*заявлять, утверждать, иметь притязания*), которое во многих случаях имеет негативную коннотацию и более сильную эмоциональную окрашенность, автор использует нейтральное слово “said” (*сказала*). Так, на уровне перефразирования определенная гиперболизация и эмоциональность элементов основного заголовка нивелируется на подзаголовочном уровне. Вместе с тем, приводимые в подзаголовке цифры и выбор лексики, используемой для введения новой информации, а именно описания двух платьев, привлекают внимание как на графическом, так и на смысловом уровне, открыто противопоставляя свадебное платье Меган Маркл платью из коллекции Эмили Уикстед: *stunning gown ... to have cost from £200,000 to £387,000 (роскошное платье...стоимостью от 200 000 до 387 000 фунтов) // one of her £7,000 designs (одно из ее изделий стоимостью 7 000 фунтов)*. Таким образом, функция привлечения внимания на уровне заголовочного комплекса реализуется в первую очередь за счет лексико-семантических средств. Автор имплицитно формирует новые, претендующие на сенсационность детали известного события (королевская свадьба), которые можно примерно сформулировать как:

1. *«Королевская семья причастна к приостановке Твиттер-аккаунта после скандальных заявлений его владелицы»* (основная смысловая деталь)

2. *«Платье Меган Маркл – результат плагиата, от которого пострадал менее известный дизайнер»* (дополнительная смысловая деталь)

3. «Притязания новозеландского дизайнера неправдоподобны и мотивированы профессиональной ревностью к более известному дизайнеру, которому было отдано предпочтение» (дополнительная смысловая деталь).

Интересно отметить, что третья смысловая деталь противоречит двум предыдущим. Это противоречие также призвано заинтересовать аудиторию, гарантируя ознакомление с основным текстом.

Основной текст интересен тем, что он малоинформативен по отношению к заголовочному комплексу, но развивает его эмоциональную заряженность. Большую его часть представляют прямые и косвенные цитаты комментариев самой Эмили Уикстед, дизайнера «Живанши» Клэр Келлер, а также рядовых пользователей социальных сетей. Косвенно проясняется причина закрытия аккаунта новозеландского дизайнера – заявление Уикстед вызвало большое количество негативных комментариев в социальных сетях и она по всей видимости вынуждена была закрыть его сама. Автор статьи приводит два комментария поклонников Меган Маркл: "Call me petty but after this I hope that Meghan never wears Emilia Wickstead again. Rude!" [3] / *Может, это мелко с моей стороны, но после этого я надеюсь, что Меган никогда больше не наденет ничего от Эмили Уикстед. Как грубо!* и "Emilia Wickstead has a lot of nerve talking rudely about the Duchess Of Sussex's wedding dress!" [3] / *Какая наглость со стороны Эмили Уикстед так грубо отзываться о свадебном платье герцогини Сассекской!* В комментариях противопоставляется возмущение «грубостью» и «наглостью» Уикстед (*Rude! Has a lot of nerve; talking rudely*) и почтение/ одобрение Меган Маркл (*Meghan/ интимное обращение, призванное показать близость к субъекту; the Duchess of Sussex*). Напрямую причина приостановки работы аккаунта не сообщается.

Первая цитата из комментария Уикстед предваряется фразовым глаголом *lash out/ негодовать, разразиться бранью*: Ms Wickstead reportedly lashed out last week, claiming: "Her dress is identical to one of our dresses" [3] / *Как сообщают, мисс Уикстед выразила свое негодование на прошлой неделе, заявив: «Ее платье идентично одному из наших платьев».* Далее в тексте ее комментарии предваряются глаголами *to take a dig at/ резко критиковать, оскорблять, нападать, to fume/ негодовать*, которые также способствуют формированию образа эмоциональной, рассерженной и обиженной женщины: She even took a dig at the fit of the bride's dress and Meghan's hair-do [3] / *Она даже раскритиковала фасон платья и прическу Меган; Speaking to the Daily Mail, she fumed... [3] / В интервью изданию «Дейли Мейл» она негодовала...* Эти лексические элементы подтверждают заголовочные импликации об излишней эмоциональности, а следовательно недостоверности заявлений Эмили Уикстед.

Завершается текст несколькими комментариями дизайнера Клэр Келлер. По общей тональности они противоположны ранее приводимым комментариям Эмили Уикстед и, в отличие от них, не сопровождаются оценочными описаниями автора статьи. Келлер выражает восхищение Меган Маркл и подчеркивает собственное стремление сделать ее счастливой в день свадьбы: "I wanted just for her to feel and look amazing [3] / *Я хотела, чтобы именно она чувствовала себя и выглядела потрясающе;* "It was just an important moment to get all of that right and I thought she just looked spectacular [3] / *Было очень важно в тот момент сделать все как надо, и по-моему, она выглядела ослепительно;* "She was just glowing. There's so much emotion on a day like that anyway [3] / *Она просто светила. В такой день всегда столько эмоций;* "But I think particularly when it all comes together, I think it is tremendous. She was absolutely radiant [3] / *Но я думаю, особенно сейчас, что оно прекрасно. Она была просто ослепительна"* .

Итак, в проанализированном заголовочном комплексе было выделено три смысловых плана, один из которых на данном уровне является основным. Он функционирует на смысловом уровне, формируя новый, сенсационный смысл известного фонового события (свадьба в королевской семье) и выступая в качестве механизма реализации функции привлечения внимания, которая в данном тексте представляется ключевой. Третий смысл противоречит первому и второму и реализуется в первую очередь на лексическом уровне.

Интересно, что на текстовом уровне эксплицитно реализуется именно этот смысловой элемент (недоверие приводимого в заголовке заявления), в то время, как основной смысловой элемент заголовка (предполагаемое закрытие аккаунта Эмилии Уикстед королевской семьей) отходит на второй план и напрямую так и не разъясняется. Также интересно отметить, что при полном раскрытии причины приостановки аккаунта смысл текста претерпевает семантические изменения за счет того, что в этом случае в нем реализуется первый и основной текст заголовка – по сути, Эмилия Уикстед закрыла свой аккаунт по причине травли со стороны поклонников британской королевской семьи.

Список литературы

1. *Смирнова Е.А.* Функции газетного заголовка (на примере англо-американской прессы) // Материалы IX Международной научно-практической конференции «Личность – Слово – Социум», Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова. Минск, 29-30 апреля 2009г. Секция 5 «СМИ и медиакультура» – Минск: Изд-во «Паркус плюс», 2009. – С. 33.
2. *Chandler M.* Designer's Twitter account suspended after claiming Meghan Markle's wedding dress was 'identical' to one of hers // *Mirror*, May 27th 2018. Режим доступа: <https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/designers-twitter-account-suspended-after-12608145>

10.02.04

¹Н.Г. Хилалова канд. филол. наук, ²П.В. Янькова канд. филол. наук

¹ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
Педагогический институт,
гуманитарно-эстетический факультет,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Иркутск, hilal@list.ru,

²ФГБОУ ВО «Иркутский научно-исследовательский технический университет»,
институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
кафедра иностранных языков для технических специальностей №1,
Иркутск, Pauline157@ya.ru

СЕМИОТИКА КОМИЧЕСКОГО В АМЕРИКАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особые лингвистические знаки – анекдоты, способные к многочисленным воспроизведениям и поддерживающие корпоративный дух студентов университета А&М города Колледж Стейшен (Техас). Анализ анекдотов позволяет раскрыть особенности отношений как внутриуниверситетских, так и с вузами других городов, а также традиции и идеологию Техасского А&М университета.

Ключевые слова: *американский университетский дискурс, анекдот, идеология, вопросно-ответные единства, традиции.*

Университетский дискурс широко изучался ранее и продолжает интересовать ученых всего мира. Анализу подвергаются: сама учебная деятельность, участники дискурса в их иерархических отношениях, их модели поведения, коммуникативные стратегии современного университета, концептосфера университетской среды и другие проблемы [см. об этом: 1; 2; 3; 6]. Ранее мы обращались к изучению так называемой рекреационной деятельности, организуемой в рамках университетского дискурсивного пространства кампуса А&М Колледж Стейшен. Эта деятельность направлена на поддержание идеологии вуза и, как следствие – корпоративного духа его учащихся - Aggies [сравните: 4]. Важное значение в поддержании Aggie-идеологии и в создании имиджа неповторимого университета имеют особые лингвистические знаки, способные к регистрации и воспроизведению – анекдоты. Aggie Jokes различны по своей структуре, и ниже мы рассмотрим основные типы данных шуток с целью анализа комического в пространстве американского университетского дискурса и выявления его лингво-культурной специфики.

Первая, самая объемная группа – это an Aggie Joke. Речь идет об одном Aggie, с которым происходят глупые истории. Их большая часть строится посредством вопроса, обращенного к читателю по схеме «Did you hear about an Aggie who...?» или: «Did you hear what happened with an Aggie who ...?». В данных шутках нередко появляется эллиптическая форма вопроса, связанная союзом с предыдущими вопросами: «And an Aggie who?». Например: *Did you hear about the Japanese Aggie who on December 7, 1941, attacked Pearle Bailey?* Как правило, данные вопросы не требуют ответа, так как неожиданный иронический эффект содержится уже в самом вопросе. Социальные роли, которые исполняет Aggie, могут быть различные, но чаще всего объектом для шуток становятся the Aggie-soldier, an Aggie maths-student /an Aggie maths major и the Aggie-farmer.

Следующий тип анекдотов можно обозначить как an Aggie and - Jokes, где кроме Aggie есть еще второй участник. Как правило, это небольшие ситуации: an Aggie and a doctor / a professor / a preacher / a couch, где наиболее распространенным местом является больница и ситуация осмотра пациента, а также футбольные тренировки.

Многочисленный тип анекдотов – это some Aggies Jokes, где немаловажную роль играют количественные числительные, усиливающие иллюкутивную силу шуток посредством гиперболизации количества участников. Как правило, в данных анекдотах некоторое большое количество студентов пытаются делать бессмысленные вещи, при этом желаемое по сложности выполнение не соответствует указанному количеству участников. Например: *Five Aggies were trying to measure a telephone pole...; As four Aggies...; Two Aggie astronauts* Основную часть шуток в данной группе составляют анекдоты, построенные на основе Why-вопроса, содержащего гиперболизированную количественную оценку. Данная оценка намеренно внесена в пресуппозиционный фон высказывания как знакомое и представляется известным фактом: *Why does it take 3 Aggies to change a light bulb? Why does it take five Aggies to pop popcorn? Why does it take 2368 Aggies to paint a house?* [7].

Следующая группа анекдотов – three People Jokes. Это тип анекдота, свойственный русскому юмористическому дискурсу, где в троице участников русский всегда оказывается самым находчивым. Здесь анекдоты строятся по схеме: Aggie – самый глупый. Данные анекдоты начинаются с указания участников, как правило, это студенты конкурирующих вузов: A&M, S.M.U. (Southern Methodist University, Dallas), U.T. (University of Texas, Austin): *The T-Sipper, a Mustang and the Aggie...; An Aggie, a S.M.U. student and a Texas Tech student...; An Aggie, a T-Sipper and a Sooner ...*, где Sooner – это студент университета штата Оклахома, а T-Sipper – студент из Остина. Интересную часть анекдотов составляют анекдоты группы «an Aggie and a T-Sipper», где конкуренция и исторически сложившаяся ситуация соревновательности между университетами Колледж-Стейшена и Остина получает свое наиболее яркое выражение. Эти анекдоты могут форму небольшого нарратива, где изображается ситуации встречи двух участников, из которой студент Остина выходит победителем во всех смыслах (спортивный, интеллектуальный); также это диалоги с маркированными ролями: T-Sipper и Aggie, где первый всегда имеет прерогативу задавать вопрос, чаще энциклопедического характера, спрашивая о повсеместно известных фактах, на который Aggie отвечает неверно, демонстрируя свою глупость. При этом переход в область комического осуществляется в ответе через эффект обманутого ожидания, когда совершенно непредсказуемым оказывается трактовка слов собеседника, а соответственно и вся реактивная реплика Aggie становится бессмысленной: *- What do you think of marijuana? – It's one of the worst border towns I've ever seen // - What do you think about the international crisis? – It's unquestionable the best model they ever made.*

Еще одну группу анекдотов мы обозначили как Why-Jokes. Сюда относятся анекдоты, которые содержат и другие вопросительные слова (What, How many, How), но преобладающая часть имеет в препозиции вопросительное слово «Why». Данные шутки имеют форму вопросно-ответных единств, где в вопросе, как правило, заложена комическая ситуация, детерминирующая ожидание неожиданной смешной развязки: *- Why did the Aggie get rid of his freezer? // - How many Aggies programmers does it take to change a light bulb? // - How do you know when you are near College Station?* Многие анекдоты имеют локализирующий характер, то есть в фокус внимания помещается место действия (College Station, A&M, Aggieland) как средоточие глупости и примитивности: *- How do you know you are near College Station? – When you honk your horn, all the sheep back up to the fence* (высмеивается близость к земле, аграрная составляющая университета) // *Texas A&M discontinued its driver education program. The mule died* (критикуется примитивность обучения).

Интересно отметить, что только в небольшом количестве анекдотов есть прилагательные, в основном значении которых содержится негативный, оскорбительный признак (dumb, slow, narrow minded, stupid). Нередко их значение усиливается интенсификаторами (so, such as). Во многих анекдотах получают свое отражение и традиции A&M. Так, например, большое количество шуток про Aggie-soldiers имеет своей причиной богатое милитаристское прошлое университета. Большое количество анекдотов, участниками которых становятся тренер и игроки (coach; football players; team; the Aggie football player) отсылают к одному из любимых занятий Aggies – к футболу. Такое значительное количество анекдотов с

различным формальным и содержательным планом свидетельствует о том большом интересе, который вызывает университет А&М у других вузов. Анекдоты, предположительно слагаемые другими вузами как противниками А&М, высмеивающие Aggie и Aggieland, и печатающиеся с 1965 года в различных изданиях, являются свидетельством уникальности Aggie-культуры и ее стойкости. Многочисленные карикатурные изображения Aggies и огромное количество напечатанных шуток и анекдотов (более 1000) говорят о том, что данный вуз и данная культура представляют богатый и исторически сложенный объект для обсуждения и творческих манипуляций [5], [8].

Список литературы

1. Бурмакина Н.Г. Академический дискурс в теории институциональных дискурсов: <http://study-english.info/article051> (дата обращения: 21.02.2019).
2. Кириллова И.К. Лингвосемиотика англоязычного университетского дискурса. – Волгоград, 2010. – 200 с.: <http://www.dissercat.com/content/lingvosemiotika-angloyazychnogo-universitetskogo-diskursa> (дата обращения: 10.02.2019).
3. Максимов В.В. Концептуальное ядро университетского университета: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnoe-yadro-universitetskogo-diskursa>. (дата обращения: 2.03.2019).
4. Хилалова Н. Г. Семиотика корпоративного духа в американском университетском дискурсивном пространстве // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. №4 (46). – С. 196-200.
5. Jacobs H. The Pride of Aggieland. – New York.: Silver Lining Books, 2002. – 205 p.
6. Rodney J. Discourse Analysis. – New York.: Routledge. – New York, 2012. – 229 p.
7. Texas A&M Rated “Happiest Campus” in the Nation: <https://today.tamu.edu/2014/01/03/texas-am-rated-happiest-campus-in-the-nation> (дата обращения: 21.04.2016).
8. The best of Aggie Jokes. – Dallas.: GIGEM PRESS, 1988. – 173 p.

10.02.04

¹Л.Г. Юсупова канд. педагог. наук, ²С.А. Песина д-р филол. наук, д-р филос. наук

¹Уральский государственный горный университет,
кафедра иностранных языков и деловой коммуникации,
Екатеринбург, lyalyax@bk.ru,

²Магнитогорский государственный технический университет,
кафедра английского языка,
Магнитогорск, spesina@bk.ru

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕКСИКИ КАТЕГОРИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В рамках данной статьи предпринята попытка представить перечень лексических средств, маркирующих категорию неопределенности в английском и русском языках. Результаты проведенного исследования, а также представленный иллюстративный материал, рассматриваются как доказательство тенденции к усилению частотности использования языковых единиц категории неопределенности в процессе коммуникации с целью достижения необходимого прагматического эффекта.

Ключевые слова: *маркеры категории неопределенности, когнитивная категория, когнитивный прототип, аппроксиматор, дискурс.*

Изучение категории неопределенности в языкознании осуществляется с позиций разных подходов. В отечественной лингвистике категория определенности-неопределенности связывается, прежде всего, с местоименными категориями, в германских языках основным средством выражения данной категории является артикль. В прагматике неопределенность рассматривается в качестве одного из средств достижения перлокутивного эффекта того или иного высказывания.

Следует отметить, что авторы не сходятся во мнении и относительно названия семантических единиц, принадлежащих категории неопределенности. В анализе англоязычного дискурса данное явление известно как *vague expressions/tagging/general extenders/list completers / language, or linguistic, vagueness / set marking tags / utterance final/terminal tags / vague word clusters*. Причина подобного терминологического разнообразия кроется в функциональной многоаспектности данной категории слов. Кроме того, как ни странно, именно наличие у говорящего и слушающего общего фонда знаний о мире делает возможным употребление неопределенных именных групп, поскольку их референты (или возможные референты) домысливаются слушающим, если он понимает, к какой категории они относятся [Песина, 2015; Назарова и др., 2016]. Несомненно, некоторая семантическая неточность, нечеткость и размытость присущи не только категории, исследуемой в рамках данной статьи, но и лексическому значению в целом, семантика которого имеет «сборный», кластерный характер [Pesina et al., 2015b].

Приведем классификацию, в которой искомые лексемы объединены по принципу типа союзной связи и начнем с небольшой, но наиболее частотной группы, состоящей, главным образом, из двухкомпонентных выражений, используемых в академической речи. Назовем эти единицы **«Группа лексических маркеров категории неопределенности с разделительным союзом»** (*or-expressions*): *or whatever, or anything, or something (like that)*:

Buy one and get ten free or whatever.

Аналогичная двухместная модель маркеров категории неопределенности общего характера содержит соединительный союз (*and-expressions*): *and so on (and so forth), and everything, and that sort of thing, and something of that nature*:

But er yeah. Have you done anything on the intentionalist fallacy and the effective fallacy and that sort of thing?

Before we go on to the third lecture where we talk about the liver and pancreas and so on...

Другая классификация данных устойчивых выражений основывается на их функциональных особенностях. Она включает:

1) **маркеры категории неопределенности, завершающие список или перечисление** (*vague tagging*). Подавляющее число слов и словосочетаний этой и следующей группы относится к разговорной лексике и сленгу: *and things (like that), and all the rest of it, and all that sort of thing, etcetera/etc./et cetera, and/or something (like that), and something of that nature, and so on and so forth, or anything, or so, and/or stuff (like this/that), or what/where/whoever, and everything (like that/else), and that kind of thing, and that (sort/kind/type of thing, lot*. Наречия или вводные слова *like, kind of, sort of*, получившие в англоязычной лингвистической литературе наименование *hedges*, Н.Д.Арутюнова именует «модальными операторами». В англо-русских лингвистическом и семиотическом словарях подобные слова-маркеры категории неопределенности определяются как *слова-ограничители* и трактуются как «лексические единицы, размывающие границы экстенционального» и причисляются к классу аппроксиматоров. Основным аргументом для подобного решения является способность подобных языковых средств осуществлять семантическую коррекцию, внося в семантику модальный окрас приблизительности:

He's very smart but he's also kind of young and naive and quiet and sort of shy.

2) **Маркеры категории неопределенности, являющиеся словами-заменителями или словами-заполнителями** (*placeholders, fillers, or dummy nouns*): *whatshisname, thingy/thing ie, what is it, thingamajig, thingy bob, thing ummy bob, thingummy*.

3) в третью группу можно включить то, что некоторые исследователи называют **аппроксиматоры** (*approximants*). Они определяются как разноуровневые языковые средства, функционирующие в области качественных и количественных взаимоотношений и характеризующиеся наличием семантического компонента «аппроксимативность» [Карасик, 2011; Адамович, 2011]: *almost, about, around* и др. В.И. Карасик называет их «специальными знаками приблизительности». Сюда же относятся слова, имеющие следующие суффиксы и постпозитивы *-ish, -odd, -something, -anything*:

There were sixty or so people there. We'll see you at seven or thereabouts. It's half two-ish.

В эту же группу аппроксиматоров входят собирательные существительные: *heaps of loads of, oodles of*, и т.п. и местоимения-квантификаторы: *some, lots of, several* и др.:

The computer caused loads of problems.

Ряд исследователей отдельно выделяют группу так называемых **слов общего характера, завершающих перечисление** (**generalized list completers**), которая является довольно представительной и довольно частотной в устном и письменном дискурсе:

and/or something, something/anything (like that), and/or stuff (like that), or what, or whatnot, and all, and everything, and crap:

I left all the foils and equipments and stuff on the goddam subway. [Salinger, 2011].

They did not have a maid or anything, and they always opened the door themselves. [Salinger, 2011]

It is a pretty good book and all. [Salinger, 2011]

В целом, неопределенные именные группы сигнализируют о том, что слушающему предлагается интерпретировать приведенные элементы как типичный иллюстративный материал базового уровня, который отсылает к более высокому – суперординатному – уровню соответствующей когнитивной категории. Функция приведенных тематически близких слов заключается в том, чтобы очертить соответствующий суперординатный уровень (категорию в терминологии Э.Раш). Таким образом, воспринимающее сознание посредством элементов соответствующей категории неопределенности побуждается к домысливанию, к собственному выбору в пределах данной категории.

Как правило, говорящий психологически точно выбирает когнитивный прототип категории, с тем, чтобы наверняка обеспечить понимание того, о какой конкретно категории идет речь: перечисление менее типичных или маргинальных членов категории может

затруднить понимание. Например, всем известно, что вопрос *Would you like a drink?* отсылает слушающего, прежде всего, к категории спиртных напитков. Поэтому, в следующем примере, говорящий, зная, что его спутник предпочитает безалкогольные напитки, безошибочно выбирает один из центральных представителей категории безалкогольных напитков – апельсиновый сок, который бесспорно является прототипом данной категории.

- *Would you like a drink - an orange juice or something?* [Channell, 1994].

Ниже приведены наиболее частотные из анализируемых единиц: *or something (like that); or whatever and whenever; etc. / etcetera/ et cetera; (and) (all) that/those sort(s)/type(s) /kind of thing; (or) anything (like that); (and) stuff (like that); and that; and so on; and this, that and the other; and things like that; and so forth; and all that sort/kind of stuff; and everything (else); and things; and all that; and stuff; and so on.*

В отечественном языкознании лексические единицы категории неопределенности получили название «неопределенные именные группы». Соответственно, в русском языке данным маркерам категории неопределенности могут соответствовать следующие единицы: *типа/(на)вроде (того), и все такое (прочее), в этом духе/роде, и так далее/тому подобное, по типу того, и бла-бла-бла.*

Представим далее возможный перечень функций, которые могут выполнять в речи исследуемые нами лексические элементы:

1. они могут выступать маркерами общей неопределенности, когда предмет разговора не требует точных формулировок (в том числе может быть выбран говорящим преднамеренно для достижения нужного перлукотивного эффекта или поддержания необходимого климата общения);

2. говорящий отсылает адресата к известному знанию или информации, таким образом, слова категории неопределенности выступают в качестве связующего звена между старой и новой информацией/знанием;

3. слова категории неопределенности отсылают к другим членам конкретной когнитивной категории, у которой может быть открытый трудно исчислимый до конца перечень элементов, т.е. выступать субститутотом неопределенного числа чего-либо;

4. говорящие пытаются уйти от прямых ответов или скрыть свою точку зрения; в языке может отсутствовать требуемое слово или говорящий не знает его; говорящий не имеет точного ответа на вопрос;

5. говорящий экономит время, свои речевые и когнитивные усилия; коммуниканты пытаются сократить разделяющую их коммуникативную/психологическую дистанцию;

6. говорящие фокусируются на важной информации, оставляя без внимания детали, которые считают неважными; говорящий не уверен или ему не интересна обсуждаемая тема;

7. говорящий использует технику хеджирования.

Итак, исследуемые в рамках данной статьи лексические маркеры категории неопределенности выполняют важнейшие функции в процессе коммуникации, например, свидетельствуя о наличии общих интересов и способности к взаимопониманию [Pesina et al., 2015a; Pesina et al., 2015b]. Данные лексические средства обладают способностью экономить время, сокращая дистанцию к взаимопониманию и реализуя принцип речевой экономии, могут выступать в качестве своеобразного механизма защиты, маркируя неуверенность и сомнение.

Список литературы

1. *Адамович С. В.*, 2011. Семантическая категория аппроксимации и система средств ее выражения. Гродно : ГрГУ. 183 с.
2. *Карасик В. И.*, 2011. Интерпретативные модусы общения // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер.: Филология. Социальные коммуникации. Т. 24 (63). № 1. Ч. 1. С. 255–262.
3. *Мартынова И. А.*, 2016. Лексические маркеры неопределенности в разговорном англоязычном дискурсе // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 30–34.
4. *Назарова О. Л., Песина С. А.*, 2016. Социальный характер языка как совокупность коллективных типизированных знаковых ситуаций // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3. С. 134–140. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-3-134-140.
5. *Песина С. А.*, 2015. Инвариант многозначного слова в феноменологии // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. С. 120–127.
6. *Песина С. А., Зимарева О. Л.*, 2017. Семантический анализ и репрезентация значений в структуре многозначных слов // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (50). С. 146–154.
7. *Galsworthy J.*, 1994. *The Man of Property*. Hertfordshire : Wordsworth Editions. 293 p.
8. *Lakoff G.*, 1972. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *CLS*. Vol. 8. P. 183–228.
9. *Pesina S., Latushkina O.*, 2015. Polysemy and Cognition // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 192. № 24. P. 486–490.
10. *Pesina S., Solonchak T.*, 2015. Word Functioning in Communication Process // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 192. № 24. P. 346–351.
11. *Pesina S., Yusupova L.*, 2015. Words Functioning in Lexicon // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 192. № 24. P. 38–43.
12. *Salinger J. D.*, 2011. *The Catcher in the rye*. СПб. :

10.02.04

¹Л.Г. Юсупова канд. педагог. наук, ²С.А. Песина д-р филол. наук, д-р филос. наук

¹Уральский государственный горный университет,
кафедра иностранных языков и деловой коммуникации,
Екатеринбург, lyalyax@bk.ru,

²Магнитогорский государственный технический университет,
кафедра английского языка,
Магнитогорск, spesina@bk.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА

В статье представлено обоснование гипотезы о том, что в процессе формирования лексической компетенции у студентов языковое сознание обучающегося не обращается сразу ко всему объему словарного значения, как это принято в общепринятых семантических описаниях, достаточна активация только самых общих необходимых для понимания речевого контекста семантических компонентов. Делается предположение о том, что за семантической структурой многозначного слова в языковом сознании стоит вариативный семантический кластер как совокупность ядерных наиболее устойчивых и частотных семантических признаков.

Ключевые слова: *семантическая структура, коммуникативный компетенция, лексические навыки, семантический кластер, лексическое значение, словарный запас, семантика, когнитивная лингвистика.*

В современной теории и методике преподавания иностранных языков и культур общепризнанным считается тот факт, что именно лексическая компетенция является первостепенным условием освоения других компонентов лингвистической компетенции, а для ее формирования требуется целенаправленная работа в процессе организации обучения иностранным языкам в университете [14, С.102]. На базисном уровне иноязычная речемыслительная деятельность студентов осуществляется в виде сформированных в процессе обучения ассоциативных семантических связей, компактных схем, гештальтов, лексических категорий, концептов, фреймов, семантических сетей и т.п., что позволяет им в условиях коммуникативного цейтнота успешно декодировать получаемую ими в ходе иноязычного общения информацию.

Мы считаем, что в процессе обучения лексике опора при декодировании переносных значений многозначных слов на первое номинативно-непроизводное значение не всегда приводит к адекватному толкованию и дальнейшему усвоению контекстуально связанных значений. В процессе иноязычного общения неизбежно возникает необходимость решать проблемы восприятия, запоминания и оперирования многозначными словами, число значений которых достигает зачастую нескольких десятков (например, широкозначные слова *tomake, to do, to put, to take, athing, a head* и пр.).

Именно по причине того, что в процессе понимания иноязычной речи вначале актуализируются не все стоящие за значением семантические компоненты (отраженные в словарных дефинициях), а только самые базовые, частотные, к которым в сознании всегда наличествует самый быстрый доступ и ведут самые устойчивые нейронные связи, значение слова с полным основанием можно трактовать как неустойчивое, зыбкое, нежесткое, контекстное. Следовательно, для того, чтобы эффективно строить процесс обучения лексике, необходимо понимать, что значение – это не что-то незыблемое и прочно закрепленное за какой-либо формой, а подвижный *семантический кластер*, включающий конфигурацию необходимых семантических компонентов, формируемый в сознании носителя языка исходя из особенностей окружающего контекста [11; 14; 15].

Выдающийся Российский исследователь А.Р. Лурия писал, что за каждым словом стоит множество связей [3, с. 31-39], которые формируют семантическую структуру слова, включающую не только совокупность тех или иных признаков, позволяющих дифференцировать лексему на уровне обыденного сознания, но и опыт человека, полученный им в процессе взаимодействия с окружающей действительностью.

Формирование семантической структуры начинается у носителя языка в раннем детстве, когда у него формируется «предметная отнесенность», позволяющая ему распознавать получаемые им образы, одновременно формируя некое усредненное представление о предмете. В данном процессе участвует заложенный механизм членения образа на составляющие компоненты, которые подобно мозаике собираются в единый образ по мере необходимости и который нужно конструировать в процессе обучения иностранному языку.

В процессе кодирования зрительных впечатлений речевая система принимает непосредственное участие и «зрительное восприятие настолько может сблизиться с наглядным мышлением, что часто очень сложно провести различие между ними» [4, с. 12]. Л.С. Выготский писал, что «всякое значение слова... представляет собой обобщение <...>. В тот момент, когда ребенок впервые усвоил новое слово, развитие слова не закончилось, оно только началось; оно является вначале обобщением самого элементарного типа и только по мере своего развития переходит от обобщения элементарного типа к все высшим типам обобщения, завершая этот процесс образованием подлинных и настоящих понятий» [5, с. 470-472]. В норме зрительный образ – яркий, приближающийся к эйдетическому у одних людей и размытый у других – легко вызывается простым словесным обозначением соответствующего предмета.

По мере пополнения словарного запаса в процессе обучения возникает необходимость в категоризации и кластеризации полученных семантических признаков для быстрого доступа к ключевым узлам семантической сети. Чем чаще встречается семантический признак, тем большим количеством связей он обрастает, тем более выгодное положение он получает наряду с остальными признаками. В дальнейшем такой признак становится инвариантным и способен удерживать вокруг себя группу признаков, формируя отдельный кластер [6, с. 4; 7, с. 765].

Подобная кластерная организация существует на языковом уровне, позволяя в кратчайшие сроки провести анализ существующих данных и найти связи между значениями [8, с. 587-592; 9, с. 340].

Осуществляемое нами исследование на стыке методологии обучения иностранным языкам и биолингвистики позволяет утверждать, что кластерная организация семантики слова напоминает нейронную сеть, а связи между семантическими признаками соответствуют синоптическим связям между нейронами в мозге человека. Другими словами, каждый нейрон заключает в себе определенный признак, полученный в ходе опыта взаимодействия с окружающей действительностью [10, с. 346-351; 11, с. 481-485].

Процесс обучения говорению студентов-бакалавров лингвистического направления в методическом плане особенно на начальном этапе осуществляется с использованием визуальных образов, активизирующих и правое полушарие, отвечающее за образное мышление. Подобно каркасу визуальный образ, усвоенный в детстве, служит основой для формирования

Чем чаще встречается семантический признак, тем большим количеством связей он обрастает, тем более выгодное положение он получает наряду с остальными признаками. В дальнейшем такой признак становится инвариантным и способен удерживать вокруг себя группу признаков, формируя отдельный кластер [1; 4].

Итак, если в сознании обучаемого значение слова представляет собой совокупность идентифицирующих и функциональных признаков, относящихся к определенному кластеру, процесс восприятия и анализа такого семантического кластера многозначного слова происходит автоматически и обучающийся не успевает осознать связи, которые были отброшены или приняты к обработке. [2; 5].

Осуществляемое нами исследование на стыке методологии обучения иностранным языкам и биолингвистики позволяет утверждать, что кластерная организация семантики слова напоминает нейронную сеть, а связи между семантическими признаками соответствуют синоптическим связям между нейронами в мозге человека.

Процесс обучения, особенно на начальном этапе, осуществляется с использованием визуальных образов, активизирующих правое полушарие, отвечающее за образное мышление. Подобно каркасу визуальный образ, усвоенный в детстве, служит основой для формирования семантической структуры слова.

Представленная в толковых словарях семантическая структура многозначного слова не отражает связей внутри слова. Ключ к пониманию данных связей лежит в основе метафорических значений, которые формируются за счет базовых семантических компонентов, наращивающих кластеры признаков[3; 6].

Кластерная организация семантической структуры многозначного слова объясняет одновременное оперирование человеком как отдельными семантическими компонентами, так и значениями многозначного слова. В данном случае удачным является аналогия человеческого мозга с компьютерной системой.

Так, при осмыслении метафоры «голова кометы», многозначного слова «голова», сознание автоматически обращается к семантическим компонентам главного значения (верхняя часть тела человека, состоящая из черепной коробки и лица). В соответствии предполагаемым семантическим инвариантным кластером, сформированным по мере актуализации всей структуры этого полисеманта (*верхняя, передняя, ведущая и важная часть какого-либо объекта*), и принципом языковой экономии сознание осуществляет векторную в семантическом понимании (и синоптическую в физиологическом понимании) связь между самыми общими частотными инвариантными компонентами – передняя, главная, движущая часть кометы. В случае, если декодирования значения не происходит, происходит обращение ко всему кластеру значения и, далее, к субъективным семам.

По причине того, что вначале актуализируются не все семантические компоненты, а только инвариантные, к которым в сознании всегда наличествует самый быстрый доступ и ведут самые устойчивые нейронные связи, значение слова с полным основанием можно трактовать как неустойчивое, зыбкое, нежесткое, контекстное, но опирающееся на минимум идентифицирующих семантических признаков [7; 8; 16].

В целом, представленное в данной статье многоаспектное и максимально полное исследование семантических структур многозначных слов позволяет глубже понять то, как происходит восприятие и усвоение значений в процессе обучения, каким образом устроена и функционирует память человека, его сознание, каким образом мы понимаем друг друга, используя переносные контекстуальные значения.

Список литературы

1. *Песина С.А.* Инвариантность в когнитивной лингвистике и философии языка // Учебное пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2014.
2. *Песина С.А.* Когнитивные механизмы профилирования профессионального знания: формирование понятий // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск : ЧелГУ Выпуск 57 : Филология и искусствоведение №24 (239), 2011. – С. 43-45.
3. *Песина С.А.* Лексический прототип в семантической структуре слова // Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук, Санкт-Петербургский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург, 1998.
4. *Песина С.А.* Структурирование концепта и концептуальное ядро // EuropeanSocialScienceJournal («Европейский журнал социальных наук»). – Рига – Москва. – 2011. – С. 24–31.
5. *Песина С.А.* Философия языка // Учебное пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2014.
6. *Песина С.А.* Язык как объект исследования в феноменологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Философия. 2013. № 2 (10). – С. 98 – 108.
7. *Песина С.А., Карамалак, О.А.* Прототипический подход как попытка решения проблем многозначности при переводе // Научная жизнь. Научно-образовательный журнал. – М : Наука, 2006. – Вып. III. – С. 152-156.
8. *Песина С.А., Латушкина, О.Л.* Лексический инвариант как содержательное ядро полисеманта // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2014. № 1 (038). С. 105-108.
9. *Песина С.А., Юсупова Л. Г., Морозов, Е. А.* Языковая компетенция современного специалиста // Языки, литература и культура в полилингвальном пространстве: Сб. материалов Международной научно-практической конференции. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2013. – С. 68-74.
10. *Песина С.А., Юсупова Л.Г.* Концепт и значение в биокогнитивистике // EuropeanSocialScienceJournal. 2014. №10-1 (50). С. 208-212.
11. *Юсупова Л.Г., Песина С.А.* Антропоцентризм как источник пополнения словарного состава языка // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 4. С. 1083-1089.
12. *Юсупова Л.Г., Песина С.А.* Взаимодействие когнитивных и языковых структур сквозь призму воплощения. Казанская наука. №1 2019г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2019. С.104-107.

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

Г.В. Галавова, А.В. Шафикова

Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма,
Казани, galgulwak@mail.ru, shafikovaa@gmail.com

**ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРЫ
В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

В статье рассматривается полиязычное образование в Республике Татарстан, которое является одной из главных стратегий и важнейшим направлением развития Республики Татарстан. Показаны пути, решения, сложности развития языков в стремительно развивающемся современном мире. Предложена образовательная концепция в условиях полиязычной системе образования Татарстана, которая позволит построить образовательные планы на базе трех языков: русского, татарского, английского.

Ключевые слова: *полиязычное образование, языковая среда, языковая ситуация, полинациональный, язык, татарский язык.*

Процессы интеграции и глобализации современного общества способствуют формированию полиэтничного общества. В связи с данными социальными процессами вопросы развития языков, их развитие в условиях поликультурного общества Республики Татарстан в частности, важными задачами являются более глубокое внедрение в практику поликультурного образования, повышение уровня лингвокультурной грамотности населения республики. В осуществлении этой задачи является важным формирование не только билингвального, но и полиязычного образования.

По мере того как мир становится все более культурно усложненным и плюралистическим, растет и важность тем, связанных с межкультурной коммуникацией. Способность общаться, невзирая на культурные барьеры влияет на нашу жизнь не только на работе или в школе, но и дома, в кругу семьи и в игровой обстановке. Теоретики и практики различных специальностей, связанных с языковой проблематикой, работают над усовершенствованием навыков межкультурного общения.

В 20-е годы XX века некоторые учёные-исследователи выявили признаки ограниченного интеллекта, социальной неадаптированности и пониженной успеваемости у детей-билингвов. Однако, более поздние исследования, доказали преимущества билингвизма и о его благотворном влиянии на развитие нейронных связей [9]. Можно найти и исследования, доказывающие, что выпускники-билингвы проще и быстрее находят работу, более склонны к эмпатии и аналитическому мышлению. Одна из областей, где присутствие билингвистического преимущества оказывается наиболее устойчивым, связана не с конкретными умениями или задачами, а с замедлением старения головного мозга [10].

Ученый, лингвист У.Вайнрайха отмечал, что перед билингвизмом стоят следующие задачи: с целью выявления интерференции необходимо описать несколько языковых систем, которые усложняют одновременное владение ими, а также указать в поведении двуязычных индивидов те отклонения от норм каждого из языков, которые связаны с их двуязычием [8].

По мнению профессора КФУ Васильевой В.Н., в сфере обучения иностранным языкам перенос рассматривается в основном как преодоление интерференции, то есть как предотвращение или искоренение отрицательного переноса, а положительный перенос должен пронизывать все виды речевых навыков и умений. Согласно данным теоретическим положениям, авторский коллектив КФУ в составе Васильевой В.Н., Харисовым Ф.Ф., Низамиевой Л.Р., Назаровой Г.И разработал УМК. [4].

В разделе «Vocabulaire et grammaire» (Лексика и грамматика) авторы сгруппировали принцип опоры на родной язык реализуется в использовании франко- русско-татарского словаря. В данном УМК при изучении грамматических явлений используется принцип опоры на родной язык, как на русский, так и на татарский языки. Таким образом, усвоение грамматической структуры других языков становится более эффективным.

Комбинирование речевых умений на английском и французском языках способствует развитию говорения на каждом из данных языков, а также переключению от одного языка к другому, что способствует развитию билингвистических способностей. Нами разработан сценарий занятия «Bienvenue à l'Hôtel de la Paix», где студенты-гости и служащие гостиницы общаются на английском и французском языках в реальных ситуациях гостиничного бизнеса (бронирование гостиницы, прием гостей, бронирование столиков в ресторане) [7].

В Поволжской академии физической культуры, спорта и туризма был проведен опрос среди молодежи, результат которого показал, что подавляющее количество реципиентов хочет изучать и владеть английским языком (84 %). Вторую строчку занимает русский язык, им в совершенстве хочет владеть (62 %) молодежи. Татарский язык же вовсе хотят изучать от 32 до 38 процентов молодежи. По мнению молодежи, отсутствие интереса к родному языку связано с небольшой вероятностью найти престижную работу со знанием татарского языка.

Мы провели анализ языковой ситуации в Татарстане и пришли к выводу, что в республике большая часть населения говорит на русском языке (100% татар владеют русским языком) [1].

Исходя изложенного выдвигаются новые приоритеты в области языкового образования, возникает необходимость в создании новых моделей, способствующих со-изучению языков (русского как государственного, татарского как языка межнационального общения и английского как иностранного). Здесь возникают вопросы к полиязычному образованию в школе и вузе, которая требует пересмотра целей, задач, содержания, системы и моделей языкового образования [6].

Обучение в школах, в средних и высших учебных заведениях Татарстана ведется в основном на русском языке. Однако есть положительный опыт преподавания в гимназиях на татарском и английском языках, являющейся главным фактором внутривнутригосударственной жизни в формировании полиязычного образования.

Нельзя не учитывать, что татарский язык является частью культуры 2,5 млн. татар, проживающих в Татарстане, а также тот факт, что русскоязычное население также проживает на территории Татарстана. Перед республикой полиязычного образования стоит важная задача перехода на новый этап постиндустриального информационного общества. Современная экономическая и политическая ситуация в мире обязывает образованную часть населения знать несколько языков, чтобы быть конкурентно способным в современной социально-экономической ситуации. Исходя из этого интерес к процессу изучения, усвоения и взаимодействия русского, татарского, английского языков будет постоянно расти.

Например, в некоторых языковых учебных заведениях Республики обучение ведется на 3 языках: (русском, татарском, английском). Цель данного образовательного учреждения – повсеместно внедрять полиязычное образование. Эффективной концепцией полиязычного образования, которая предполагает формирование языковой личности в контексте взаимосвязи трех языков, когда история Татарстана, татарский язык и татарская литература преподаются на татарском языке, всемирная история, русский язык и русская литература, физическая культура, музыка, ИЗО, технология на русском языке, математика, физика, биология, химия, география на английском языке. Эти предметы должны между собой взаимодействовать, следовательно, нужно изменить в процессе обучения подходы, методы, технологии обучения. Такая концепция поможет сформировать современную языковую личность в условиях полиэтничного характера глобализации.

По мнению некоторых ученых условиях коммуникативной конкуренции между основными языками формируется евразийская языковая личность [3,5]. В результате данной

конкуренции возникает евразийская языковая личность, владеющая тремя языками и связанная с естественным процессом действенности политики языка в подготовке динамичного и конкурентоспособного специалиста в условиях рыночной экономики. Евразийская языковая личность способна к общению на русском языке в сфере профессиональной и академической деятельности. Карабулатова И.С. выделяет также следующие критерии Евразийской языковой личности: высокообразованность, способность и готовность к созданию и восприятию текстов в устной и письменной форме на родном, государственном, языке межнационального общения и иностранном языке / языках, толерантность к другим культурам детерминация социального и речевого поведения языковой личности культурами тех языковых сообществ, языками которых она владеет. коммуникативная культура этносов, языками которых она владеет, интернациональность Евразийской языковой личности [3].

Поликультурное образование предоставляет возможность людям совершенствовать свои языковые способности, открывать для себя новые ценности, приобщаться к общечеловеческим ценностям через призму культуры татарского народа, расширять свой лингвистический кругозор и развивать коммуникативную культуру.

В настоящее время основным критерием образованности языковой личности является владение двумя языками на разговорном уровне и основными страноведческими знаниями стран носителей языков.

Таким образом, возникает необходимость в развитии новой базовой, образовательной модели в условиях полиязычной системе образования Татарстана. Базовая образовательная планы необходимо строить на базе трех языков: русского, татарского, английского, создавать и внедрять современные интегративные предметы, сущность которых основывается в изучении языкового материала во взаимосвязи языка и культуры, учитывающие особенности языков и культур. Данная образовательная модель предоставляет возможность людям совершенствовать свои языковые способности, открывать для себя новые ценности, приобщаться к общечеловеческим ценностям через призму культуры народа, расширять свой лингвистический кругозор и развивать коммуникативную культуру.

Список литературы

1. *Галавова Г.В., Шафикова А.В.* Спортивное волонтерство как вид деятельности, направленный на формирование толерантной личности в молодежной среде // Проблемы современного педагогического образования. Сборник научных трудов: - Ялта: РИО ГПА, 2018. Вып.58. Ч.1. С.287-28
2. *Галиуллин К.Р., Сабиров Р. А.* Исследование татарской лексики, зафиксированной в русскоязычных текстах // Двужычие: типология и функционирование. - Казань, 1990. С. 99-105.
3. *Карабулатова И.С.* Современная евразийская языковая личность как новая проблема лингвобезопасности в эпоху глобализации и миграции // Национальные приоритеты России. Омск. 2014. С.80-84.
4. *Назарова Г.И., Низамиева Л.Р.* Формирование коммуникативной компетенции обучаемых при создании учебников и учебных пособий по иностранным языкам в условиях полилингвизма. Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/120-15383>.
5. *Теганюк В.В., Шафикова А.В.* Коммуникативный подход к обучению «иностранному языку второму» (французскому) будущих специалистов индустрии гостеприимства // Проблемы современного педагогического образования. Сборник научных трудов: Ялта: РИО ГПА, 2018. Вып.59. Ч.1. С.365-368
6. *Филимонова М.С., Крылов Д.А.* Билингвизм как тенденция языкового развития современного общества // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 1.
7. *Bialystok E., Caik F.I.M* Cognitive and Linguistic Processing in the Bilingual Mind //Current Directions in Psychological Science. March 2010. Vol.19 №1. P.19-23.

10.02.19

¹З.И. Евлоева канд. филол. наук, ²Э.Г. Оздоева канд. филол. наук,
¹П.М. Алиева канд. филол. наук

Ингушский государственный университет,
¹кафедра французского и латинского языков,
²кафедра ингушского языка,
z_evloeva@mail.ru; oeset@mail.ru; pyatimat.alieva@yandex.ru

КОНВЕРСИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ИНГУШСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматривается конверсия во французском и ингушском языках в сопоставительном плане. Авторы выявляют наиболее частотные в художественной литературе типы конверсии. Отмечается, что основными типами конверсии в рассматриваемых языках являются субстантивация, адъективация и адвербиализация. Сделан вывод о том, что во французском языке в количественном отношении субстантивация является самым частотным типом конверсии. В ингушском языке субстантивация глаголов встречается редко, а адъективация достаточно частотный тип конверсии.

Ключевые слова: *конверсия, субстантивация, адъективация, адвербиализация, французский язык, ингушский язык.*

В век информационного общества лингвистика характеризуется двумя ведущими тенденциями: 1) исследуются отдельные языки, определяя их специфические характеристики; 2) актуализируются исследования языков в сопоставительном плане, с целью изучения в типологическом ракурсе языковых универсалий на всех уровнях языка. В последнее время наметилась тенденция исследования французского и ингушского языков в сопоставительном плане. Издан ряд работ, посвященный исследованию лексики и морфологии этих языков в сопоставительном плане [1, 2, 4].

Конверсия, как один из словообразовательных способов, наблюдается во многих языках с разным грамматическим строем. Конверсия является одним из типов семантического словообразования. В данной работе нами впервые предпринята попытка сопоставительного анализа конверсии частей речи в аналитическом по своему грамматическому строю французском языке и в ингушском языке, относящемся к синтетическим языкам.

Материал исследования выделен методом сплошной выборки из произведений французских и ингушских авторов.

Вопросам конверсии посвящены работы многих отечественных и зарубежных лингвистов. В частности Ш. Балли, Ю.С. Степанов, Ф. Доза, В.Г. Гак, Ф.Г. Оздоева, Е.С. Куштова.

Шарль Балли в своих работах именуется конверсию «транспозицией», а В. Г. Гак и Ю.С. Степанов для обозначения понятия «конверсия» используют термин «несобственная деривация» (derivation impropre). Ю.С. Степанов выделяет полную и неполную конверсию, отмечая, что полная конверсия – это когда производное слово получает парадигму новой части речи. Неполная конверсия или синтаксическая характеризуется тем, что производное слово не получая парадигму новой части речи, только в одной или нескольких синтаксических позициях приобретает функциональные характеристики новой части речи.

По мнению В.Г. Гака «во французском языке только глагол имеет выраженную особую морфологическую характеристику. Морфологические показатели прилагательного и существительного совпадают. Исходная форма этих двух частей речи (ед. ч.) не имеет специфических окончаний и может быть легко спутана с наречием. Этим объясняется значительно бóльшая легкость прямой транспозиции (конверсии) одной части речи в другую и бóльшая трудность их разграничения, чем в русском» [3, с. 34].

В ингушском языке конверсия также рассматривается как один из типов семантического словообразования. В своей работе «Словообразование в ингушском языке» Е.С. Куштова отмечает: «Лексико-семантический способ образования новых слов в ингушском языке представляет собой образование новых слов путем возникновения новых значений на базе существующих слов. Так, к примеру, на базе *сайре* «вечер» возникло слово с общественно-политической окраской: *ДомтагIий сайре, вIашагIкхетара сайре...декхар* «долг» от *декхар* «мщение»» [5, с. 170].

Нами выявлен обширный пласт лексических единиц, образованных конверсией в обоих рассматриваемых языках. Анализ примеров конверсии, позволил распределить их на три основные группы, в соответствии с тремя типами конверсии: 1) слова, образованные субстантивацией, 2) слова, образованные адъективацией, 3) слова, образованные адвербиализацией. Рассмотрим каждую из этих групп.

Субстантивация – это переход слова в разряд существительных. Во французском и ингушском языках частотны существительные, образованные от следующих частей речи: а) от глаголов: *dîner* - *le dîner* / ужин, *déjeuner* - *le déjeuner* / обед, *souper* - *le souper* / ужин, *coucher* - *le coucher* / закат, *lever* - *le lever* / восход, *savoir* - *le savoir* / знания, *savoir, faire*, *savoir* - *le savoir-faire* / умение, *marche* - *la marche* / ходьба, *murmure* - *un murmure* / журчание, *sourire* - *un sourire* / улыбка, *être* - *l'être* / существо, *rire* - *le rire* / смех и т.п.

«*On ne répondit pas; Cornudet seul eut un sourire*» [13, с. 20]. / Никто не ответил; только Корнюде улыбнулся (здесь и далее перевод авторов статьи. – Е.З., О. Э., А.П.).

«*On avait faim encore; le souper fut commandé*» [13, с. 29]. / Им все еще хотелось кушать, и они заказали ужин.

«*J'aime bien les couchers de soleil. Allons voir un coucher de soleil...*» [14, с.30]. / Мне очень нравятся закаты солнца. Пойдем смотреть закат солнца... .

«*Et puis voilà qu'un matin, justement à l'heure du lever du soleil, elle s'était montrée*» [14, с.37]. / И потом, однажды утром во время восхода солнца, она показалась.

Существительными могут становиться глагольные сочетания, например, *les on dit* / *слухи*, *le prêt à porter* / *готовое платье*, *le rendez-vous* / *встреча*, *le pourboire* / *чаевые* и т.п.

В ингушском языке переход глаголов в существительное – явление не столь распространенное как во французском языке, но имеющее место быть. Обычно таким способом образуются собственные имена существительные. При таком переходе фонетическое и морфологическое оформление глагола не меняется, правда, пишем мы такие слова уже с прописных букв: *яха* / *живи* - *Яха* (собственное женское имя); *ваха* / *живи* – *Ваха* (собственное мужское имя); *сацйта* / *замолчи* – *Сацита* (женское имя); *йисийта* / *оставь* – *Йисита* (женское имя); *тойита* / *прекрати* – *Тоита* (женское имя).

«*Сацита хIанз мара балха ца еналга а теркалданзар Жабе*» [9, с. 3]. / Жаби не заметил даже, что Сацита только сейчас пришла на работу. «*Массехк минот мара яьннаяцар цар шинне Йисита юхаерзаяьча хана*» [9, с. 7]. / букв. И двух минут не прошло, как они позвали Йиситу обратно.

б) от прилагательных: *paresseux* – *le paresseux*, *jeune* – *les jeunes*, *vaniteux* – *le vaniteux*, *militaire* - *le militaire*, *étranger* – *l'étranger*, *long* – *le long*, *bleu* – *le bleu*, *sérieux* – *le sérieux*, *nouveau* – *le nouveau*, *vrai* – *le vrai*, *vieux* – *un vieux*, *le coton* – *(de) cotton*, *capital(e)* – *le capital*, *la capital*, *prussien* – *le Prussien*, *gris* – *le gris*, *scientifique* – *le scientifique*, *цIеяр*, *топпараяр*, *тишаяр* и т.п.

«*Le Prussien n'entendit que ce seul mot «prisonnier», et il gémit: «ya, ya, ya»* [13, с. 104]. / Пруссак понял только одно слово «пленник» и простонал «да, да, да!»

«*Le gros militaire qui s'essuyait le front vociféra: «Victoire!»* [13, с.104]. / Толстый военный, вытирая лоб, закричал: «Победа!»

«*Un conseil de guerre ayant été aussitôt constitué en plein air, devant la ferme, le vieux fut amené*» [13, с. 109]. / Военный совет собрался на улице, перед фермой, привели старика.

«*Ces flocons légers qu'un voyageur, Rouennais pur sang, avait comparés à une pluie de coton, ne tombaient plus*» [13, с. 12]. / Эти легкие снежинки, которые истинный руанец сравнил с дождем из хлопка, перестали падать.

«*J'ai connu une planète, habitée par un paresseux*» [13, с. 27]. / Я знал планету, на которой жил один лентяй.

Особый интерес представляет собой субстантивация прилагательных *bon, propre, vrai, faux, nouveau*. Le bon имеет несколько значений: 1) хорошая сторона: *cela a du bon* / в этом есть и хорошее, 2) хороший человек: *il y a des bons et des méchants* / есть и хорошие и злые (люди), *un bon à rien* / никчемный человек. Le propre – неотъемлемое качество, особенность. Un faux – подделка, предлог, фальшивка. Во французском языке много пословиц и поговорок с данными лексемами.

В ингушском языке многие имена прилагательные субстантивируются при помощи присоединения к основе класснооформленного суффикса «яр»: *цле* / красный (прилаг.) – *цлеяр* / красный (субстант. прил.); *нане* / бабушкин / *нанеяр* / бабушкин; *топпара* / глиняный – *топпараяр* / глиняный; *тиша* / старый – *тишаяр* / старый. Пример:

«*Тишаяр 1о а эцаш, кердаяр т1а а юллаш*» [9, с. 165]. / Снимая старый, кладем новый (шифер).

В ингушском языке высока дискурсивная активность следующих субстантивированных прилагательных:

дика / хороший (прил.) – *дика* / хорошее (сущ.); *во* / плохой (прил.) – *во* / плохое (сущ.):

«*Ший пхьук1оагал баиша Занойга цунах цхъа кепиг ца кхачийта дагахь чоагло йир цо*» [10, с.7]. / Он про себя решил, что из этих денег она не увидит ни копейки.

в) от предлогов: *peser le pour et le contre* / взвесить «за» и «против», *il y a un mais!* / есть одно «но» и т.п.

Такие образования в ингушском языке не наблюдаются, но есть бесчисленное множество послелогов и других служебных слов, образованных от знаменательных, которые довольно подробно рассмотрены профессором Оздоевой Ф.Г. [6].

г) от причастий: *passant – le passant, étudiant – un étudiant, blessé – le blessé, passé – le passé, employé – un employé, participant – le participant, représentant – le représentant, dû – le dû, mise – la mise, prise – la prise* и т.п.

«*Après une lutte acharnée, les Prussiens ont dû battre en retraite, important leurs morts et leurs blessés, qu' on évalue à cinquante hommes hors de combat*» [13, с. 104]. / После ожесточенной битвы пруссаки вынуждены отступить, унося своих убитых и раненых, которых насчитывается до пятидесяти человек.

Адъективация, переход слов в разряд прилагательных, также является одним из продуктивных типов конверсии во французском и ингушском языках. Во французской художественной литературе функционирует большое количество прилагательных, образованных от существительных. Например: *la nature – nature, le rococo – rococo, le pivot – pivot, le miracle – miracle, la vedette – vedette, l'hiver – (d')hiver, le commerce – (de) commerce, la guerre – guerre, la nuit (de) nuit* и т.п.

«*Un conseil de guerre ayant été aussitôt constitué en plein air, devant la ferme, le vieux fut amené*» [13, с. 109]. / Сразу собрался на улице военный совет, перед фермой, привели старика.

«*Le petit réveil posé sur table de nuit en bois clair venait de sonner*» [12, с. 7]. / Только что зазвонил маленький будильник, стоящий на ночном столике из светлого дерева.

«*On se voyait mal dans l'obscurité, et l'entrassement des lourds vêtements d'hiver faisait ressembler tous ces corps à des curés obèses avec leurs longues soutanes*» [13, с.9-10]. / Трудно было разглядеть друг друга в темноте, и эти все фигуры, закутанные в тяжелую зимнюю одежду, напоминали толстых священников в длинных сутанах.

«*Sa femme, grande, forte, résolue, avec la voix haute et la décision rapide, était l'ordre et l'arithmétique de la maison de commerce, qu'il animait par son activité joyeuse*» [13, с. 13]. / Его жена, высокая, сильная, решительная, с громким голосом представляла порядок и точность в их торговом доме, а он оживлял его своей веселой энергией.

При адъективации существительного оно теряет свою предметность. По форме парадигмы слов, перешедших в разряд прилагательного, не имеют различий, но при этом они отличаются, как парадигмы единиц, относящихся к разным классам слов. Продуктивность адъективации в словообразовательной системе французского языка обусловлена, на наш взгляд, особенностью его грамматической системы, заключающейся в сходстве парадигм существительного и прилагательного.

Во французской художественной литературе частотны многие адъективированные существительные. Например, *le sport – sport, l'ami – ami, la rose – rose, l'orange – orange, l'ennemie – ennemie* и т.п.

«*Et il se trouvait ainsi tout seul, en armes, en uniforme, sur le territoire ennemi, loin de ceux qui le pouvaient défendre*». [13, с. 96]. / И так он оказался совсем один, с оружием, в униформе, на вражеской территории, далеко от тех, кто мог его защитить.

В разряд прилагательных перешли следующие причастия: *assis, habillé, consultant, désodorisant, passant, télécommandé, pelotonné, dansant, navré* и т.п.

«*Elle faisait vis-à-vis à son époux, toute petite, toute mignonne, toute jolie, pelotonnée dans ses fourrures, et regardait d'un oeil navré l'intérieur lamentable de la voiture*». [13, с.14]. / Она сидела напротив супруга, маленькая, прелестная, красивая, укутанная в свои меха и смотрела с сокрушительным взглядом убогую внутренность экипажа.

«*Elle actionna la porte télécommandé de son garage, у gara sa vieille automobile*» [12, с. 9]. / Она открыла автоматическую дверь гаража и закатила свою старую машину.

Следующий тип конверсии - адвербиализация, переход слов в разряд наречий. И во французском, и в ингушском языке чаще всего в наречия переходят качественные прилагательные. Нами выявлены следующие прилагательные, перешедшие в разряд наречий: *bas (низкий - тихо, низко), haut (высокий – громкий, высокий), bon (хороший, добрый – хорошо), fort (сильный - сильно), mauvais (плохой - плохо), gros (толстый - много), long (долгий - много), court (короткий - коротко), ferme (твердый, крепкий – твердо, крепко), chair (дорогой - дорого)* и т.п. Во французской литературе функционирует более тридцати адвербиализированных прилагательных.

Что касается ингушского языка, то, по мнению Е.С. Куштовой «качественные имена прилагательные могут переходить в наречия, где в предложении отсутствует определяемое слово, а данная форма, отнесенная к глагольному сказуемому, выступает в качестве обстоятельства» [5, с. 170]. *Марем дика дешархо я* / букв. Марем хорошая ученица. (В данном предложении слово «дика» дано в значении прилагательного-определения) – *ЦIагIа Марема гIо дика ду нанна* / Дома Марем хорошо помогает матери (слово «дика» в значении наречия-обстоятельства образа действия).

«*Дика хила деза-кх совхоза гIулакхаш, радио чу гIолла иштта ювцаш ялу, аьнна хийтар Рашида*» [9, с. 10]. / Наверное, дела совхоза идут хорошо, если про него по радио говорят, подумал Рашид.

«*Хала къаьстар Iаи блаьстии вIашагIа*» [9, с. 3]. / Трудно расстались зима и весна.

«*Аьтта кулг хоза лерттIа дIадийхка пIелгаи а долаи, гимнастерка наькхатIарча аьтта киса уллув леладора*» [11, с.12]. / Правую руку с красиво и аккуратно перевязанными пальцами держал около кармана гимнастерки.

В ингушской литературе функционируют также глаголы, перешедшие в разряд наречий.

«*Къаваллаца мекхаш а леладаь, хIанз сenna доаи уж дIа*» [10, с. 3]. / Зачем сейчас сбривать усы, которые носил до старости.

Таким образом, рассмотрев конверсию существительного, прилагательного и наречия в системах современного французского и ингушского языков в сопоставительном плане, можно сделать следующие выводы. Конверсия – один из продуктивных способов

словообразования во французском и ингушском языках. Основные типы конверсии в обоих рассматриваемых языках являются: субстантивация, адъективация, адвербиализация. Во французском языке в количественном отношении субстантивация самый частотный тип конверсии. В ингушском языке субстантивация глаголов встречается редко, а адъективация достаточно продуктивна. И во французском языке, и в ингушском языке чаще всего в наречия переходят качественные прилагательные.

Список литературы

1. *Алиева П.М., Дудургова Э.М., Оздоева Э.Г.* Локальные предложения во французском, русском и ингушском языках. /Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018 №4 (82).Ч.1., стр. 49-52.
2. *Алиева П.М., Оздоева Э.Г.* Мотивированные термины родства во французском и ингушском языках. / Фундаментальные исследования.2015 № 2. Ч. 20., стр.4552-4555.
3. *Гак В.Г.* О глагольно- именной конверсии во французском языке. // Уч. Зап. ИМО М., 1961. – выпуск 7, - с. 30-45.
4. *Евлоева З.И.* Языковая и концептуальная картина мира во французской, русской и ингушской культурах. / Вопросы германской и романской филологии // Ученые записки. – Вып. 8. – СПб., 2017.
5. *Куштова Е.С.* Словообразование в ингушском языке. – Назрань: ООО «Кеп», 2017. – 192 с.
6. *Оздоева Ф.Г.* Закономерности и способы перехода знаменательных слов в послелого в чеченском и ингушском языках // Структурно-типологические особенности русского и кавказских языков. – Грозный, 1977. СС. 124-134.
7. *Степанов Ю.С.* Синтаксическая конверсия во французском языке. // Уч.Зап. ИМО. 1962. – выпуск 1. – с. 25-28.
8. *Тариева Л.У.* К вопросу о регулярных средствах образования каузативных глаголов в эргативном языке // Язык: история и современность. Нальчик. №1 / 2017. КБГУ. С. 92-111.
9. *Боков А.* Когда растают зима и весна. Роман, повесть, комедия, рассказы. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное из-во, 1984. - 480 с.
10. *Ведзижев А.* Метель в горах Повести и рассказы. - Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1986. - 336 с.
11. *Тимурзиев Б.* Денал. ООО «КЕП», Назрань, 2012. – 256 с.
12. *Marc Levy.* Et si c'était vrai.. Edition Robert Laffont, S.A. 2000. – 252 с.
13. *Maupassant Guy de.* Nouvelle choisies. Москва, «Менеджер»2006. 224 с.
14. *Saint-Exupéry A. de.* Le petit prince. СПб.: Каро, 2012. – 128 с.

10.02.19

¹Н.А. Иванова канд. филол. наук, ²А.В. Сахарова канд. филос. наук

Московский государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков,
¹кафедра романо-германской филологии,
²кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, ivanova0704@yandex.ru, sakharova1984@inbox.ru

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЯЗЫКА КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Цель данной статьи заключается в анализе двух направлений изучения роли языка в процессе формирования языковой личности – лингвоцентризма и антропоцентризма. Рассматривается ряд моделей взаимодействия языка и языковой личности с точки зрения данных направлений, выявляются присущие им познавательно значимые и дискуссионные аспекты.

Ключевые слова: *языковая личность, дискурс, лингвоцентризм, антропоцентризм, социальный конструктивизм.*

Концепт «языковая личность», введенный в научный оборот в трудах Ю.Н. Караулова, получил широкое распространение в языкознании и стал предметом разнообразных междисциплинарных исследований. Вслед за Карауловым языковая личность (далее – ЯЛ) будет пониматься как: «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [3, с. 3].

Освоение индивидом языка как универсального коммуникативного кода – один из фундаментальных процессов, определяющих становление субъектности носителя языка. В науке сложилось большое разнообразие подходов, которые, в целом, могут быть ориентированы по двум направлениям: лингвоцентризм и антропоцентризм.

Идея о том, что именно язык определяет границы ЯЛ, была выражена Л. Витгенштейном в виде следующего высказывания: «И то, что Мир — это мой Мир, обнаруживается в том, что границы речи, единственной речи которую из всех я понимаю, указывают на границы моего Мира» [1, с.182]. Суть лингвоцентризма в рассматриваемом контексте заключается в признании: а) определенной универсальной формулы соотношения языковых фактов с явлениями психическими и психологическими; б) каузальной природы существующих между ними связей.

В рамках лингвоцентрического подхода можно выявить ряд моделей. В *концепции лингвистической относительности* Э.Сепира - Б.Уорфа обосновывается положение о том, что язык – это способ выражения социальных миров разных социальных групп. Согласно ее сильной версии, структура лексики, грамматика – причина наших представлений и мышления, т.е. язык и картина мира тождественны. Следуя этой логике, необходимо признать сосуществование множества реальностей, соответствующих различным языкам, и в итоге прийти к противоречащему действительности выводу о невозможности коммуникации между различными языковыми сообществами. Слабый вариант гипотезы предполагает, что лексика и грамматика влияют на представления.

Верификация этой гипотезы проводилась в рамках исследований, связанных с изучением особенностей формирования языковой личности билингва [9-11]. Так, по данным Chi-yue Chiu, китайско-английские билингвы в Гонконге использовали больше социальных и демографических понятий для описания себя на китайском языке и преимущественно

категории, отсылающие к личным качествам, отношениям, - на английском. Это объяснялось преобладанием коллективистских ценностей в китайском национальном сознании и индивидуалистических – в западном [7].

Однако приведенные тем же автором выводы относительно взаимосвязи некоторых особенностей грамматики ряда языков (например, обязательное или необязательное использование личных местоимений как свидетельство преобладания индивидуалистических/коллективистских ценностей в национальной культуре) представляются несколько поспешными, поскольку требуют более масштабных исследований этой проблемы.

Другая лингвоцентрическая модель соотношения языка и психики субъекта восходит к *структурно-семиотической концепции субъективности* Ж. Лакана. Ее базовый принцип - признание того, что не существует субъекта, независимого от языка. Субъекта отличает способность к речи, т.е. человек – это «говорящий» субъект, констелляция знаковых отношений. Лакан усматривает критерий достоверности бытия субъекта в бессознательном, доступном через анализ языка [4, с. 7].

Вторым важным аспектом понимания природы соотношения языка и субъекта является признание имманентности нашей субъективности языку и, следовательно, невозможности метаязыка. Люди неизбежно представляют себя посредством языка, а все взаимоотношения с другими реально воплощаются только как языковые. В отличие, например, от Ф. де Соссюра, как, впрочем, и других лингвистов, мысливших язык как нечто внешне противостоящее индивиду, Ж. Лакан отношения между языком и субъектом рассматривал как полную погруженность индивида в язык.

Антропоцентристский подход выражен в конструктивистской парадигме, в частности, в *концепции взаимосвязи языка и мышления* Л.С. Выготского. Согласно его теории, язык – это данность, которую индивид застает в раннем онтогенезе. По отношению к отдельному человеку он используется языковым сообществом как средство конструирования социальной реальности и как инструмент воздействия на индивида. Однако объективная предзаданность индивиду знаков языка, образующих определенные структуры, по мере освоения языка его носителем, сочетается с отбором, осуществляемым самим человеком в процессе их интериоризации, т.е. психологического отбора внешних стимулов, осуществляемого в последовательности знак – значение – значимость, т.е. соотнесенность конкретного знака с другими в рамках языковой системы.

Согласно Л.С. Выготскому, в естественном языке слова обладают общепризнанными значениями, но в индивидуальном сознании за ними закрепляются субъективные смыслы. При этом процессы усвоения семантики и материальной стороны слов асинхронны: раньше и быстрее усваивается физическая форма знака, а настройка механизмов адекватной языковой репрезентации более длительна и сложна [2, с. 37]. Основываясь на этих положениях, можно предположить, что усвоение не только слов, но и других лингвистических единиц (фраз, грамматических форм, синтаксических моделей) связано с оформлением их своеобразного внутреннего видения [6, с. 45]. Но данная концепция оставляет за пределами исследования сам процесс взаимодействия носителя языка и языкового сообщества, взятый более широко, чем развитие когнитивной сферы ЯЛ.

Психологическое содержание и особенности функционирования в речевой коммуникации ЯЛ структур языка представляют собой их субъективированные в индивидуальном языковом сознании формы. «Субъективизация, - по мнению Б. Дорэ, – это ... процесс отфильтровывания, сдерживания и отображения того, что в индивиде имеется противоречащего его «самости» или, наоборот, ей соответствующего» [8, с. 135].

Как было показано в ряде социолингвистических исследований по конструированию аттитюдов посредством дискурсивной практики, у испытуемых обнаруживается восприимчивость к определенным смысловым установкам. Например, две группы писали эссе о смертной казни: одна с использованием лексики с негативной коннотацией, другая – позитивной. В результате отношение к смертной казни у участников эксперимента

изменилось в зависимости от того, какую лексику – положительную или отрицательную – им нужно было задействовать в своем эссе. Однако спустя шесть дней, констатировали авторы работы, восстановились прежние установки [11, с. 27]. Как видим, смыслы используемых слов, доступные на уровне лексикона, но не укорененные в персональном опыте ЯЛ, оказались неустойчивыми, не личностными смыслами. Личностный же смысл, пользуясь терминологией А.А. Леонтьева, включает в себя «единство знака, образа и эмоционального отношения» [5, с. 55].

Таким образом, одно из объективных условий формирования языковой личности – это пространство социальной коммуникации, заполненное смыслами. Становление ЯЛ происходит в процессе овладения сферой языковых смыслов, который включает в себя как освоение смысла, так и смыслопорождение.

Список литературы

1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. Избранные произведения. М.: Территория будущего, 2005. – С. 182.
2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. – С. 37.
3. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – С. 3.
4. *Лакан Ж.* Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда. М.: Логос, 1997. – С. 7.
5. *Леонтьев А.А.* Психолингвистический аспект языкового значения / В сб.: Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 55.
6. *Уланович О.И.* Языковое сознание: особенности структуры в условиях двуязычия // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 1 (9). – С. 44-51.
7. *Chi-yue Chiu* Language and Culture//Online Readings in Psychology and Culture. – 2011. – № 4(2). <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1098>.
8. *Doray B.* De la production à la subjectivité: Repérages pour une dialectique des formes. Цит. по: Демьянков В.З. Личность, индивидуальность и субъективность в языке и речи / В сб.: «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 135.
9. *Grosjean F.* Cultural and Language Diversity and the Deaf Experience. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 306p.
10. *Holtgraves Thomas M.* Language as Social Action: Social Psychology and Language Use. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2002. – 232 p.
11. *Krauss Robert M., Chi-Yue Chiu* Language and Social Behavior. Hong-Kong: Columbia University and The University of Hong-Kong, 1995. – P. 1-78.

10.02.19

Г.Н. Каримуллина канд. филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
guzel_karimullina@list.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ВОПРОСЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В МАТЕРИАЛАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

Известно, что средства массовой информации обретают в последнее время роль модератора общественного мнения, тем самым становятся богатым источником эмпирического материала для мониторинга различных этнополитических процессов. В данной статье представлен анализ региональной прессы Республики Татарстан с целью определения отношения к проводимой как на региональном (республиканском), так и на федеральном уровнях языковой политики.

Ключевые слова: *русский язык, татарский язык, двуязычие, пресса, государственный язык.*

Глобальная демократизация общественно-политических отношений приводит к новым формам и принципам взаимодействия государства, общества и средств массовой информации. СМИ, хотя и призваны пропагандировать принципы толерантности и миротворчества, на современном этапе способны углубить межэтническое противостояние за счет неэтичного, некомпетентного представления действительности. Массмедиа становятся одним из активных структурных элементов общественно-политических отношений, они принимают на себя роль организатора общественного дискурса, регулятора общественного мнения.

В связи с этим представляет интерес, на наш взгляд, мониторинг материалов прессы Республики Татарстан, который позволит выявить отношение к проводимой в регионе языковой политике (как на республиканском, так и на федеральном уровнях). Для анализа были привлечены интернет-версии татароязычных и русскоязычных периодических изданий Республики Татарстан (с 2002 по 2018 гг.). Это такие газеты и журналы, как «Безнең мирас», «Ватаным Татарстан», «Ирек майданы», «Татарстан яшьләре», «Вечерняя Казань», «Коммерсантъ (Казань)», «Республика Татарстан», «Эксперт Татарстан» и др.

Языковые вопросы, тема двуязычия в республиканских СМИ актуализируются при участии представителей власти РТ, федеральных чиновников, русской и татарской интеллигенции, общественности и др. Ряд публикаций (как правило, официального характера) направлен на презентацию гармоничного и равноправного развития двух государственных языков, т.е. республиканские СМИ активно освещают все предпринимаемые в данном направлении действия. К этому блоку можно отнести статьи, посвященные изданию новой серии книг, учебников для школ с татарским языком обучения (см. [13], [17]), освоению интернет-пространства на татарском языке, в частности татарскому варианту «Википедии»; сайту tatar-inform.ru, сайту рейтингов использования татарского языка bez.tatar, запущенному в 2016 году; активизированному онлайн-переводчику yandex (с использованием татарского языка) [14], [20] и др.

Актуализация темы русского языка, литературы в Татарстане в русскоязычной региональной прессе, как правило, связана с важными, знаменательными событиями и датами (День славянской письменности, Дни русской культуры в РТ, день рождения А.Пушкина и др.). В эти периоды появляются публикации-интервью с представителями правительства РТ (см., к примеру, [16], [26]), в которых подчеркивается важность знания, а также качественного преподавания русского языка; акцентируется внимание на проводимых в республике мероприятиях по поддержке и развитию русского языка, широко освещаются

успехи татарстанских школьников на различных конкурсах, связанных с русским языком и литературой (см. [6], [19], [22]) и др.

О целенаправленности таких статей свидетельствует один из индикаторов Госпрограммы 2014-2020 гг. - «Количество публикаций в СМИ о языковой политике в РТ и ходе реализации программы», показатель которого к 2020 году должен составить 150 ед. (2014 г. - 110 публ., 2016 г. - 130 публ., 2018 г. - 140 публ.). В целом, доля ознакомительных публикаций не превышает одной трети проанализированных нами материалов. Остальные статьи и затрагиваемые в них темы, связанные с языковой ситуацией в республике, зависят в основном от целевой аудитории.

Так, в татароязычных СМИ транслируется идея доминирования русского языка во всех аспектах «государственности». Ряд публикаций отражает идеи татарской интеллигенции, этнически ориентированных носителей татарского языка, которых волнуют темы, связанные с сохранением и развитием родного языка, национальной литературы, культуры (см. [12], [21]). Помимо этого, как правило, в первые годы реализации госпрограмм по сохранению, изучению и развитию государственных языков РТ в прессе появляются публикации, акцентирующие внимание на невыполнении поставленных задач. Активно обсуждается, к примеру, игнорирование татарского языка в деятельности чиновников, государственных работников (см. [2], [10]); выражается неодобрительное отношение к отсутствию информации на татарском языке на продукции, выпускаемой в Татарстане [5] (см. п. 2.8.11 «О содействии в обеспечении выпускаемой в РТ продукции этикетками, ярлыками, инструкцией на двух государственных языках»), отсутствию на дорожных и уличных указателях татарских дублетов (см. пп. 2.8.7, 2.8.8 «Оформление уличных и дорожных указателей на государственных языках РТ») [15], [18] и др. В ряде публикаций прослеживается негативное отношение к незнанию родного языка, а также нежеланию его изучать ([1], [23], [24] и др.).

В русскоязычных республиканских СМИ одной из самых обсуждаемых тем является русский язык в школе. В прессе актуализируются вопросы, связанные с сокращением часов на изучение русского языка из-за регионального компонента - татарского языка (см., к примеру, [3], [9]). Нередко в таких статьях недостаточность знаний по русскому языку, перегруженность школьников соотносят с навязанной необходимостью изучения татарского языка как государственного, транслируется идея отсутствия добровольности в этом аспекте [4], [11] и др. Наряду с такими публикациями появляются все же статьи, в которых подобная взаимосвязь опровергается: в качестве доказательства приводятся высокие показатели в области образования (как правило, это количество стобальников, см. к примеру [7]) или средний балл ЕГЭ по РТ [8]).

В целом анализ республиканского информационного пространства свидетельствует о том, что проводимая в РТ языковая политика, направленная на сохранение татарского языка и паритетное развитие государственных языков, связанные с этим проблемы не теряют своей актуальности. Сосуществование и функционирование русского и татарского языков в региональных СМИ представлено не однозначно. Можно утверждать, что татарский и русский языки в Татарстане не имеют равного статуса и не используются в равной мере. Отсутствие мотивации изучения татарского языка, несовершенство методик его преподавания – основные проблемы, не позволяющие татарскому языку стать языком межэтнического общения. Русский же язык в ряде сфер общественной жизни продолжает оставаться единственным языком общения.

Исследование поддержано фондом Фольксваген (AZ № 90217, 2016-2019)

Список литературы

1. Алан Н. (23.05.2014) Укучылар татар теленнән тест бирде, йә шуннан нәрсә? // <http://matbugat.ru/news/?id=9720> (дата обр. 20.03.19)
2. Алан Н. (3.03.2015) Миннехановның татарча чыгыш күрсәтмәсе ... // <http://www.azatliq.org/content/article/26873234.html>1. (дата обр. 20.03.2019)
3. Антонов К. (11.11.2011) Русский язык прикусили // Коммерсантъ. 2011. №211 // <https://www.kommersant.ru/doc/1813140?query> (дата обр. 20.03.19)

4. Антонов К. (24.10.2018) Госязыкам республик указали на место среди родных // Коммерсантъ (Казань). 2018. № 195 // <https://www.kommersant.ru/doc/3779100?> (дата обр. 20.03.19)
5. Бикмөхәммәтова Р. (19.10.2013) Татар теленнән оялу // Ватаным Татарстан. 2013. №170 // <http://vatantat.ru/index.php?arg=2521> (дата обр. 20.03.19)
6. Васильева Н. (25.07.2017) Татарстан избавился от двоечников по русскому языку // Вечерняя Казань. 2017. // <http://www.evening-kazan.ru/tatarstan-izbavilsya-ot-dvochnikov-po-russkomu-yazyku.html> (дата обр. 20.03.19)
7. Галиева А. (12.07.2014) Учителя, подготовившие стобальников - это наш золотой фонд // <https://rusevik.ru/obschestvo/132142-imetshin-uchitelya-podgotovivshie-stobalnikov-eto-nash-zolotoy-fond.html> (дата обр. 20.03.19)
8. Гордеева Н. (25.07.2017) Результаты ЕГЭ по русскому языку в Татарстане выше, чем в других регионах России // <http://www.tatar-inform.ru/news/2017/07/25/564474/> (дата обр. 20.03.19)
9. Григорьева А. (16.04.2011) Больше уроков русского языка просят даже татары // Вечерняя Казань. 2011 // <http://www.evening-kazan.ru/bolshe-urokov-russkogo-yazyka-prosyat-dazhe-tatary.html> (дата обр. 20.03.19)
10. Гыйлемханов Р. (19.02.2005) Тел белмәк - көн күрмәк // Татарстан яшьләре. 2005. №21 // <http://tatyash.ru/index.php?issue=10641&file=63.htm> (дата обр. 20.03.19)
11. Заставят ли прокурорские проверки отменить татарский язык в школах? (10.10.2017) // Эксперт Татарстан. 2017 // <https://expert.ru/society/13834-zastavyat-li-prokurorskie-proverki-otmenit-tatarskij-yazyk-v-shkolax.html> (дата обр. 20.03.19)
12. Зәйдүлла Р. (01.03.2016) Юкәдә гел чикләвек... // <http://matbugat.ru/news/?id=14138> (дата обр. 20.03.19)
13. ИА Мәгариф (28.07.2009) Яңа дәреслекләр // <http://matbugat.ru/news/?id=1416> (дата обр. 20.03.19)
14. ИА Сабантуй (20.09.2009) «Татар Википедиясе»н бергәләп күтәрик! // <http://matbugat.ru/news/?id=1558> (дата обр. 20.03.19)
15. Ибрагимов Р. (12.11.2015) «Хаталы» Казан // Татарстан яшьләре. 2015. №19 // <http://tatyash.ru/index.php?issue=12213&file=110.htm> (дата обр. 20.03.19)
16. Иванова К. (5.06.2012) «А.Гильмутдинов: «Некоторые очень активно гонят волну, якобы русский язык притесняется» // <http://www.tatar-inform.ru/news/2012/06/05/318685/> (дата обр. 20.03.19)
17. Игнатьева И. (06.10.2010) В Татарстане увидели свет 150 книг 32 известных татарских авторов <http://www.tatpressa.ru/news/1368.html> (дата обр. 20.03.19)
18. Кыдашева З. (16.02.2010) Татар теле: жир өстендә һәм жир астында // Татарстан яшьләре. 2010. № 20 // <http://matbugat.ru/news/?id=2124> (дата обр. 20.03.19)
19. Международная олимпиада по русскому языку пройдет в Казани (27.02.017) // Портал Ассамблеи и Дома Дружбы народов Татарстана // <http://addnt.ru/mezhdunarodnaya-olimpiada-ro-russkomu/> (дата обр. 20.03.19)
20. Минневалиева А. (27.10.2014) Татарча сайтларны укучылар да ясый // <http://matbugat.ru/news/?id=10518> (дата обр. 20.03.19)
21. Миңнуллин Т. (19.02.2005) Буй белән Хасият // Татарстан яшьләре. 2005. №21. // <http://tatyash.ru/index.php?issue=10641&file=62.htm> (дата обр. 20.03.19)
22. Миронов М. (05.06.2012) В Доме Правительства Татарстана обсудили вопросы развития русского и татарского языков // <http://tatarstan.ru/index.htm/news/140444.htm> (дата обр. 20.03.19)
23. Фәтрахманов Р. (04.09.2012) Ана кеше 4 ел улларын татар теле дәресләренә йөртмәгән ... // Ватаным Татарстан. 2012. №174 // <http://matbugat.ru/news/?id=6556> (дата обр. 20.03.19)
24. Харисов Ж. (4.08.2012) Татар телен белә күрмәсеннәр! // Татарстан яшьләре. 2012. №15 // <http://www.tatyash.ru/index.php?issue=11806&file=31.htm> (дата обр. 20.03.19)
25. Чеснокова Е. (07.06.2012) Не количеством, но качеством // Республика Татарстан. 2012. № 109-110 (27266-27267) // <http://rt-online.ru/p-rubr-nau-32989/> (дата обр. 20.03.19)

10.02.19

Е.Ф. Киров д-р филол. наук

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
филологический факультет,
кафедра общего и русского языкознания,
Москва, evg-kirov@mail.ru

ДИСКУРСЕМА И МЕГАЭПИТЕТ В ДИСКУРСОЛОГИИ

В статье рассмотрены новые для дискурсологии понятия дискурсема и мегаэпитета. Мегаэпитет понимается как семантическая структура, которая состоит из компонентов, которыми являются не семы, а целые семемы, приобретающие статус компонента. Дискурсема рассматривается как инвариантная единица, лежащая в основе тематически однородных дискурсов. Подчеркнуто семиотическое соотношение между текстом и дискурсом, вслед за рядом ученых постулируется, что текст является знаком дискурса и превращается в собственно дискурс на время коммуникативной транзакции.

Ключевые слова: *текст, знак, дискурс, дискурсема, эпитет, мегаэпитет, дискурсология.*

Не подлежит сомнению, что текст и дискурс очень тесно связаны друг с другом в семиотическом плане. Встанем на точку зрения, что текст функционирует как знак дискурса [2]. Если заранее подготовить некий связный речевой континуум, который будет отличаться завершенностью, логичностью, когезией и когерентностью, то мы получим текст, который еще не стал дискурсом, т.к. не вышел за рамки сознания его создателя, не стал элементом коммуникативной интеракции, т.к. не приобрел пока еще адресата, ради которого и был задуман. Если мы этот текст прочтем или "озвучим", т.е. прочтем вслух, то мы превратим текст на тот промежуток времени, который равен интеракции между адресантом и адресатом, т.е. на время чтения-и-понимания, в дискурс, поскольку этот момент будет протекать в реальном времени и при участии адресанта и адресата [2, с. 17].

Текст как знак дискурса может приобрести письменную форму – это означает, что он в любой момент может вновь превратиться в знак дискурса, если возникнет адресат, способный к пониманию (хотя бы минимальному) информации, заложенной в тексте. Из этого можно сделать вывод, что любой текст – это потенциальный дискурс. Текст может на долгое время затаяться и существовать в записанной форме, но только как его обнаружит некто и начнет читать, на этот период чтения текст вновь превратится в дискурс и так до бесконечности интеракций адресата и адресанта.

Итак, дискурс состоит из высказываний, которые представляет собой в минимальной совокупности и целостности не что иное, как речевой акт (РА). Важно подчеркнуть, что в смысле высказывания в дискурсе информации больше, чем в предложении текста, т.к. при восприятии дискурса актуализируются пресуппозиции, фоновые знания и жизненный опыт адресата, который в своем сознании активно выстраивает сказанное и подразумеваемое в целостную смысловую конструкцию, являющуюся иллюкцией высказывания как элемента РА.

Денотатом высказывания как элемента речевого акта можно признать перлокутивный эффект, т.е. реальное изменение в цепи реальных событий или положения дел в реальном мире (например, закрытие окна), выгодное в той или иной степени всем коммуникантам (или одному из них). В этой связи в качестве основы для описания дискурса следует принять типологию речевых актов, разработанную Дж. Серлем, Дж. Остиным и Дж. Россом, адаптированную для русского языка акад. Н.Д. Арутюновой.

Важно подчеркнуть с точки зрения времени, что та часть дискурса, которая находится в прошлом, оказывает очень существенное влияние на дискурс в настоящем, что было открыто Кантом в его рассуждениях о времени. Можно даже сформулировать сильную онтологическую детерминанту, утверждая, что в дискурсе и ткани событий настоящего времени нет и не может быть ничего, что бы не было заложено, хотя бы в зачаточном виде, в предшествующем дискурсе и ткани событий прошедшего времени. Говоря образно, в дискурсе настоящего прорастает зерно, брошенное в ткань дискурса в прошлом, – это зерно родит злак и новое зерно, которое опять прорастет в будущем – и так до бесконечности.

В этой связи возникает понимание того, что в дискуртологию необходимо ввести понятие дискурсема, которая может пониматься как нечто общее, имеющееся в ряде однотипных дискурсов. Еще точнее можно сказать, что дискурсема представляет собой некую скелетную схему, которая лежит в основе того или иного типа дискурсов. Рассмотрим в качестве примера ряд дискурсов одной предметной семантики, например, воспринимаемые в реальном времени читателем объявления о продаже квартиры (такие объявления помещены, например, на портале *avito.ru* и др.). Мы можем встретить разные варианты рекламного объявления о продаже, в которых будет подробно расписываться местоположение квартиры, ее удобства и прекрасное состояние, даже история этой квартиры может быть подробно описана в деталях, могут быть описаны вид из окон и расположение по сторонам света и т.д. Например, такое объявление: *Продается светлая и чистая 2-комнатная квартира, полностью готовая к проживанию. Полностью соответствует фотографиям. 45/27/6. Место прекрасное, все, что нужно для жизни, рядом. Полное сопровождение при покупке, гарантия законности и чистоты сделки, отличные условия по ипотеке, помощь во взаимодействии с опекой, материнским капиталом и т.д. Документы полностью готовы к выходу на сделку. Звоните, уважаемые покупатели и коллеги, договоримся!* Однако из такого рекламно-самодеятельного дискурса всегда можно "выжать" некую дискурсема, т.е. своеобразный инвариант, в котором будет присутствовать "скелетная схема" всех дискурсов подобного рода. Суть этой дискурсема будет сводиться к количеству квадратных метров квартиры, ее этажа, типа дома (кирпич-панель), местоположения относительно метро (если в городе оно есть), т.е. транспортная доступность. Фактически, в ряде рекламных источников информация о продаваемой квартире фактически может быть близкой к дискурсема, например, такое объявление: *трехкомнатная квартира в Одинцовском районе, село Шарипово, дом 24 на 1 этаже 5 этажного дома. Общая площадь 56,3 кв.м, жилая площадь 44 кв.м. С/У отдельный, есть большая лоджия.*

Однако в значительном числе неформализованных дискурсов такое легкое "извлечение" дискурсема из тела дискурса представляется затруднительным или невозможным. Особенно это касается художественных дискурсов, очень "чурающихся" формализованности, стремящихся к индивидуальной сложности и нетривиальности. Тем не менее из любого дискурса при его правильном понимании можно извлечь дискурсема (при неправильном понимании тоже, но иную, — не ту, которую закладывал автор текста/дискурса как имманентную смысловую структуру при производстве дискурсивной транзакции).

Рассмотрим краткий художественный текст с прозрачной смысловой структурой – стихотворение И.С. Тургенева в прозе: *Я получил письмо от бывшего университетского товарища, богатого помещика, аристократа. Он звал меня к себе в имение... Я застал его в одной из аллей его обширного парка. Закутанный в шубе — а дело было летом, — чахлый, скрюченный, с зелеными зонтами над глазами, он сидел в небольшой колясочке, которую сзади толкали два лакея в богатых ливреях...— Приветствую вас, — промолвил он могильным голосом, — на моей наследственной земле, под сенью моих вековых деревьев! Над его головою шатром раскинулся могучий тысячелетний дуб. И я подумал: «О тысячелетний исполин, слышишь? Полумертвый червяк, ползающий у корней твоих, называет тебя своим деревом!...».(Мои деревья)*

В сущности, при чтении данного текста возникает акт восприятия дискурса, при условии понимания произведения, т.е. извлечения из него смысловой дискурсеми. Думается, что эта задача выполнима, и скелетная схема дискурсеми возникает у каждого, кто правильно понимает этот текст, точнее, послание, которое автор сформулировал в этом тексте для читателя. Так, больной человек на пороге могилы думает о своем богатстве как о ценности, забыв о народной мудрости, что не утащишь богатство с собой в могилу, что в таком положении актуальны иные ценности (*подумай о душе*, — говорят в народе). Такая дискурсема типизирована и повторяется в ряде других художественных текстов и образов (Гобсек, Скупой рыцарь, Плюшкин и т.д.).

Можно предположить, что существует и архидискурсема, которая в значительной степени обобщает дискурсеми первого порядка, в результате возникает единица дискурсологии, подобная "бродячему сюжету" (основоположником такой теории является Т. Бенфей, переводчик и критик «Панчатантры» [3], при этом во всей мировой литературе насчитывается ограниченное количество сюжетных мотивов для всех родов литературы [1 и др. работы]).

Важным элементом текста/дискурса является эпитет, который используется в художественной речи весьма часто. Сам по себе эпитет прост для понимания и может быть разложен в результате компонентного анализа на семы. Мы склонны выделять также мегаэпитет, составляющими элементами которого выступают целые лексеми. Так, в приведенном выше стихотворении Тургенева можно обнаружить мегаэпитет, возникающий из сочетания прилагательных и несогласованных определений: *Закутанный в шубе, чахлый, скрюченный, с зелеными зонтами над глазами*. Общее значение этого мегаэпитета может быть выражено словом "расслабленный", которое является контекстным гиперонимом для приведенного ряда эпитетогенных определений-гипонимов.

Таким образом, вводимые в данной работе термины и понятия находят применение в общей теории дискурсологии.

Список литературы

1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – 648 с.
2. Киров Е.Ф. Текст и дискурс в семиотическом соотношении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 15–25. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.2ScienceJournalofVolSU>. Linguistics. 2018. Vol. 17. No. 2.
3. Benfey T. *Pantschatantra*. Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen <https://aesthesis.ru/magazine/june17/migratorystories>. Дата обращения 1.03.2019.

10.02.19

**А.Х. Малкандуева канд. филол. наук, А.Л. Гелястанова канд. филол. наук,
К.В. Абазова канд. филол. наук**

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
социально-гуманитарный институт,
кафедра немецкой и романской филологии,
кафедра иностранных языков,
Нальчик, a.guzieva@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

В статье рассматриваются фразеологические единицы с собственным существительным. В работе анализируются основные формы семантических преобразований имен собственных во фразеологических единицах, определяется соотношенность значения компонентов с общим значением фразеологической единицы.

Ключевые слова: собственное существительное, языковая картина мира, метафорическое переосмысление, ономастический компонент, фразеологическая деривация.

Языковая картина мира совпадает с закономерным отображением мира в сознании людей. Общеупотребительное, частотное слово в составе фразеологизмов считается ключевым словарем культуры. Общеизвестно свободное, независимое появление в различных языках фразеологических единиц, квалифицирующихся абсолютным или относительным совпадением плана выражения и плана содержания. Это объясняется одинаковыми семиотическими процессами, когда свободное сочетание слов трансформируется в отображаемую единицу: например, рус. шаг за шагом, англ. step by step, нем. Schritt für Schritt и т.д.

Большую часть таких фразеологизмов составляют единицы, созданные метафорическим переосмыслением значения свободного словосочетания. Лексемы, входящие в состав фразеологических единиц, имеют разный уровень семасиологической слитности и образности. Большой слитностью обладают фразеологические сращения, целостное значение которых нельзя показать из семантики составляющих слов за счёт архаичности и/или своеобразия их синтаксического соединения.

Типологическое исследование семантики фразеологизмов двух или нескольких языков дает возможность выявить этническую специфику, особенности взаимоотношений, точки прикосновения в образе мышления, менталитете, быте, историческом прошлом генетически родственных и разноструктурных языков.

Каждому этнокультурному сообществу присущи универсальные концепты культуры, отражающие этнокультурные признаки нации. Их состав формирует инвариантную основу концептосферы этноса и объективируется различными языковыми средствами, включая и фразеологические единицы.

Универсальность базисных форм семасиологических трансформаций предопределяется свойственным всем людям, всему человечеству логико-мыслительными процессами и типичными ассоциациями, объединёнными выявлением многообразных видов соответствий, соотношений, функционирования, замещения, комбинаций, свойственных или не свойственных внеязыковой реальности, мыслимых как реальные или ирреальные [5].

Это может вызвано параллелизмом, основанном как на реальном, логичном, так и на ирреальном, алогичном. Некоторые исследователи считают, что основанные на воображаемой ситуации образные идиомы появляются в языке самопроизвольно, минуя стадию переосмысливания свободных сочетаний слов. Однако их возникновение и стабилизация сопряжены с длительным функционированием, иначе они остаются окказиональными единицами и употребляются окказионально.

Аналогичные обороты происходят из переменных словосочетаний, которые выражают либо реально существующие, происходящие в действительности, но непривычные сценарии, репрезентированные в мифологии, либо вероятные, потенциально мыслимые отношения. Большая часть таких сочетаний интерпретируется как потерявшие внутреннюю форму. Утрата аргументации в большинстве случаев наступает ввиду забвения бытия, вызывающего ассоциации.

Во фразеологических единицах сохраняются семы ономастического компонента, являющиеся итогом семасиологического изменения лексем. В ряде случаев они помогают его переосмыслению ввиду образования нового идиоматического смысла. Выдвинутые на передний план компоненты значения, при их вступлении в состав фразеологизма, могут находиться на периферии смыслового строения лексемы. Например, имя собственное Adam в составе фразеологической единицы англ. *since Adam was a boy* - нем. *seit Adams Zeiten* - рус. от Адама - «с самого начала, с древнейших времен, очень давно» теряет значение, связанное с такими свойствами человека, как «пол», «лицо» и др., но вместе с тем сохраняет дифференцирующую сему, связанную с идеей древности [1;4;5]. Вероятно, такая ситуация возникла под воздействием синтаксического строения оборота, в котором в немецком и русском языках антропоним выполняет роль определения [2].

Как видим, семы «лица», «одушевленности» не актуализируются в структуре словосочетания и потому утрачиваются. Актуализирование семы «давние времена, древность» происходит под воздействием семантико-синтаксической организации фразеологической единицы. Это видно при сравнении данных фразеологических единиц с другими, в состав которых входит тот же антропоним: нем. *der alte Adam*; англ. *the old Adam*; рус. ветхий Адам - где полностью сохраняются семы антропонима: архисема «лицо и одушевленность», разграничивающие и отождествляющие семы, объединенные с актуализацией соответственных контекстовых знаний.

Затем на основе сохраняющихся сем данного имени фразеологическая единица приобретает соответственную эмоционально-аксиологическую характеристику, ибо на первый план выдвигаются аксиологические и стилистические сведения, активизированные дефиницией имени собственного: *alt – old – ветхий*.

При рассмотрении фразеологизмов с именем собственным выделяются объединения единиц, семантика которых не связана со смыслом их компонентов. Большей частью мотивированность значения подобных фразеологических единиц не сохраняется в современном узусе. Следует отметить несколько разновидностей таких единиц: а) единицы, являющиеся синтаксическими омонимами совпадающих с ними по форме свободных словосочетаний и предложений: нем. *ab nach Kassel!*, англ. *by the Lord Harry!*, рус. что мне Гекуба!; б) единицы, связанные с отживанием, утратой реалий: нем. *Heinz und Kunz – «каждый встречный и поперечный»* (до XII-XIV века самыми распространенными именами были *Heinrich* и *Konrad*,); англ. *custom of Kent – «равный раздел земли между сыновьями и братьями покойного при отсутствии завещания»*, традиция, широко распространенная в графстве Кент; рус. кричать во всю Ивановскую, одна из версий происхождения данной фразеологической единицы связана с традицией объявлять указы на Ивановской площади в Кремле; в) единицы, в которых наблюдается известная семантическая несовместимость: нем. *ungeborene Gerhard – «наивный, глупый человек»*, англ. *all my eye Betty Martin – «абсурд, чепуха»*; рус. черт Ваньку не обманет [1;4;5].

Фразеологические единицы первой группы характеризуются междометной функцией и служат в основном для репрезентации отрицательных эмоциональных реакций на окружающую действительность.

Для понимания внутренней природы фразеологических единиц второй группы требуется историко-этимологическое объяснение, ибо ономастический компонент в их составе не может быть адекватно воспринят из-за уникальности лексем, вышедших из употребления в современном языке.

Для восприятия фразеологических единиц третьей группы должна быть известна ситуация, объясняющая механизм ее номинации. Чаще всего эти единицы ситуативны, представляют фрагмент текста. Отсутствие внутренней формы таких единиц компенсируется множеством ассоциаций, сформированных стилистическими свойствами анализируемых фразеологических единиц. Они максимально экспрессивны, насыщены и в основном употребляются в разговорной речи.

Исследование фразеологизмов с именем собственным позволяет прийти к выводу о том, что процесс фразеологизации имен собственных в разных языках проходит в основном одинаково и что в основе их фразеологизации лежат универсальные культурные составляющие. Соотношение культурных составляющих не зависит от языка. Это является свидетельством тождественности человеческого мышления и одинаковых культурфилософских принципах именования.

Фразеологическая номинация является вариантом вторичной номинации. Косвенная номинация при первичной фразеологизации базируется на ассоциациях, связывающих имя собственное с определенным отображением качества или свойства объекта. Это может иметь отношение как к освоенным национальной культурой ономастическим компонентам, так и не освоенным.

Таким образом, отмечаются несколько разновидностей фразеологических единиц, свойственный для ономастики элемент которых претерпевает существенное переосмысление и теряет способность обозначать предмет или явление окружающей нас действительности, с которыми соотносится данная языковая единица. Это единицы, совпадающие по форме со свободными сочетаниями слов, в основном междометного характера; единицы с устаревшей ономастикой или единицы с существенно изменившимися социально-культурными коннотациями с момента создания фразеологической единицы.

Список литературы

1. *Бинович, Л.Э., Гришин, Н.Н.* Немецко-русский фразеологический словарь. – М., 1975.
2. *Гузиева, А.Х.* Статус имени собственного в составе ФЕ в прецедентных текстах. Канд. дис. на соискание ученой степени кандидата филол. наук. – Нальчик, 2003.
3. *Кондратьева, Т.Н.* История фразеологизмов с собственными именами// Фразеология и синтаксис. – Казань, 1983. – С. 46-90.
4. *Кунин, А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. – М., 1967.
5. *Малкандуева, А.Х., Гелястанова, А.Л.* К сравнительной характеристике фразеологизмов с ономастическим компонентом в русской и немецкой языковой картине мира. // *Общественные науки*, г. Москва, № 2, 2017 г.
6. *Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М.* Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. - Кострома, 2008.

10.02.19

К.О. Селезнева канд. филол. наук

Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков,
3 авиационный факультет (бомбардировочной и штурмовой авиации),
отдельная дисциплина (иностранный язык),
Борисоглебск, kireeva_kristina@mail.ru

**РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ,
ВХОДЯЩИХ В СОСТАВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
ОБЩИЕ НОМИНАЦИИ ПЕДАГОГОВ**

Статья посвящена результатам компонентного анализа лексем тематической группы **Общие номинации педагогов** в русском и испанском языках. В своей статье автор использовал методику контрастивного анализа лексики. Был произведен компонентный анализ исследуемых лексических единиц. Унифицированные значения семем представлены автором в виде набора конкретных сем, составлены контрастивные пары.

Ключевые слова: контрастивный анализ, тематическая группа, компонентный анализ, лексическая единица, семема, сема, контрастивная пара.

Данное исследование мы проводили в рамках контрастивного анализа. На первом этапе нами был составлен базовый список лексем, относящихся к тематической группе **Общие номинации педагогов** в исходном языке (в нашем случае – русского). Методом сплошной выборки из толковых словарей русского языка нами были выписаны слова, принадлежащие к исследуемой тематической группе. В качестве языка сопоставления нами был выбран испанский язык. Каждое слово исходного языка (русского) проверялось нами по двуязычным словарям, выписывались все зафиксированные в словарях переводные соответствия данного слова, которые проверялись по толковым словарям языка сопоставления (испанского). В ходе работы были выявлены лексем, не имеющие зафиксированного в словарях переводного соответствия [5].

Следующим этапом в методике контрастивного анализа является составление контрастивных пар. В каждой контрастивной паре сопоставляются отдельные семы, полученные в результате компонентного анализа [4]. Каждой семе русского языка ставится в соответствие та или иная сема иноязычного слова. В контрастивной паре выявляются несовпадающие (национально-специфические) семы, которые выделяются шрифтом с той целью, чтобы имеющиеся семные несоответствия были наглядны [1]. Представим полученные данные в виде таблицы.

Русский язык	Испанский язык
воспитатель 2 - лицо мужского или женского пола, занимается воспитанием, в детском учреждении, в учебном заведении; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, употребительное.	educador - лицо <i>мужского пола</i> , занимается воспитанием, <i>занимается обучением</i> ; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, употребительное.
	educadora - лицо <i>женского пола</i> , занимается воспитанием, <i>занимается обучением</i> ; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, употребительное.
	niño - лицо <i>мужского пола</i> , <i>ухаживает, присматривает за детьми, часто в детских учреждениях (садах, яслях)</i> ; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, <i>редкое</i> .

	<p>niñera - лицо <i>женского пола</i>, <i>ухаживает, присматривает за детьми, часто в детских учреждениях (садах, яслях)</i>; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, употребительное.</p>
	<p>maestro guardería - лицо <i>мужского пола</i>, занимается воспитанием, <i>детей 2-3 лет, имеет специальную подготовку</i>; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, <i>малоупотребительное</i>.</p>
	<p>maestra guardería - лицо <i>женского пола</i>, занимается воспитанием, <i>детей 2-3 лет, имеет специальную подготовку</i>; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, <i>малоупотребительное</i>.</p>

Русский язык	Испанский язык
<p>воспитательница - лицо женского пола, занимается воспитанием, в детском учреждении, в учебном заведении; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, употребительное.</p>	<p>educadora - лицо женского пола, занимается воспитанием, <i>занимается обучением</i>; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, употребительное.</p>
	<p>niñera - лицо <i>женского пола</i>, <i>ухаживает, присматривает за детьми, часто в детских учреждениях (садах, яслях)</i>; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, употребительное.</p>
	<p>maestra guardería - лицо женского пола, занимается воспитанием, <i>детей 2-3 лет, имеет специальную подготовку</i>; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, <i>малоупотребительное</i>.</p>

Русский язык	Испанский язык
<p>наставник - лицо мужского или женского пола, обучает, воспитывает, руководит начинающими в каком-либо деле; неоценочное, уважительное; высокое, общенародное, общераспространенное, современное, малоупотребительное.</p>	<p>mentor 1 - лицо <i>мужского пола</i>, обучает, воспитывает, руководит начинающими в каком-либо деле; неоценочное, уважительное; <i>книжное</i>, общенародное, общераспространенное, современное, малоупотребительное.</p>
	<p>mentora 1 - лицо <i>женского пола</i>, обучает, воспитывает, руководит начинающими в каком-либо деле; неоценочное, уважительное; <i>книжное</i>, общенародное, общераспространенное, современное, малоупотребительное.</p>
	<p>pedagogo 3 - лицо <i>мужского пола</i>, <i>помогает руководить начинающими в каком-либо деле</i>; неоценочное, <i>неэмоциональное</i>; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, <i>редкое</i>.</p>
	<p>pedagoga 3 - лицо <i>женского пола</i>, <i>помогает руководить начинающими в каком-либо деле</i>; неоценочное, <i>неэмоциональное</i>; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, <i>редкое</i>.</p>
	<p>magíster - лицо мужского или женского пола, обучает чему-нибудь; неоценочное, <i>часто пренебрежительное</i>; <i>книжное</i>, <i>учебно-педагогическое</i>, <i>лат.америк</i>, современное, <i>редкое</i>.</p>

Русский язык	Испанский язык
<p>наставница - лицо женского пола, обучает, воспитывает, руководит начинающими в каком-либо деле; неоценочное, уважительное; высокое, общенародное, общераспространенное, современное, редкое</p>	<p>mentora 1 - лицо женского пола, обучает, воспитывает, руководит начинающими в каком-либо деле; неоценочное, уважительное; <i>книжное</i>, общенародное, общераспространенное, современное, <i>малоупотребительное</i>.</p>
	<p>pedagoga 3 - <i>лицо женского пола, помогает руководить начинающими в каком-либо деле</i>; неоценочное, <i>неэмоциональное</i>; <i>межстилевое</i>, общенародное, общераспространенное, современное, редкое.</p>

Русский язык	Испанский язык
<p>педагог - лицо мужского или женского пола, занимается преподавательской и воспитательной работой, специалист в педагогике, возможно преподает в учебном заведении, часто занимается вопросами теории образования; неоценочное, неэмоциональное; книжное, общенародное, общераспространенное, современное, малоупотребительное.</p>	<p>docente - лицо мужского или женского пола, <i>занимается преподавательской работой</i>, неоценочное, неэмоциональное; <i>официально-деловое</i>, общенародное, общераспространенное, современное, <i>редкое</i>.</p>
	<p>educador - лицо мужского пола, <i>занимается обучением и воспитанием</i>, неоценочное, неэмоциональное; <i>межстилевое</i>, общенародное, общераспространенное, современное, малоупотребительное.</p>
	<p>educadora - лицо женского пола, <i>занимается обучением и воспитанием</i>, неоценочное, неэмоциональное; <i>межстилевое</i>, общенародное, общераспространенное, современное, малоупотребительное.</p>
	<p>pedagogo 1 - лицо мужского пола, занимается преподавательской и воспитательной работой, специалист в педагогике, неоценочное, неэмоциональное; книжное, общенародное, общераспространенное, современное, малоупотребительное.</p>
	<p>pedagoga 1 - лицо женского пола, занимается преподавательской и воспитательной работой, специалист в педагогике, неоценочное, неэмоциональное; книжное, общенародное, общераспространенное, современное, малоупотребительное.</p>

Русский язык	Испанский язык
<p>преподаватель 1 - лицо мужского или женского пола, обучает определенному предмету, преимущественно работает в высшем учебном заведении; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое общенародное, общераспространенное, современное, употребительное.</p>	<p>profe - лицо мужского или женского пола, обучает определенному предмету, преимущественно работает в высшем учебном заведении; неоценочное, неэмоциональное; разговорное, учебно-педагогическое, общераспространенное, современное, редкое.</p>
	<p>profesor - лицо мужского пола, обучает определенному предмету, преимущественно работает в высшем учебном заведении; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое общенародное, общераспространенное, современное, употребительное.</p>
	<p>profesora - лицо женского пола, обучает определенному предмету, преимущественно работает в высшем учебном заведении; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, употребительное.</p>

	magíster - лицо мужского или женского пола, <i>обучает чему-нибудь</i> ; неоценочное, <i>часто пренебрежительное; книжное, учебно-педагогическое, лат.америк</i> , современное, <i>редкое</i> .
	profesor universitario - лицо мужского пола, обучает определенному предмету, <i>работает в высшем учебном заведении</i> ; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, <i>малоупотребительное</i> .
	profesora universitario - лицо женского пола, обучает определенному предмету, <i>работает в высшем учебном заведении</i> ; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, <i>малоупотребительное</i> .

Русский язык	Испанский язык
учитель - лицо мужского или женского пола, обучает чему-нибудь, работает в школе; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, употребительное.	maestro - лицо <i>мужского пола</i> , обучает чему-нибудь, работает в школе; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, употребительное.
	maestra - лицо <i>женского пола</i> , обучает чему-нибудь, работает в школе; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, употребительное.
	maestro de escuela - лицо <i>мужского пола</i> , обучает чему-нибудь, работает в школе; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, употребительное.
	maestra de escuela - лицо <i>женского пола</i> , обучает чему-нибудь, работает в школе; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, употребительное.
	seño - лицо <i>женского пола</i> , обучает чему-нибудь, работает в школе; неоценочное, неэмоциональное; <i>разговорное, учебно-педагогическое</i> , общераспространенное, современное, употребительное.
	señorita - лицо <i>женского пола</i> , обучает чему-нибудь, работает в школе; неоценочное, неэмоциональное; <i>разговорное</i> , общенародное, общераспространенное, современное, употребительное.
	magíster - лицо мужского или женского пола, обучает чему-нибудь; неоценочное, <i>часто пренебрежительное; книжное, учебно-педагогическое, латиноамериканское</i> , современное, <i>малоупотребительное</i> .

Русский язык	Испанский язык
предметник - лицо мужского или женского пола, преподает определенный учебный предмет, преимущественно работает в школе; неоценочное, неэмоциональное; разговорное, учебно-педагогическое, общераспространенное, современное, малоупотребительное	0

Русский язык	Испанский язык
предметница - лицо женского пола, преподает определенный учебный предмет, преимущественно работает в школе; неоценочное, неэмоциональное; разговорное, учебно-педагогическое, общераспространенное, современное, редкое	0

Русский язык	Испанский язык
репетитор 1 - лицо мужского или женского пола, обучает кого-либо определенному предмету, обычно проводит уроки дома, преподает индивидуально или в маленьких группах, преимущественно готовит к достижению определенных академических целей (сдать экзамены); неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, употребительное	0

Русский язык	Испанский язык
репетиторша - лицо женского пола, обучает кого-либо определенному предмету, обычно проводит уроки дома, преподает индивидуально или в маленьких группах, преимущественно готовит к достижению определенных академических целей (сдать экзамены); неоценочное, часто пренебрежительное; разговорное, учебно-педагогический жаргон, общераспространенное, современное, редкое	0

Данные, представленные в таблице, которые мы получили в ходе компонентного анализа, послужат отличным материалом для дальнейшего более детального изучения тематической группы **Общие номинации педагогов**. Так, для каждого типа сем, в целях достижения большой объективности описания, можно высчитать индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем.

Исследования в области контрастивной лингвистики [2,3] подтверждают, что введение в лингвистический оборот данных индексов, несомненно, дает положительный результат как в теоретическом плане, поскольку позволяет объективно оценить степень национальной специфики исследуемых единиц, так и для практики перевода, поскольку дает переводчику реальные данные, основываясь на которых можно выбрать тот или иной переводческий эквивалент.

Список литературы

1. Киреева (Селезнева) К.О. Национальная специфика семантики наименований профессий и должностей в сфере образования (на материале русского и испанского языков): дис. ...канд.филолог.наук / Киреева (Селезнева) Кристина Олеговна. – Воронеж, 2010.
2. Контрастивная лексикология и лексикография. Монография / Под ред. И.А.Стернина и Т.А.Чубур. – Воронеж: «Истоки», 2006. – 341с.
3. Кременецкая И.В. Тематическая группа как парадигматическое объединение слов // *Lingua mobilis* №3 (17), 2009 – С. 94-99.
4. Селезнева К.О. Роль семного анализа при изучении национальной специфики семантики лексической единицы // *Историческая и социально-образовательная мысль* – Том 7 №3 – 2015. – С. 245-248.
5. Селезнева К.О. Тематическая группа **Общие номинации педагогов** в русском и испанском языках // *Казанская наука*. - №9 – 2018. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. - С. 114-116.

10.02.19

А.А. Устиновская канд. филол. наукМосковский физико-технический институт,
Москва, alyonau1@yandex.ru**К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ**

Данная статья посвящена проблеме восприятия иноязычных поэтических текстов и их адекватного перевода с одного языка на другой. Указаны специфические особенности поэзии как рода литературы, которые должны учитывать переводчики. Прокомментированы взгляды ряда известных исследователей художественного перевода и уточнены требования, предъявляемые к качественному переводу иноязычных поэтических текстов на русский язык.

Ключевые слова: *поэзия, художественный перевод, прагматический потенциал, семиотика, лексические средства, переводческая трансформация.*

Еще со времен античности поэзия была одним из наиболее высоко ценимых видов искусства. Однако перевод лирических произведений с одного языка на другой до сих пор являются предметом полемики. Спорным остается вопрос, нужно ли в совершенстве знать язык оригинала или достаточно знания родного языка. В дискуссиях такого рода довольно непросто найти «золотую середину», так как каждый переводчик находит более приемлемый для себя оборот, иногда заменяя слова подлинного произведения, иногда добавляя что-то своё, иногда создавая собственные стихи, навеянные ассоциациями иностранной поэтической речи.

Правильному пониманию и адекватному переводу поэтических произведений способствует в первую очередь знание стилистических приемов и особенностей, характерных как для языка оригинала, так и индивидуальных для самого автора произведения, а также умение подобрать соответствующие средства их передачи на принимающий язык. Ведь именно стилистика и лексика в первую очередь выступают средствами выражения поэтической мысли, яркой образности и уникальной атмосферы произведения.

Поэзия – это язык образов. Она развивает мышление читателя, обращается к его чувствам и воображению. Эмотивный язык поэзии передает опыт народов через поколения. Этот язык уникален и обладает рядом характерных черт. Изучением творческого аспекта языка поэзии занимались такие российские ученые, как В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум, Р. Якобсон и другие.

В.В. Виноградов называл язык поэзии средством литературного объяснения окружающего мира, способом понимания действительности через образы. Он рассматривал язык поэзии с нескольких точек зрения: 1) стиля речи, который, наряду с другими стилями обладает своими собственными традициями и формой использования языковых средств; 2) языка, обладающего особой поэтической экспрессивностью; 3) языка, возведенного в ранг искусства [2, с. 30-103].

Язык поэзии характеризуется особой фонацией слов. Различают три основных принципа фонетической организации поэтических произведений: 1) эвфоничность («сонорность», красота тона); 2) задание тона через фонетический образ (например, шелест страниц, завывание ветра и т.д.); 3) подбор звуков, задающих настроение и атмосферу всего произведения. Третья функция находится в тесной взаимосвязи с первыми двумя: настроение создается при помощи фонетического образа или передается читателю с красотой тона.

Ю.М. Лотман полагал, что поэтический текст является вторичной системой моделирования естественного языка [4, с. 180-187]. Данное определение охватывает, как указывает Р.В. Патюкова, все три измерения поэтического текста как комплексного знака: семантическое, синтаксическое и прагматическое [5, с. 142-149].

Специфические черты семиотики поэзии определяются особым характером отражения реальности: 1) мультифункциональностью: лингвистический знак используется таким образом, что все его функции (синтаксическая, семантическая и прагматическая) изменяются синхронно, при этом природа самого знака (символ, изображение или индексная строка) не имеет значения; 2) коннотативностью; 3) стилистическим моделированием; 4) тесной связью знака и экспрессивного плана.

На лексическом уровне выделяют следующие свойства поэтических текстов:

1. семантическая избыточность: имплицитная и предсуппозитивная информационная содержательность, полисемия, эстетическая трансформация значения;

2. эстетическая условность, рациональное использования выразительных средств: минимум средств и максимум экспрессивности, семантическая нагрузка;

3. принцип гармоничного соответствия прагматики текста и синтагматики: устойчивость, взаимосвязанность и взаимоопределяемость элементов текста;

4. принцип гармоничного соответствия общепринятой и авторской образности: обилие метафор, символизма и фигуративных выражений.

Язык поэзии контрастирует с другими типами речи: он ритмичен и структурирован, содержит множество повторов, оппозиций и нестандартных семантических решений.

Приступая к работе над поэтическим текстом, переводчику необходимо проанализировать произведение с точки зрения прагматического эффекта, который автор хотел произвести на читателя. Этот эффект может быть достигнут при помощи различных языковых средств, помогающих сформулировать конечное сообщение, которое воспримет читатель. Данное сообщение может получить как положительную, так и отрицательную оценку – влияние на это оказывает не только прагматика самого текста, но также то, как сам читатель воспринимает окружающий мир: его личностные качества, прошлый опыт, полученные знания, состояние здоровья и т.д. [6, с. 335]

Природа прагматического эффекта поэтического текста определяется тремя факторами:

1) смысловым содержанием произведения; 2) способом выражения этого содержания; 3) целевой аудиторией [3].

Прагматическая цель поэтического текста заключается в первую очередь в эстетическом воздействии на читателя. Таким образом, при переводе поэзии необходимо принимать во внимание стилистические характеристики текста, а также знать психологию восприятия тех или иных приемов реципиентом.

Л.С. Бархударов предлагает следующую классификацию прагматических аспектов речи:

1) стилистические характеристики слова; 2) регистр слова; 3) эмоциональная окраска речи; 4) коммуникативные возможности лексических единиц [1, с. 49-172].

Для сохранения прагматического потенциала текста переводчики прибегают к ряду трансформаций.

1. Поэтический текст включает в себя ряд аспектов, таких как: поэтический стиль, язык поэзии, дискурс. Поэтический стиль выделяется в отдельный литературный жанр, обладающий характерными чертами, морфологической и синтаксической структурой. Поэтический текст обладает тремя взаимосвязанными семиотическими характеристиками: синтаксической, семантической и прагматической. Поэтическая коммуникация обеспечивает передачу двух категорий сообщений: семантического (фактического) и эстетического. Задача переводчика состоит в правильном восприятии этих сообщений и передачи их реципиенту в неизменном виде.

2. Структура поэтических произведений отлична от прозы. Поэзия делится на короткие, схожие по структуре сегменты. В отличие от прозы, поэзия характеризуется наличием ритма. Она обладает четкими границами. Поэтический текст получает развитие через ассоциации.

При этом русские и английские традиции стихосложения различны на всех уровнях: синтаксическом, морфологическом и лексическом. При переводе поэзии необходимо учитывать особенности формы произведения, его ритм, мелодику, структуру, стиль, фигуративность, семантику, эмоциональную нагрузку.

3. Прагматический потенциал поэтических текстов заключается не только в когнитивном аспекте, но и в воздействии на эмоциональное состояние реципиента. Прагматический эффект переведенного произведения на читателя должен быть в точности таким же, как у оригинального произведения.

4. Первоочередная задача переводчика – передача информации в том виде, в котором она была представлена автором, без допущения личной оценки, идей или выводов. Необходимо принимать во внимание не только различия между двумя языками, но и между двумя культурами. Сохранение культурных особенностей и черт оригинального произведения чрезвычайно важно при переводе, так как культурный аспект является важной частью как содержания, так и эстетики поэтических текстов. Понимание культуры языка оригинала является обязательным условием перевода. Искусство перевода находится на пересечении лингвистики и культуры, так как перевод – это вклад не только в диалог языков, но и в диалог культур [7, с. 38-45].

Таким образом, переводчик должен стать «одним целым» с автором, увидеть мир его глазами, перенять его стиль и особенности языка, интонацию и ритмичность, с точностью передать прагматический эффект произведения и в то же время придерживаться традиций родного языка.

Таким образом, при работе с поэтическими произведениями, переводчик сталкивается с рядом сложных задач. В первую очередь, это сохранение прагматического эффекта оригинального произведения. Кроме того, необходимо учитывать ряд особенностей структурной организации текста: метрическая организация, синтаксис, рифмы. И наконец, при переводе поэзии переводчик должен уважать правила и традиции принимающего языка. Названные факторы являются необходимым условием качественного перевода поэтических текстов. Перевод поэзии – это искусство, требующее от переводчика тщательного изучения материала и развития ряда навыков.

Список литературы

1. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: «Международ. отношения», 1975 г. - 240 с.
2. *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. - 240 с.
3. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. - 192 с.
4. *Лотман Ю.М.* Риторика // Лотман Ю.М. Ученые зап. Тартуского гос. ун-та. 1981. Вып. 515. С. 180-187.
5. *Патюкова Р.В.* Функциональные основы перевода поэтического текста: на материале английского и русского языков. Дис. ... к. филол. н. (10.02.20) Краснодар, 1999. - 149 с.
6. *Солсо Р.Л.* Когнитивная психология. М.: Либерия, 2006. - 598 с.
7. *Хайрулин В.И.* Культура в парадигме переводоведения // Тетради переводчика. М., 1999. Вып. 24. - С. 38-45.

10.02.19

Е.О. Чурюканова канд. филол. наук

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения
Орехово-Зуево, edellvise@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ СТАНДАРТНОГО БРИТАНСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ ГЛАСНЫХ

В статье рассматриваются вопросы современного состояния стандартного британского произношения. Освещаются тенденции развития основного акцента в его сравнении с региональными акцентами. Затрагиваются типичные изменения в системе гласных современного стандартного акцента Соединённого Королевства.

Ключевые слова: *стандартный акцент, региональный акцент, социальный маркер, гласные фонемы.*

На большинстве факультетов английского языка в российских университетах преподавание практической английской фонетики имеет давнюю и прочную традицию. Позднее такие курсы стали включать не только основы фонетики английского языка (в основном артикуляционной), но и различные вопросы современной фонологической теории, социолингвистики и диалектологии.

Некоторые особенности современной речи оказываются недолговечными и не вполне заслуживающими принятия, другие могут быть неуместны в определенном контексте, а третьи - социально неуместными. Received Pronunciation - принятый стандарт английского языка в Британии, зафиксированный в орфоэпических словарях Джонса и Уэллса.

Английское «принятое» произношение часто используется дикторами и читателями новостей на серьезных национальных и международных каналах BBC. Все эти факты свидетельствуют в пользу стандартного произношения, в связи с чем у учителей английской фонетики не возникает необходимость вводить на своих занятиях основы так называемого «Estuary English». Эта разновидность английского языка получила научное освещение и пропагандировалась как «новый стандартный английский» [2]. «Estuary English» - региональный акцент английского языка, исходящий от его лондонской базы и в некоторой степени распространяющийся по всему юго-востоку Англии, однако слишком регионально ограниченный и сохраняющий большую часть своего первоначального низшего социального значения.

Широко известен тот факт, что RP носит характер социального маркера, является престижным акцентом англичанина. В девятнадцатом веке «Received Pronunciation» понимается в качестве «принятого в лучшем обществе». Речь аристократии и королевского двора фонетически была речью Лондона. Позднее данный вариант произношения утратил территориальную закреплённость и стал восприниматься как акцент правящего класса, часто называемый "королевский английский". Это был также акцент, преподаваемый в частных школах. С распространением образования люди, не принадлежащие к высшим классам, были готовы изменить свой акцент во имя социальных стандартов.

С большой уверенностью можно утверждать, что в настоящее время RP не привязан к конкретному региону в Великобритании, что не характерно для других британских акцентов.

Справедливо отметить, однако, что только 3–5% населения Англии говорят на RP. Британские фонетисты (Ч. Барбер, АС Гимсон) полагают, что в настоящее время RP не является однородным. АС Гимсон считает, что в нем можно выделить три основных типа: «консервативные формы RP, используемые старшим поколением и, традиционно,

определенными профессиями или социальными группами; общие формы RP, наиболее часто используемые и типизируемые формы произношения, принятые BBC, и передовые формы (мейнстрим), которые в основном используются молодежью исключительных социальных групп - в основном из высших слоев населения, или престижности, в некоторых профессиональных кругах» [3, 88].

В звуковой системе современного английского языка наблюдаются значительные изменения, наиболее заметные со времени известного Великого сдвига гласных в среднеанглийский период развития языка. Общеизвестным является тот факт, что никакая языковая модификация не может произойти внезапно. Появление нового оттенка в произношении звука приводит к совместному существованию свободных вариантов в реализации фонемы.

Изменения качества гласных

1. По устойчивости артикуляции.

1) Общеизвестно, что две исторически долгие гласные [i:], [u:] подверглись процессу дифтонгизации и часто их называются дифтонгоидами, поскольку органы речи в конце артикуляции этих звуков слегка меняют место их образования, делая их более передними. 2) Некоторые из существующих дифтонгов имеют тенденцию сглаживаться, становиться короче, таким образом приобретая все большее сходство с чистыми гласными.

а) более отчетливо прослеживается данная тенденция с дифтонгом [ei], особенно в конечной позиции в слове, где скольжение очень слабое: [tə'dei], [sei], [mei].

б) Дифтонги [ai], [au] подвергаются процессу сглаживания в том случае, если за ними следует нейтральный звук [ə], например консервативная форма RP: [tauə], [faɪə], форма общего RP: [tə], [fə]; форма продвинутого RP: [ta:], [fa:]

в) дифтонги [ɔə], [uə] имеют тенденцию выравниваться до [ɔ:]. Таким образом, произношение слова «роог, бедный» варьируется так:

представителя старшего поколения: [rɔə], [ruə]; представители среднего возраста: [rɔ:], [ru:]; представители младшего возраста: [rɔ:], [ru:].

Следует отметить, однако, что эта тенденция не касается дифтонга [iə], когда он занимает финальную позицию в слове. Некоторые изменения в реализации дифтонга касаются скольжения, качество которого часто приближается к полному гласному [ɪ]: *дорогая* [diə] - [diɪ].

2. По горизонтальным и вертикальным движениям языка.

Наиболее значимые изменения наблюдаются в образовании гласного с точки зрения горизонтальных движений языка. Самая общая тенденция может охарактеризоваться как центрирование как передних, так и задних гласных:

а) ядра [ai], [au], как правило, сдвигаются в центр, особенно в мужском варианте произношения;

б) гласная фонемы [æ] часто заменяется на [a] представителями младшего поколения: [hæv] — [hav], [ænd] — [and];

в) ядро дифтонга [ɔi] значительно различается, варьируя от [ou] среди консервативных ораторов до [ɔi] среди продвинутых:

Консервативный вариант RP: [sou], [foun], [nout]; продвинутый вариант RP: [sɔi], [fɔun], [nɔut].

Указанная тенденция оказалась настолько сильна, что во многих британских книгах был изменен и соответствующий транскрипционный значок: [ou] - [ɔi].

г) гласные [ɪ], [u] значительно расширены в продвинутом варианте RP: *но* [bɪt] - [bət], *хорошо* [gʊd] - [gəd].

Здесь следует отметить, что все короткие гласные имеют тенденцию приближаться к центру рта, то есть двигаться в направлении [ə], особенно в безударной позиции: *честный* ['ɒnɪst] - ['ɒnəst].

Вертикальные изменения в артикуляции гласных могут быть прослежены в [e] и [ɔ:], которые имеют тенденцию менять подъем на более высокий в продвинутом варианте RP. Кроме того ядра дифтонгов [ei], [eə], [ɔə], [uə] становятся более открытыми при выравнивании этих фонем, в частности, дифтонга [eə], который характеризуется большим открытием первого элемента: *осторожный* ['kæəfʊl] - ['ke: fʊl]. При артикуляции ядра дифтонга [uə] может наблюдаться значительное изменение подъёма гласного. Таким образом, некоторые представители продвинутого варианта RP имеют в своём арсенале несколько слов с [uə] с затемнённым произносительным оттенком [ɔ^o]: *плохой, уверенный* [pʊə, fʊə] - [pɔ^o, fɔ^o].

3. Комбинированные изменения. Общеизвестно, что звуки оказывают влияние друг на друга в зависимости от фонетического соседства. Подобные звуковые изменения называются комбинационными. Они имеют место только в определенных фонетических контекстах.

1) Изменения в артикуляции звуковых сочетаний [j + u:]. Такие слова, как «*костюм*», «*студент*», «*супер*», могут произноситься как [sju: t] или [su: t], ['stju: tdənt] или ['stu: dnt], ['sju: pə] или ['su: pə]. Наметилась четкая тенденция для представителей среднего и младшего возраста пропускать [j] после [s] перед [u:]. Однако в слове *assume* [asju:m] внутренний [j] сохраняется во всех вариантах произношения. Отмечаются некоторые колебания в артикуляции [j] после [l]: так, например оно исчезает в начальной части слова (*lute* [lu:t]), но сохраняется в [ɪ'ljuzn] *illusion*. Указанные примеры в комбинационных изменениях RP имеет сходство с Американским стандартным произношением.

2) Следующий тип изменений [ɔ:] на [ɒ] перед [f, s, θ]. В том случае, где орфографический «о» приходится перед глухими щелевыми [f, s, θ] представители старшего поколения будут произносить гласный [ɔ:]: *loss* [lɔ:s]. Этот вариант произношения в настоящее время исчезает в RP и заменяется на [ɒ]: [lɒs].

4. Изменения в долготе артикуляции гласного. Общеизвестным является тот факт, что английские гласные звуки различаются по долготе (длине) в зависимости от фонетического контекста – от степени звонкости последующего согласного (глухой или звонкий), слоговой границы, степени ударения, типов ядерного тона и так далее.

В настоящее время изменения в длине гласных зависят и от других факторов. К таковым можно отнести сильную тенденцию к удлинению коротких гласных, при этом интересно отметить, что это удлинение можно услышать во многих словах в любом положении короткого гласного.

Удлиненное [i] часто слышно в *big, him*; [ʌ] в *come*. Следует также упомянуть, что [i] часто удлиняется в последнем слоге, например, *очень много*: ['veri:], ['meni:].

Короткие гласные [e, æ] также очень часто удлиняются в словах *yes, bed, men, tell, sad, bad, sack* и так далее. Эта тенденция значительно усилилась за последние несколько лет.

В заключение необходимо отметить, что не все изменения в артикуляции английских гласных звуков признаны нормой RP. Некоторые из этих изменений довольно стабильны, другие имеют тенденцию к исчезновению. Язык – живой организм, и его устный аспект подвергается наибольшей динамике.

Список литературы

1. Barber Charles, *Linguistic Change in Present-day English*. London: Oliver & Boyd, 1964. – 154p.
2. Coggle Paul *Do You Speak Estuary?: The New Standard English - How to Spot it and Speak*. (Paperback, 1993)
3. *Cruttenden Alan*. *Gimson's Pronunciation of English* 7th edition. — Hodder Education Publishers, 2008. — 384 p.
4. *O'Connor J.D.* *Better English Pronunciation*. Second Edition - Cambridge University Press, 1980, 1998 - 152 p
5. *Trudgill Peter, Hannah Jean*. *International English: A Guide to the Varieties of Standard English* 3rd edition. — Hodder Education Publishers, 1994. — 176 p.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Р.Р. Хуснулина, Хоу Мэнвэй
АНТРОПОНИМЫ КАК АТРИБУТ ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ
ПЕРЕВОДА «КРОТКОЙ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО НА
АНГЛИЙСКИЙ И КИТАЙСКИЙ ЯЗЫКИ)

Ключевые слова: антропонимы, континуум, имя, перевод,
художественное произведение.

Перевод антропонимов, то есть имен, фамилий, отчества является важным звеном в понимании текста произведения. Именно они связывают человека с его окружением и обществом в целом. Человек живет не только среди людей, но и среди имен, образующих определенный континуум, особое культурное пространство, единое для культурно-языкового коллектива и, вместе с тем, индивидуальное для его представителя.

R.R. Khusnulina, Hou Menvey
ANTHROPONYMS AS AN ATTRIBUTE OF THE
TRANSFER (THE TRANSLATION "THE GENTLE SPIRIT"
BY F. M. DOSTOEVSKY IN ENGLISH AND CHINESE AS
AN EXAPLE)

Keywords: anthroponyms, continuum, the name, translation
(interpretation), fiction.

The translation of anthroponyms, i.e. names, surnames, patronymic is an important link in the understanding of the text of the fiction. They connect a person with his environment and society as a whole. A person lives not only among people, but also among the names that form a certain continuum, a special cultural space, common to the cultural and linguistic community and, at the same time, individual for its representative.

Ж.В. Бурцева
СЕВЕРНЫЙ ТЕКСТ ЛИТЕРАТУРЫ ЯКУТИИ: ПРИЗНАКИ
СВЕРХТЕКСТА

Ключевые слова: северный текст, региональный текст,
сверхтекст, литература малочисленных народов Севера
Якутии, пространство Севера.

В статье определены основные критерии выделения Северного текста литературы Якутии: наличие круга текстов, семантически связанных с Крайним Севером (Арктикой), отражающих систему представлений о северном человеке и мире; уникальность географических природных параметров Севера и представлений о нем; общность культурного интерпретирующего кода; осмысление собственной истории и традиционной культуры; законы формирования художественного языка и тенденции его развития.

Zh.V. Burtseva
NORTH TEXT LITERATURE OF YAKUTIA: SIGNS OF
SUPERTEXT

Keywords: northern text, regional text, supertext, literature of
Indigenous peoples of the North of Yakutia, the space of the
North.

The article defines the main criteria for the allocation of the Northern text of the literature of Yakutia: the presence of a range of texts semantically associated with the Far North (Arctic), reflecting the system of ideas about the Northern man and the world; the uniqueness of the geographical natural parameters of the North and ideas about it; common cultural interpretive code; understanding of their own history and traditional culture; the laws of the formation of the artistic language and trends of its development.

С.Н. Мироненко
ПУТЕВОЙ ОЧЕРК В ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
АФАНАСИЙ НИКИТИН - А.С. ПУШКИН - Б.А. ПИЛЬНЯК

Ключевые слова: Афанасий Никитин, А. С. Пушкин, Б. А.
Пильняк, очерк, путевой очерк.

В данной статье прослеживаются традиции русского путевого очерка на примере трех произведений: «Хожение за три моря» Афанасия Никитина, «Путешествие в Арзрум» Александра Сергеевича Пушкина и «Таджикистан – Седьмая Советская» Бориса Андреевича Пильняка.

S.N. Mironenko
TRAVEL WRITING AND RUSSIAN LITERARY CANON:
AFANASY NIKITIN- ALEXANDER PUSHKIN- BORIS
PILNYAK

Keywords: Afanasy Nikitin, Alexander Pushkin, Boris Pilnyak.

The article is aimed to explore the development of Russian travel writing tradition, taking the following pieces of writing as case examples: A Journey Beyond the Three Seas by Afanasy Nikitin, A Journey to Arzrum by Alexander Pushkin and Tadzhhikistan: Seventh Soviet by Boris Pilnyak.

З.Г. Станкович
САМОНОМИНАЦИЯ В ТЕРМИНАХ НЕОДУШЕВЛЁННОСТИ
КАК ФОРМА ЛИТЕРАТУРНОЙ САМОРЕФЛЕКСИИ В
ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ЦОЯ

Ключевые слова: саморефлексия, самономинция, русская рок-
поэзия.

Целью исследования является изучение специфики саморефлексии в песенной лирике Виктора Цоя, осуществляющейся путём самономинции лирического субъекта как неодушевлённого предмета или явления. Ранее эта форма проявления саморефлексии не рассматривалась в литературоведении, что обуславливает новизну предмета исследования. Самономинция в категориях неодушевлённости раскрывает особенности понимания Цоем проблем одиночества и потребности в собеседнике, тем урбанистической вселенной и человеческого микрокосмоса.

Z.G. Stankovich
SELF-NOMINATION IN TERMS OF INANIMATENESS AS
A FORM OF LITERARY SELF-REFLECTION IN VICTOR
TSOI'S CREATIVITY

Keywords: self-nomination, self-reflection, Russian rock-poetry.
The aim of the research is to study the specifics of self-reflection in the song lyric of Viktor Tsoi carried out by self-naming of the lyrical subject as an inanimate object or phenomenon. Previously, this form of self-reflection's expression was not examined in literary criticism. This fact determines the novelty of research subject. Self-nomination in the categories of inanimateness reveals the peculiarities of Tsoi's understanding of loneliness and need for interlocutor problems and themes of urban universe and human microcosm.

М.В. Сухарева
ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОЙ
ИРОНИИ В РОМАНЕ А. СНЕГИРЕВА «ВЕРА»:
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Ключевые слова: ирония, авторская ирония, ирония от
персонажей, когнитивный метод, роман «Вера», приемы
иронии, феномен, юмор, сатира, гротеск.

В статье представлены основные способы реализации авторской иронии в романе А. Снегирева «Вера». Ирония

M.V. Sukhareva
THE MAIN WAYS TO IMPLEMENT THE AUTHOR'S
IRONY IN A. SNEGIREV'S NOVEL «FAITH»: AN
ANTHROPOLOGICAL PROCESS

Keywords: irony, author's irony, irony from the characters, the
cognitive method, the novel «Faith», the techniques of irony, the
phenomenon, humor, satire, the grotesque.

The article presents the main ways of implementing the author's irony in the novel A. Snegireva "Faith". The author's irony

автора органично составляет роман. В ходе исследования было установлено, что художественное пространство выбранного для анализа произведения включает как примеры «иронии от персонажа», в которых ироническая интенция принадлежит героям-автору реплик, так и случаи «иронии от автора». Биография женщины к концу романа уже не считается вымышленной. Роман можно считать сатирическим, но это грустная сатира. Единственный источник света в романе – это взгляд на историю и правду человека. Это роман, который замыкает время и миф, верование и пороки, представляет новый гибридный жанр. Произведение А. Снегирева – это истинно русский роман. Автор любит проявление человеческой природы, он умиляется глупостям, которые совершают персонажи.

О.Ю. Юрьева

УЧЕНИЕ ОБ ИДЕЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И
ЭЙДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СИМВОЛИКИ В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Статья 1

Ключевые слова: Достоевский, русская литература начала XX века, идея, символ, эйдос, эйдология, эйдологический символ.

Влияние Достоевского на русскую литературу XX столетия глубоко и многоаспектно. Гипотеза предлагаемой статьи состоит в том, что одним из факторов влияния стало созданное писателем учение об идее, ее «таинственных законов» ее существования, о ее влиянии на человеческое сознание, поведение, поступки, а также созданная Достоевским система эйдологических символов, репрезентирующих ту или иную идею. Сущность и смысл эйдологии Достоевского — в представлении синтетической природы субстанциональной идеи, проявляющейся не только в характерах и поступках людей, но и в различных материальных эманациях, репрезентируемых в его романах, а также в произведениях художников Серебряного века эйдологическими символами, которые анализируются в статье.

А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, А.Т. Хайруллин,
Р.Н. Зигитбаев, А.Д. Лифанова, Р.Э. Сафаров, С.А. Батанин,
А.Ф. Мухлисов, Л.Р. Сайтумирова
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА
В.А. МЫШКИНА (1944—2018 ГОДЫ)

Ключевые слова: врачи-труэнты, лирика, профессор, творчество.

Республика Башкортостан в 2019 году отмечает 100-летие своего образования и организации республиканской системы здравоохранения. Министерство здравоохранения Республики Башкортостан совместно с Башкирским государственным медицинским университетом готовит к изданию монографию «Медицинские работники Республики Башкортостан», в которой будут представлены республиканские врачи-труэнты, среди которых профессор В.А. Мышкин, как поэт-лирик.

Н.И. Белунова

ПОЛИТЕМАТИЧНОСТЬ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
В ТЕКСТЕ ДРУЖЕСКОГО ПИСЬМА (НА МАТЕРИАЛЕ
ПИСЕМ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КОНЦА XIX -
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА)

Ключевые слова: дружеское письмо, политематичность, текстовый фрагмент, абзац, композиция, категория диалогизации.

В статье рассматривается специфика проявления политематичности как жанровой особенности дружеского письма в его композиции, представленной такими единицами текста, как абзац и текстовый фрагмент; выявляются тематические границы в данных единицах текста; политематичность рассматривается в качестве одного из средств, реализующих категорию диалогизации текста дружеского письма.

organically constitutes a novel. In the course of the study, it was established that the artistic space of the work chosen for analysis includes both examples of “irony from a character” in which the ironic intention belongs to the heroes of the author of the replicas, as well as cases of “irony from the author”. The biography of the woman by the end of the novel is no longer considered fictional. The novel can be considered satirical, but it is a sad satire. The only source of light in the novel is a look at the history and truth of a person. This novel, which closes time and myth, belief and vices, represents a new hybrid genre. The work of A. Snegirev is a truly Russian novel. The author admires the manifestation of human nature, he is moved by the nonsense that the characters make.

O.Yu. Yureva

THE DOCTRINE OF IDEA AND IDEOLOGICAL
STATUS SYMBOLS OF F. M. DOSTOEVSKY IN RUSSIAN
LITERATURE THE BEGINNING OF THE TWENTIETH
CENTURY

Article 1

Keywords: Dostoevsky, Russian literature of the early twentieth century, idea, symbol, eidos, eidologia, eidological symbol.

Dostoevsky's influence on the Russian literature of the twentieth century is profound and multifaceted. The hypothesis of the proposed article is that one of the factors of influence was the author's teaching about the idea, its "mysterious laws" of its existence, its influence on human consciousness, behavior, actions, as well as the system of eidological symbols created by Dostoevsky, representing this or that idea. The essence and meaning of eidology of Dostoevsky in the representation of the synthetic nature of the substantial ideas, manifested not only in the characters and actions of men, but in different material emanations, represented in his novels, as well as in the works of artists of the Silver age eidological symbols, which are analyzed in the article.

A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, A.T. Khairullin,
R.N. Zigitbaev, A.D. Lifanova, R.E. Safarov, S.A. Batanin,
A.F. Muhlisov, L.R. Saitumirova
LITERARY HERITAGE OF PROFESSOR V.A. MYSHKINA
(1944—2018)

Keywords: truent doctors, lyrics, professor, creativity.

The Republic of Bashkortostan in 2019 celebrates the 100th anniversary of its education and organization of the republican health care system. The Ministry of Health of the Republic of Bashkortostan together with the Bashkir State Medical University is preparing to publish the monograph “Medical Workers of the Republic of Bashkortostan”, in which republican medical doctors will be represented, including Professor V.A. Myshkin as a lyric poet.

N.I. Belunova

POLYTHEMATISM AND ITS MAIN FEATURES IN THE
TEXT OF A FRIENDLY LETTER (ON THE MATERIAL OF
LETTERS FROM THE CREATIVE INTELLIGENTSIA OF
THE LATE XIX - THE FIRST QUARTER OF THE XX
CENTURY)

Keywords: friendly letter, polythematicism, text fragment, paragraph, composition, dialogization category.

The article discusses the specifics of the occurrence of polythematicism as a genre feature of a friendly letter in its composition represented by such text units as a paragraph and text fragment; thematic boundaries in the given text units are revealed; polythematicism is considered as a means of realizing dialogization category of the text of a friendly letter.

М.Е. Бохонная, Е.А. Шерина
ЕДИНИЦЫ С «ВЕЩНОЙ» СЕМАНТИКОЙ В
СРЕДНЕОБСКОЙ ЗАГАДКЕ

Ключевые слова: загадка, единицы с «вещной» семантикой, среднеобский фольклор.

В статье рассматривается специфика реализации единиц «веник», «сапоги», «самовар» в среднеобской загадке. Отмечается, что они употребляются только в отгадке и называют загаданный объект. Выявлено, что данные единицы представляют загаданную реалью преимущественно через такие ее неотчуждаемые свойства, как качественная характеристика и функциональная значимость.

М.Е. Бохонная, Е.А. Шерина
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ
МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ОБРАЗОВ
ПОГОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: метафора, сема, национально-культурная специфика, языковая картина мира.

В статье рассматриваются метафоры русского и английского языков, образно характеризующие явления и предметы действительности и ассоциативно связанные с погодными явлениями. Описаны группы оснований метафорического переноса в двух языках. Использование сопоставительного метода позволило сделать выводы об универсальности и национально-культурной специфике исследуемых единиц.

О.В. Котлярова
ЭВОЛЮЦИОНИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ЗНАЧИМЫХ
КОНЦЕПТОВ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
ЧИНОВНИК, ОБЩЕСТВО

Ключевые слова: культурно-значимые концепты, русская языковая картина мира, эволюционирование концептов, динамичность языковой картины мира.

Основной целью представленной статьи является демонстрация динамичности русской языковой картины мира на примере культурно-значимых концептов чиновник и общество. Автор осуществил лексико-фразеологический анализ обсуждаемых концептов, а также провел ассоциативный эксперимент в рамках дополнительных профессиональных программ повышения квалификации для органов власти. Основным выводом представленной статьи становится подтверждение гипотезы о деформации концептов чиновник и общество в сознании носителей русского языка.

М.Ю. Масалова, С.В. Шелковникова
НЕОДНОЗНАЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СИНТАКСИСЕ РУССКОГО
ЯЗЫКА КАК ВЫРАЖЕНИЕ АСИММЕТРИИ ЯЗЫКОВОГО
ЗНАКА

Ключевые слова: неоднозначность, двусмысленность, асимметрия языкового знака, полисемия, омонимия, синонимия, синтаксический синкретизм.

В статье рассматриваются синонимия, омонимия, полисемия и синкретизм как явления в синтаксисе русского языка, обусловленные асимметрией языкового знака, выявлены их общие и специфические признаки, а также способы дифференциации. Смешение данных понятий может приводить к двусмысленности в тексте, поэтому необходимо четко представлять границы данных неоднозначных явлений.

Ф. Видерас Санчес
ОБРАЗ АВТОРА В РУССКИХ И ИСПАНСКИХ ГАЗЕТНЫХ
ТЕКСТАХ (ПЕРСОНИФИКАЦИЯ И СТИЛЬ)

Ключевые слова: публицистика, аналитическая статья, образ автора, стилистика, речевое воздействие.

В статье рассматривается образ автора как ключевая текстообразующая категория в текстах российских и испанских газет. Анализируется степень присутствия автора в тексте и стилистическая тональность текста с целью выявить его воздействующий потенциал и выяснить, каким

M.E. Bokhonnaya, E.A. Sherina
LEXICAL UNITS WITH "REAL" SEMANTICS IN THE
MIDDLE OB RIDDLE

Keywords: a riddle, units with "real" semantics, Middle Ob folklore.

The article describes the specifics of the implementation of the units "broom", "boots", "samovar" in the Middle Ob riddle. It has been noted that they are used only in the answer and call the object. It has been revealed that these units represent the conceived reality mainly through inalienable properties, such as quality characteristics and functional significance.

M.E. Bokhonnaya, E.A. Sherina
METAPHORICAL MODELS OF ASSOCIATIVE
RETHINKING OF WEATHER CATEGORIES IN RUSSIAN
AND ENGLISH LANGUAGES: COMPARATIVE ASPECT

Keywords: metaphor, seme, national-cultural specificity, language worldview.

The article deals with the metaphors of the Russian and English languages, which figuratively characterize phenomena and objects of reality and are associated with weather phenomena. Base groups of metaphorical transference in two languages are described. The use of a comparative method allowed to draw conclusions about the universality and national-cultural specifics of the studied units.

O.V. Kotlyarova
EVOLUTION OF CULTURALLY SIGNIFICANT CONCEPTS
OF THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD
OFFICIAL, SOCIETY

Keywords: culturally significant concepts, Russian language picture of the world, evolution of concepts, dynamism of language picture of the world, official, society.

The main purpose of the article is to demonstrate the dynamism of the Russian language picture of the world on the example of culturally significant concepts of official and society. The author carried out a lexical and phraseological analysis of the concepts discussed, and also conducted an associative experiment in the framework of additional professional training programs for the authorities. The main conclusion of the article is the confirmation of the hypothesis about the deformation of the concepts of official and society in the minds of Russian speakers.

M.Yu. Masalova, S.V. Shelkovnikov
AMBIGUOUS NOTIONS IN THE SYNTAX OF THE
RUSSIAN LANGUAGE AS EXPRESSION OF THE
LANGUAGE SIGN ASSYMETRY

Keywords: ambiguity, ambivalence, language sign assymetry, polysemy, homonymy, synonymy, syncretism.

The paper considers synonymy, homonymy, polysemy and syncretism as means in syntax of the Russian language determined by the language sign assymetry. The article determines their common and specific characteristics as well as methods of differentiation. Confusion of the notions can lead to the text ambiguity, therefore, it is necessary to identify the limits of such ambiguous notions.

F. Videras Sánchez
THE IMAGE OF THE AUTHOR IN RUSSIAN AND SPANISH
NEWSPAPER TEXTS (PERSONIFICATION AND STYLE)

Keywords: journalism, articles, image of the author, style, speech effects.

The article considers the author's image as a key text-forming category in the texts of Russian and Spanish Newspapers. The degree of the author's presence in the text and the stylistic tone of the text are analyzed in order to reveal its influencing potential and to find out how the author's influence on the addressee

образом происходит воздействие автора на адресата. Отмечается, что репрезентация образа автора в газетных текстах может быть связана с национальной спецификой прессы двух стран, а также с тематикой публикаций. Актуальность работы определена ролью журналиста как языковой личности в информационной войне, свободой слова и творческим началом газетных текстов. Анализ производится на материале аналитических статей по важным общественно-политическим вопросам, опубликованных в последние годы: присоединение Крыма к России, каталонский процесс независимости, выбор Папы Франциска и победа Дональда Трампа на выборах США 2016 года.

Ся Линь

РИТОРИКА И СЛОВЕСНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКОЕ И
СОВРЕМЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРЕДМЕТНОГО
СОДЕРЖАНИЯ НАУК

Ключевые слова: риторика, словесность, красноречие, история, наука.

В статье представлен взгляд на эволюцию предмета двух схожих филологических дисциплин, занимающихся речью и исследованием текстов словесных произведений: риторики и словесности. Для анализа избраны основные труды и наиболее авторитетные классические авторы, а заканчивается исследование современными оценками предметного содержания риторики и словесности в России.

Э.О. Айвазашвили

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНО-
ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА БИЗНЕС-ДИСКУРСА
ЧЕРЕЗ ДЕЙКТИЧЕСКУЮ ФУНКЦИЮ ЛИЧНОГО
МЕСТОИМЕНИЯ «WE» (МЫ) (НА ПРИМЕРЕ ЖАНРА
«БИЗНЕС-СОВЕЩАНИЕ»)

Ключевые слова: личные местоимения, дейктическая функция, коммуникативно-прагматический потенциал, бизнес-совещание, бизнес-дискурс.

В статье рассматриваются особенности употребления личного местоимения «we» (мы) в качестве одного из лексико-прагматических операторов коммуникативно-прагматического потенциала жанра бизнес-совещания в современном английском языке. Автор предпринимает попытку изучить прагматический диапазон данного феномена через его дейктическую функцию. В результате проведенного исследования было выявлено существование пяти основных типов бытования личного местоимения «мы» в англоязычных бизнес-совещаниях: «we» - присутствующие на совещании члены коллектива; «we» - целостная организационная единица; «we» - два участника совещания; «we» - участники проектной группы; «we» - весь персонал компании.

Н.П. Андреева, Г.П. Терентьева, И.И. Чашина
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ
НАЗВАНИЙ АНГЛИЙСКИХ И ИРЛАНДСКИХ ПАБОВ

Ключевые слова: социолингвистика, паб, корреляция, языковые явления, названия, тематические группы.

Данная статья посвящена соотношению языковых явлений с социальными, возникающими в процессе развития общества. Авторы утверждают, что паб - это не только питейное заведение. Это еще и английские и ирландские традиции, а их названия могут о многом нам рассказать об истории Англии и Ирландии.

Т.М. Белова, К.Э. Вяльях, Е.А. Яшкينا
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЕРБАЛЬНОГО И
ВИЗУАЛЬНОГО В КИНОТЕКСТЕ

Ключевые слова: кинотекст, креолизованный текст, внутрикадровая надпись, вербально-визуальные единицы, экспрессивная функция.

В статье рассматривается кинотекст как особый вид креолизованного текста. Объектом исследования послужил британский детективный драматический телесериал

occurs. It is noted that the representation of the author's image in newspaper texts may be associated with the national specifics of the press of the two countries, as well as with the subject of publications. The analysis is based on the material of analytical articles on important social and political issues published in recent years.

Xia Lin

RHETORIC AND LITERATURE: HISTORICAL AND
MODERN UNDERSTANDING OF THE SUBJECT CONTENT
OF SCIENCES

Keywords: rhetoric, literature, eloquence, history, science. The article presents a view on the evolution of the subject of two similar philological disciplines involved in speech and the study of texts of verbal works: rhetoric and literature. The main works and the most authoritative classical authors are chosen for the analysis, and the study ends with modern assessments of the subjects of rhetoric and literature in Russia.

E.O. Aivazashvili

THE ACTUALIZATION OF THE COMMUNICATIVE-
PRAGMATIC POTENTIAL OF THE BUSINESS DISCOURSE
THROUGH THE DEICTIC FUNCTION OF PERSONAL
PRONOUN «WE» (ON THE EXAMPLE OF THE GENRE OF
«BUSINESS MEETING»)

Keywords: personal pronouns, deictic function, communicative and pragmatic potential, business meeting, business discourse. The article discusses the features of the use of personal pronoun «we» as one of the lexical - pragmatic operators of communicative and pragmatic potential of the genre of business meetings in modern English. The author attempts to explore the pragmatic range of the phenomenon through its deictic function. As a consequence, the study revealed five basic types the usage of the personal pronoun in English business meetings: «we» - the people who are present at the meeting, the members of the team; «we» - a holistic organizational unit; «we» - two participants of the meeting; «we» - members of the project team; «we» - the entire staff of the company.

N.P. Andreeva, G.P. Terenteva, I.I. Chatshina
SOCIO-LINGUISTIC ASPECT OF IRISH AND ENGLISH
PUB'S NAMES

Keywords: sociolinguistics, pub, correlation, linguistic phenomenon, names, notions, thematic groups.

This article is devoted to correlation of linguistic phenomenon with the social ones which emerge in the process of society development. The authors put forward an idea that pub is not only the place for drinking beer, but also they are closely connected with the traditions of these countries. As for the pub's names they might have told a lot about England and Ireland.

T.B. Belova, K.E. Vyalyak, E.A. Yashkina
PECULIARITIES OF VERBAL AND VISUAL
INTERACTION IN FILM TEXT

Keywords: film text, creolized text, caption, verbal and visual units.

This article considers a film text as a special type of creolized text. The target of research is a British criminal drama series produced by the British network BBC along with Hartswood Films. The paper explores linguistic and non-linguistic parts of

“Sherlock” компании Hartswood Films, снятый для BBC Wales. Исследуется взаимодействие лингвистической и нелингвистической составляющей в кинотексте, влияние специфики киножанра на данное взаимодействие.

Н.В. Сабурова, К.И. Федорова

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКА КАК МЕХАНИЗМА ТЕКСТОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ СМИ

Ключевые слова: заголовок, заголовочный комплекс, рекламно-экспрессивная функция, функция привлечения внимания. Статья посвящена анализу основных функций заголовка современного текста СМИ в контексте современного онлайн-формата. На примере анализа текста британского развлекательного издания демонстрируется, каким образом функциональный характер заголовка реализуется на нескольких уровнях самого заголовочного комплекса и всего текста. Выявляется усложненная семантическая структура заголовочного комплекса, которая затем последовательно реализуется на текстовом уровне посредством ряда лексико-семантических средств.

Н.Г. Хилалова, П.В. Янькова

СЕМИОТИКА КОМИЧЕСКОГО В АМЕРИКАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: американский университетский дискурс, анекдот, идеология, вопросно-ответные единства, традиции. В статье рассматриваются особые лингвистические знаки – анекдоты, способные к многочисленным воспроизведениям и поддерживающие корпоративный дух студентов университета A&M города Колледж Стейшен (Техас). Анализ анекдотов позволяет раскрыть особенности отношений как внутриуниверситетских, так и с вузами других городов, а также традиции и идеологию Техасского A&M университета.

Л.Г. Юсупова, С.А. Песина

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕКСИКИ КАТЕГОРИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: маркеры категории неопределенности, когнитивная категория, когнитивный прототип, аппроксиматор, дискурс.

В рамках данной статьи предпринята попытка представить перечень лексических средств, маркирующих категорию неопределенности в английском и русском языках. Результаты проведенного исследования, а также представленный иллюстративный материал, рассматриваются как доказательство тенденции к усилению частотности использования языковых единиц категории неопределенности в процессе коммуникации с целью достижения необходимого прагматического эффекта.

Л.Г. Юсупова, С.А. Песина

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА

Ключевые слова: семантическая структура, коммуникативный компетенция, лексические навыки, семантический кластер, лексическое значение, словарный запас, семантика, когнитивная лингвистика.

В статье представлено обоснование гипотезы о том, что в процессе формирования лексической компетенции у студентоязыковое сознание обучающегося не обращается сразу ко всему объему словарного значения, как это принято в общепринятых семантических описаниях, достаточно активация только самых общих необходимых для понимания речевого контекста семантических компонентов. Делается предположение о том, что за семантической структурой многозначного слова в языковом сознании стоит вариативный семантический кластер как совокупность ядерных наиболее устойчивых и частотных семантических признаков.

the film text and genre impact on this interaction.

N.V. Saburova, K.I. Fedorova

FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF HEADLINE AS A MECHANISM OF TEXT'S REALISATION IN MODERN ENGLISH-SPEAKING ENTERTAINMENT MEDIA TEXTS

Keywords: headline, advertising-expressive function, function of drawing attention.

The article focuses on the analysis of some of the key functions of the modern media text's headline in context of modern online format. The performed analysis of a British entertainment media text shows how functions are realized on several levels of both headline and text. It reveals a complex semantic structure of headline which is realized on textual level via a number of lexical and semantic means.

N.G. Hilalova, P.V. Yan'kova

SEMIOTIC OF THE COMIC IN AMERICAN UNIVERSITY DISCOURSE

Keywords and phrases: American University discourse, anecdote, ideology, question-and-answer unity, traditions.

The paper deals with special linguistic signs – anecdotes that have numerous reproductions and thus support the corporate spirit of students of the A&M University of College Station (Texas). The analysis reveals the peculiarities of both intra-University and relations with universities in other cities and also traditions and ideology of A&M University.

L.G. Yusupova, S.A. Pesina

COGNITIVE ASPECTS OF THE INTERPRETATION OF LEXICAL CATEGORY OF UNCERTAINTY IN THE ENGLISH LANGUAGE

Keywords: uncertainty category markers, cognitive category, cognitive prototype, approximator, discourse.

Due to the general background knowledge about the world, the perceiving mind interprets statements in such a way that approximately recreates and restores the relevant cognitive categories in his consciousness. The purpose of the article is to study the functional peculiarities of such lexical units, to present their classification and to understand the reasons that lead to their widespread use in various types of discourses. The classification of these lexical units based on their functional features.

L.G. Yusupova, S.A. Pesina

THE FORMATION OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE POLYSEMANTIC WORD

Keywords: semantic structure, communicative competence, lexical skills, semantic cluster, lexical meaning, vocabulary, semantics, cognitive linguistics.

The article presents the rationale for the hypothesis that in the process of formation of students' lexical competence, the linguistic consciousness of the student does not immediately address the entire volume of dictionary meaning, as is customary in the generally accepted semantic descriptions, only the most general vocabulary necessary for understanding is sufficient. semantic components. It is assumed that the semantic structure of a multivalued word in the linguistic consciousness is behind the variable semantic cluster as a set of nuclear most stable and frequency semantic features. As a result of using the proposed approach, effective formation of skills and abilities of foreign language communication, formation of a culture of thinking and cognitive interests of students take place.

Г.В. Галавова, А.В. Шафикова
 ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРЫ В
 ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: полиязычное образование, языковая среда, языковая ситуация, полинациональный, язык, татарский язык.
 В статье рассматривается полиязычное образование в Республике Татарстан, которое является одной из главных стратегий и важнейшим направлением развития Республики Татарстан. Показаны пути, решения, сложности развития языков в стремительно развивающемся современном мире. Предложена образовательная концепция в условиях полиязычной системе образования Татарстана, которая позволит построить образовательные планы на базе трех языков: русского, татарского, английского.

G.V. Galavova, A.V. Shafikova
 LANGUAGE AS A MEANS OF TRANSLATION OF
 CULTURE IN THE PROCESS OF INTERCULTURAL
 COMMUNICATION

Keywords: multilingual education, language environment, language situation, polynational, language, Tatar language.
 The article deals with multilingual education in the Republic of Tatarstan. It is one of the main strategies and the most important directions of development of the Republic of Tatarstan. The ways, solutions, and difficulties of language development in a rapidly developing modern world are considered. An educational concept has been proposed in the conditions of the multilingual education system of Tatarstan. It will make it possible to develop educational plans on the basis of three languages: Russian, Tatar, and English.

З.И. Евлоева, Э.Г. Оздоева, П.М. Алиева
 КОНВЕРСИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ИНГУШСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: конверсия, субстантивация, адъективация, адвербиализация, французский язык, ингушский язык.
 В данной статье рассматривается конверсия во французском и ингушском языках в сопоставительном плане. Авторы выявляют наиболее частотные в художественной литературе типы конверсии. Отмечается, что основными типами конверсии в рассматриваемых языках являются субстантивация, адъективация и адвербиализация. Сделан вывод о том, что во французском языке в количественном отношении субстантивация является самым частотным типом конверсии. В ингушском языке субстантивация глаголов встречается редко, а адъективация достаточно частотный тип конверсии.

Z.I. Evloeva, E.G. Ozdoeva, P.M. Alieva
 CONVERSION IN FRENCH AND INGUSH LANGUAGES

Keywords: conversion, substantivisation, adjectivisation, adverbialisation, French, Ingush.
 The article deals with the conversion in French and Ingush in comparative terms. Authors identify the most common types of conversions in fiction. The article notes that the main types of conversion in these languages are substantivisation, adjectivisation, and adverbialisation. It is concluded that in French the substantivisation is the most common type of conversion quantitatively. In Ingush the substantivisation of verbs is rare, and the adjectivisation is fairly frequent type of conversion.

Н.А. Иванова, А.В. Сахарова
 К ВОПРОСУ О РОЛИ ЯЗЫКА КАК ФАКТОРА
 ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ:
 ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: языковая личность, дискурс, лингвоцентризм, антропоцентризм, социальный конструктивизм.
 Цель данной статьи заключается в анализе двух направлений изучения роли языка в процессе формирования языковой личности – лингвоцентризма и антропоцентризма. Рассматривается ряд моделей взаимодействия языка и языковой личности с точки зрения данных направлений, выявляются присущие им познавательно значимые и дискуссионные аспекты.

N.A. Ivanova, A.V. Sakharova
 TO THE QUESTION ABOUT THE ROLE OF THE
 LANGUAGE AS A FACTOR IN THE FORMATION OF
 LANGUAGE PERSONALITY: THEORETICAL ASPECT

Keywords: language personality, discourse, lingvocentrism, anthropocentrism, social constructivism.
 The purpose of the article is to review two areas of research in the role of the language in the process of the formation of language personality – lingvocentrism and anthropocentrism. A number of models of interaction of language and language personality are considered from the point of view of these tendencies, cognitive meaningful and debatable aspects are revealed in them.

Г.Н. Каримуллина
 ЯЗЫКОВЫЕ ВОПРОСЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
 В МАТЕРИАЛАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

Ключевые слова: русский язык, татарский язык, двуязычие, пресса, государственный язык.
 Известно, что средства массовой информации обретают в последнее время роль модератора общественного мнения, тем самым становятся богатым источником эмпирического материала для мониторинга различных этнополитических процессов. В данной статье представлен анализ региональной прессы Республики Татарстан с целью определения отношения к проводимой как на региональном (республиканском), так и на федеральном уровнях языковой политики.

G.N. Karimullina
 THE LANGUAGE ISSUES OF THE REPUBLIC OF
 TATARSTAN

Keywords: Russian, Tatar language, bilingualism, mass media, state language.

It is well known that mass media, including the regional ones, have been acquiring the role of a public opinion moderator, thus becoming a rich source of empirical material for monitoring various ethno-political processes. Thus, it can be relevant to consider the regional mass media of the Republic of Tatarstan in order to find out the attitudes towards the language policy implemented at both regional (Republic) and federal levels.

Е.Ф. Киров
 ДИСКУРСЕМА И МЕГАЭПИТЕТ В ДИСКУРСОЛОГИИ

Ключевые слова: текст, знак, дискурс, дискурсема, эпитет, мегаэпитет, дискурсология.

В статье рассмотрены новые для дискурсологии понятия дискурсема и мегаэпитета. Мегаэпитет понимается как семантическая структура, которая состоит из компонентов, которыми являются не семы, а целые семемы, приобретающие статус компонента. Дискурсема рассматривается как инвариантная единица, лежащая в основе тематически

E.F. Kirov
 DISCOURSEMA AND MEGAEPITETH IN
 DISCOURSIOLOGY

Keywords: text, semion, discourse, discoursema, epithet, megaepithet, discours-science.

The article discusses the new concepts of discoursema and megaepithetism for discourse. Mega-epithet is understood as a semantic structure, which consists of components, which are not semes, but whole sememes that acquire the status of a component. Discourse is considered as an invariant unit that underlies thematically homogeneous discourses. The semiotic

однородных дискурсов. Подчеркнуто семиотическое соотношение между текстом и дискурсом, вслед за рядом ученых постулируется, что текст является знаком дискурса и превращается в собственно дискурс на время коммуникативной транзакции.

А.Х. Малкандуева, А.Л. Гелястанова, К.В. Абазова
СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СОБСТВЕННЫХ
ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦАХ

Ключевые слова: собственное существительное, языковая картина мира, метафорическое переосмысление, ономастический компонент, фразеологическая деривация. В статье рассматриваются фразеологические единицы с собственным существительным. В работе анализируются основные формы семантических преобразований имен собственных во фразеологических единицах, определяется соотношенность значения компонентов с общим значением фразеологической единицы.

К.О. Селезнева
РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВХОДЯЩИХ В СОСТАВ
ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ОБЩИЕ НОМИНАЦИИ
ПЕДАГОГОВ

Ключевые слова: контрастивный анализ, тематическая группа, компонентный анализ, лексическая единица, семема, сема, контрастивная пара.

Статья посвящена результатам компонентного анализа лексем тематической группы Общие номинации педагогов в русском и испанском языках. В своей статье автор использовал методику контрастивного анализа лексики. Был произведен компонентный анализ исследуемых лексических единиц. Унифицированные значения семем представлены автором в виде набора конкретных сем, составлены контрастивные пары.

А.А. Устиновская
К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Ключевые слова: поэзия, художественный перевод, прагматический потенциал, семиотика, лексические средства, переводческая трансформация.

Данная статья посвящена проблеме восприятия иноязычных поэтических текстов и их адекватного перевода с одного языка на другой. Указаны специфические особенности поэзии как рода литературы, которые должны учитывать переводчики. Прокомментированы взгляды ряда известных исследователей художественного перевода и уточнены требования, предъявляемые к качественному переводу иноязычных поэтических текстов на русский язык.

Е.О. Чурюканова
К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ СТАНДАРТНОГО
БРИТАНСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ
ГЛАСНЫХ

Ключевые слова: стандартный акцент, региональный акцент, социальный маркер, гласные фонемы. В статье рассматриваются вопросы современного состояния стандартного британского произношения. Освещаются тенденции развития основного акцента в его сравнении с региональными акцентами. Затрагиваются типичные изменения в системе гласных современного стандартного акцента Соединённого Королевства.

relationship between text and discourse is emphasized, and, after a number of scholars, it is postulated that text is a sign of discourse and turns into a discourse proper at the time of a communicative transaction.

A.Kh. Malkandueva, A.L. Gelistanova, K.V. Abazova
SEMANTIC TRANSFORMATION OF PROPER NAMES IN
PHRASEOLOGICAL UNITS

Keywords: proper name, linguistic picture of the world, metaphorical interpretation interpretation, onomastic component, phraseological derivation.

The article deals with phraseological units with proper names. The paper analyzes the main forms of semantic transformations of proper names in phraseological units, the correlation of the meaning of components with the total value of the phraseological unit is defined.

K.O. Selezneva
THE COMPONENT ANALYSIS RESULTS OF THE LEXEMS
FROM THE THEMATIC GROUP ОБЩИЕ НОМИНАЦИИ
ПЕДАГОГОВ

Keywords: contrastive analysis, thematic group, component analysis, lexical unit, sememe, sema, contrastive pair.

This article is devoted to the component analysis results of the lexemes from the thematic group Общие номинации педагогов in Russian and Spanish. The author used the methodology of contrastive analysis for it. The component analysis of studied lexical units is made. The unified values of sememes are represented as some sets of concrete semas. Contrastive pairs are made.

А.А. Устиновская
ABOUT THE PROBLEM OF TRANSLATION OF POETIC
TEXTS

Keywords: poetry, poetry translation, pragmatic potential, semiotics, lexical means, transformations.

This article is devoted to the problem of perception of foreign-language poetic texts and their adequate translation from one language into another. The specific features of poetry are indicated as a kind of literary work that translators must take into account. The views of a number of well-known literary scholars are commented on and the requirements for high-quality translation of Russian-language poetry are clarified.

Е.О. Чурюканова
TO THE QUESTION OF DYNAMICS OF THE STANDARD
BRITISH PRONUNCIATION ON THE EXAMPLE OF THE
VOWEL SYSTEM

Keywords: standard accent, regional accent, social marker, vowel phonemes.

The article considers the questions of the contemporary situation in the sphere of standard British pronunciation. It analyses the tendencies in the development of the main accent in its comparison to the regional accents. The article touches upon the typical changes in the vowel system of the standard accent of the UK.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Казанская наука» и ООО «Казанский Издательский Дом» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№3 2019

www.kazanscience.ru

Лицензия ПИ № ФС77-59615

Подписано в печать 02.04.2019

Формат 60 x 84 1/8. Печать цифровая.

9,2 усл.печ.л. 10,6 уч.изд.л. Тираж 900 экз. Заказ 2630.

Учредитель: ООО «Казанская наука»:

420021, г. Казань, ул. З.Султана, д.17а.

Адрес издательства, типографии – ООО «Казанский Издательский Дом»:

420102, г. Казань, ул.2-ая Юго-Западная, 3

Цена - договорная

© Казанский Издательский Дом

тел.(843) 290-60-15

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Казанский Издательский Дом»